

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 5.
М А Й 1912 г.

Москва.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „Украинской Жизни“.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Русскій либерализмъ и украинское движеніе. <i>Дм. Донцова</i>	7
II. Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ. <i>В. В. Садовскаго</i>	17
III. <i>Lex Richniana</i> . <i>О. Бьлоусенка</i>	28
IV. Современная украинская лирика. <i>С. Ф. Русовой</i>	43
V. Польскій публицистъ объ украинствѣ. <i>А. Θ. Саликовскаго</i>	49
IV. На текущія темы.—О свѣтѣ и гасителяхъ.—Трезвые практики и крѣпкіе лбы.—Новые опыты на старыхъ основаніяхъ.—Изъ одной анкеты, или о неожиданныхъ путяхъ.—Чужая литература, чужбина и преслѣдованія, какъ источники самосознанія. <i>С. А. Ефремова</i>	58
VII. Обзоръ украинской жизни.—Предвыборныя настроенія въ украинствѣ.—Конецъ холмскаго вопроса.—Вопросъ объ языкѣ преподаванія.—Жертва польской школьной политики.—Вопросъ объ украинскомъ университетѣ во Львовѣ.—Скандалъ въ москвофильскомъ лагерѣ. <i>С. Б.</i>	70
VIII. На Украинѣ и внѣ ея.—За мѣсяць.—Изъ русской печати.—Библіотеки на Полтавщинѣ. <i>С. О. Сьрополко</i> . Въ Екатеринославщинѣ. <i>М. Ж.</i> —Изъ жизни петербургской украинской колоніи. <i>В. С.</i> —Къ выборамъ въ Одессѣ. <i>Ан. Яр.</i> —„Правда“ гр. В. Бобринскаго о Галиціи.—Перемѣны въ редакціи „Литер.-Наукового Вѣстника“.—Къ характеристикѣ цензурныхъ отношеній къ украинскому слову. <i>Гр. Гетьманца</i> .—Письмо въ редакцію Маріи Гринченко	82
IX. Библіографія.—Украинская педагогическая литература. <i>Я. Чепиги</i> .—Эпигоны Герцена. <i>С. П—ры</i> .—А. В. Стороженко. Происхожденіе и сущность украинофильства. <i>С. Ефремова</i> .—„Националистъ“. <i>Дм. Донцова</i> .—Павель Игнатьевичъ Житецкій. <i>С. Е.</i> —А. А. Сидоровъ. Инородческій вопросъ и идея федерализма въ Россіи. <i>И. Л.</i> —С. Ф. Русова. Одно слово правды за євреїв. <i>А. С.</i> —Содержаніе украинскихъ журналовъ.—Книги, поступившія въ редакцію	114
XI. Объявленія	128

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Журналъ выходитъ на русскомъ языкѣ въ обычномъ форматѣ ежемѣсячниковъ книжками размѣромъ 5—6 печатныхъ листовъ. Задачу „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ составляетъ служеніе интересамъ и нуждамъ 30-милліоннаго украинскаго народа и ознакомленіе общества съ украинскимъ національнымъ движеніемъ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.— Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ російской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обзоры; библіографія.—Украинское искусство.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.



Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенз, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ф. Е. Коршъ, И. Кривецкій, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Луцицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могиланскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ф. Саликовский, Д. Сиромача, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Стрпопко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, И. А. Ярошевичъ и др.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“,

Москва, Б. Дмитровка, 14. Телеф. № 219-93.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ дост. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
въ Россіи. . .	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.	— р. 45 к.
За границу . .	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— р. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 45 к.,
съ пересылкою—55 к.

Книжные магазины, принимающіе подписку, могутъ оставлять въ свою пользу 10⁰/₀.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **Льготная Подписка**: на годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 2 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 1 руб. съ доставкою и пересылкою.

Такса за объявленія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	15 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	10 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ отъ 1 до 2 час.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ:

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неупказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 5.

Москва. — 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Русскій либерализмъ и украинское движеніе. <i>Дм. Донцова</i>	7
II. Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ. <i>В. В. Садовскаго</i>	17
III. <i>Lex Richniana</i> . <i>О. Бълоусенка</i>	28
IV. Современная украинская лирика. <i>С. Ф. Русовой</i> . . .	43
V. Польскій публицистъ объ украинствѣ. <i>А. Θ. Саликовскаго</i>	49
IV. На текущія темы.—О свѣтѣ и гасителяхъ.—Трезвые практики и крѣпкіе лбы.—Новые опыты на старыхъ основаніяхъ.—Изъ одной анкеты, или о неожиданныхъ путяхъ.—Чужая литература, чужбина и преслѣдованія, какъ источники самосознанія. <i>С. А. Ефремова</i>	58
VII. Обзоръ украинской жизни.—Предвыборныя настроенія въ украинствѣ.—Конецъ холмскаго вопроса.—Вопросъ объ языкѣ преподаванія.—Жертва польской школьной политики.—Вопросъ объ украинскомъ университетѣ во Львовѣ.—Скандалъ въ москвофильскомъ лагерѣ. <i>С. Б.</i>	70
VIII. На Украинѣ и внѣ ея.—За мѣсяць.—Изъ русской печати.—Библіотеки на Полтавщинѣ. <i>С. О. Стърополко</i> . Въ Екатеринославщинѣ. <i>М. Ж.</i> —Изъ жизни петербургской украинской колонии. <i>В. С.</i> —Къ выборамъ въ Одессѣ, <i>Ан. Яр.</i> —„Правда“ гр. В. Бобринскаго о Галиціи.—Перемѣны въ редакціи „Литер.-Наукового Вѣстника“.—Къ характеристикѣ цензурныхъ отношеній къ украинскому слову. <i>Гр. Гетьманца</i> .—Письмо въ редакцію Маріи Гринченко	82
IX. Библіографія.—Украинская педагогическая литература. <i>Я. Чепиги</i> .—Эпигоны Герцена. <i>С. П—ры</i> .—А. В. Стороженко. Происхожденіе и сущность украинофильства. <i>С. Ефремова</i> .—„Националистъ“. <i>Дм. Донцова</i> .—Павель Игнатьевичъ Житецкій. <i>С. Е.</i> —А. А. Сидоровъ. Инородческій вопросъ и идея федерализма въ Россіи. <i>И. Л.</i> —С. Ф. Русова. Одно слово правды за еврей. <i>А. С.</i> —Содержаніе украинскихъ журналовъ.—Книги, поступившія въ редакцію.	114
XI. Объявленія.	128

Русскій либерализмъ и украинское движеніе.

Ничто, особенно въ Россіи, не обладаетъ такою живучестью, какъ политическіе предрасудки. Программы, созданныя для одного времени и для извѣстныхъ людей и обстоятельствъ, идеи, возникшія въ опредѣленныхъ условіяхъ, переживаютъ не разъ весь комплексъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни, и нерѣдко становятся колодою на ногахъ новыхъ поколѣній.

На одномъ изъ такихъ распространенныхъ предрасудковъ основывается отношеніе части украинскаго общества къ русскому либерализму. Предрасудокъ этотъ коренится отчасти въ слабости украинскаго движенія и забвеніи политическихъ традицій, отчасти является отголоскомъ старонароднической идеологіи, видящей въ интеллигенціи какую-то особую породу благородныхъ и великодушныхъ людей, готовыхъ отдать свою жизнь за всякій „прекрасный идеалъ“. Этотъ предрасудокъ, основанный скорѣе на вѣрѣ, чѣмъ на знаніи, при малѣйшей попыткѣ проанализировать его теряетъ всю свою непреложность и убѣдительность.

Два момента наиболѣе характерны для той свободной Россіи, въ сторону которой страна безусловно эволюционируетъ и которая должна, какъ въ этомъ убѣждены многіе, открыть новую эру для украинскаго народа. Первый моментъ, это—раскрѣпощеніе національностей въ смыслѣ измѣненія существующей полицейской системы по отношенію къ „инородцамъ“. Второй—политическое раскрѣпощеніе народныхъ массъ и вовлеченіе ихъ въ политическую жизнь.

Къ этому послѣднему обстоятельству я вернусь позже, а теперь остановлюсь на первомъ моментѣ.

Первой задачей новой Россіи будетъ безусловно перестройка на новыхъ началахъ ея національной политики. Система мелочно-придирчиваго и беспощаднаго подавленія всѣхъ націй возможна лишь при режимѣ абсолютистскомъ. Съ того момента, когда въ Россіи наступитъ эра дѣйствительнаго конституціонализма, когда отдѣльные на-

ціональности получают хоть минимальную свободу національного развитія, эта система окончится банкротствомъ, какъ это было, на примѣръ, въ 1867 г. въ Австрій¹⁾. Весьма вѣроятно также, что въ цѣляхъ сохраненія своего доминирующаго положенія въ государствѣ русскіе въ Россіи прибѣгнутъ къ тому же самому средству, что и австрійскіе нѣмцы въ свое время, а именно: постараются опереться на одну привилегированную націю для того, чтобы, подѣлившись съ нею частью своей власти, спокойно господствовать надъ остальными. Между прочимъ первую попытку,—правда, не либеральной, а столыпинской Россіи,—вступить на этотъ путь является законъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ. Какъ извѣстно, евреи пали при этомъ жертвою новой системы національной политики, основанной на соглашеніи русскихъ съ поляками. Вообще Столыпинъ, какъ кажется, понималъ, что рано или поздно, а Россіи придется прибѣгнуть къ политикѣ, которая началась въ Австріи послѣ Садовой. Характерны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя бывшимъ премьеромъ въ засѣданіи Госуд. Думы 27-го апрѣля прошлаго года, во время дебатовъ по поводу примѣненія пресловутой статьи 87-й Основныхъ Законовъ. Вотъ что сказалъ Столыпинъ, говоря о введеніи земства въ западной Россіи: „Если еще принять во вниманіе, что даже поляки въ городахъ Царства Польскаго молчаливо одобряютъ огражденіе ихъ отъ подавляющаго вліянія еврейскаго населенія путемъ выдѣленія его въ отдѣльныя національныя куріи; если того же самага въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ той или другой формѣ будутъ требовать и нѣмцы Прибалтійскаго края по отношенію къ эстонцамъ и латышамъ, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательнаго предположенія оградить права русскаго населенія въ шести западныхъ губерніяхъ“.

Если необходимость политики раздѣленія націй на ряды ощущала уже столыпинская Россія, если уже она дѣлала робкія попытки примѣненія этой политики,—то можно съ увѣренностью утверждать, что въ будущей либеральной Россіи такая политика станетъ неизбѣжной.

¹⁾ Примѣръ Германіи, которая и при конституціи съ одинаковымъ усердіемъ давить своихъ поляковъ, не противорѣчитъ вышесказанному, такъ какъ численное отношеніе господствующей національности къ подчиненнымъ въ Германіи гораздо выгоднѣе первой, чѣмъ въ Россіи.

Многія обстоятельства позволяютъ предполагать, что роль такой привилегированной націи въ Россіи,—такъ же, какъ и въ Австріи,—будетъ отдана прежде всего полякамъ. Интересы внѣшней политики прежде всего заставляютъ русскихъ либераловъ искать соглашенія съ поляками. Русский абсолютизмъ дружествененъ Германіи. Русский либерализмъ явно ей враждебенъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать хотя бы выступленія кадетовъ въ Думѣ при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, достаточно прочитать нумера „Рѣчи“ или „Русскихъ Вѣдомостей“ за время аннексіоннаго кризиса. Достаточно также вспомнить, что цѣлое неославянское движеніе, вынесенное въ значительной степени на плечахъ кадетовъ, было направлено противъ германскаго имперіализма. Эту тѣсную связь между конституціонными симпатіями русскихъ либераловъ и ихъ германофобствомъ—съ одной стороны и полонофильствомъ—съ другой подмѣтилъ еще Бисмаркъ въ своихъ „Gedanken und Erinnerungen“¹⁾. Главнымъ стремленіемъ русскаго имперіализма (какъ стараго, такъ и новаго, либеральнаго) было вовлеченіе въ сферу вліянія Россіи славянскихъ народностей Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи, а прежде всего поляковъ. Могучимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было бы русско-польское соглашеніе и предоставленіе русскимъ полякамъ извѣстной свободы національнаго развитія. Автономное „Царство Польское“ не только сумѣло бы, подобно Галиціи, ассимилировать осѣвшихъ на его территоріи нѣмцевъ, но и явилось бы сильной аттракціонной силой для поляковъ германскихъ и австрійскихъ.

Подобные взгляды не разъ можно было встрѣтить на страницахъ русскихъ либеральныхъ газетъ. Одной изъ послѣднихъ на эту тему статей была статья г. Кашкарова въ „Утрѣ Россіи“ подъ названіемъ „Ягеллонская идея“.

Если теперь русская политика не вступаетъ на этотъ путь, то причины этого нужно искать въ общемъ непримиримомъ характерѣ, не признающемъ никакихъ компромиссовъ. Поляки, въ свою очередь, также нуждаются въ сильной Россіи. Говорю здѣсь о польской буржуазіи, которая еще долгое время будетъ господствовать въ Царствѣ Польскомъ экономически, а въ случаѣ введенія въ

¹⁾ „Gedanken u. Erinnerungen“. Stuttgart u. Berlin. T. I. Стр. 335.

краѣ автономіи и политически. Эта-то буржуазія и нуждается въ сильной Россіи. Германія съ ея культурой и способностью въ высшей степени ассимилировать чужіе элементы гораздо для поляковъ опаснѣе Россіи. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что Царство Польское очень густо заселено нѣмцами. вмѣстѣ съ евреями они во многихъ городахъ составляютъ или большинство населенія, или довольно сильное меньшинство. Попади завтра Царство Польское подѣ власть Германіи, и въ продолженіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ города Царства Польскаго совершенно утратили бы свой чисто польскій характеръ. Эти обстоятельства и породили въ польскомъ обществѣ особое направленіе политической мысли, ищущее во что бы то ни стало соглашенія съ Россіей. Тѣ же причины бросили поляковъ въ водоворотъ неославянскаго движенія, несмотря на то, что кокетничанье поляковъ съ неославизмомъ сильно подрывало ихъ значеніе какъ политическаго фактора въ Австріи.

Наиболѣе типическимъ представителемъ и теоретикомъ этого новаго,—назову его руссофильскимъ,—направленія среди поляковъ является извѣстный національ-демократическій мессія или, какъ его, впрочемъ, безъ всякихъ основаній, называетъ Леруа-Болье, *Un homme d'Etat* Романъ Дмовскій. Вотъ что пишетъ этотъ „государственный человѣкъ“ въ своей французской книжкѣ „*La question polonaise*“: „Главная опасность, угрожающая національному существованію Польши, лежитъ въ непомѣрномъ увеличеніи германскаго могущества и въ прогрессирующемъ мирномъ завоеваніи Германіей востока. Одна лишь польская нація въ состояніи отвратить эту опасность“¹⁾. Только Польша, которой предоставлена извѣстная свобода въ національномъ отношеніи, въ состояніи положить границу „германскому напору“. Современная же руссификаторская политика Россіи, по мнѣнію автора, сковывая національныя силы польскаго народа, „приготавливаетъ господство нѣмцевъ во всей восточной Европѣ“.

Такимъ образомъ, русско-польское соглашеніе являлось бы необходимостью не только для поляковъ, но и для Россіи. Отсюда великія симпатіи Дмовскаго къ неославянскому движенію, которое также признавало необходимость такого соглашенія.

¹⁾ R. Dmowski. *La question polonaise*. Paris, 1909, стр. 330.

Какъ извѣстно, мечты Дмовскаго и польской національ-демократіи вообще о соглашеніи съ Россіей не остались мечтами. Неославизмъ „безъ оговорокъ“, опортунистическая политика коло въ Думахъ, снискавшая ему печальную репутацію защитника государственности 3-го іюня,—таковы были первыя попытки реализаціи идей Дмовскаго. Правда, эти попытки окончились явнымъ фіаско. Однако, разсматривая реальныя причины, вызвавшія къ жизни политику Дмовскаго, можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе подходящій моментъ эта политика принесетъ иныя результаты. Какъ бы то ни было, идея примиренія поляковъ съ русской государственностью, взамѣнъ извѣстныхъ національныхъ компенсацій, очень популярна въ широкихъ кругахъ какъ польскаго, такъ и русскаго либеральнаго общества базируясь на общихъ обѣимъ группамъ интересахъ.

Какое же значеніе имѣеть все это для украинцевъ? Очень большое. Дѣло въ томъ, что въ качествѣ компенсаціи за свою лояльность поляки хотѣли бы получить не только извѣстныя концессіи на своей этнографической территоріи, но и нѣчто большее. Въ книжкѣ того же Дмовскаго „*Mysli nowoczesnego Polaka*“ можно, на примѣръ, прочесть, что украинскія земли, это—„историческое поле нашей національной экспанзіи“. Выпустивъ изъ-подъ вліянія польской культуры эти земли, „утратили бы мы большую часть бывшей нашей территоріи и нѣсколько милліоновъ несомнѣнныхъ поляковъ, живущихъ тою же культурою, что и мы“¹⁾. Еще яснѣе говорить на эту тему въ одной замѣчательно интересной статьѣ „*Dziennik Poznanski*“ въ №№ 200-мъ и 201-мъ прошлаго года. По мнѣнію „*Dziennika Poznanskiego*“, украинскія (и литовскія) земли есть только объектъ, о которомъ идетъ споръ между русскими и поляками. Указывая на громадную, все растущую эмиграцію поляковъ за океанъ, газета приходитъ къ заключенію, что для поляковъ гораздо выгоднѣе было бы направить этотъ эмиграціонный потокъ на сосѣднія Литву и Украину. Утрату этихъ земель для польской культуры авторъ статьи отождествляетъ съ утратою ихъ для культуры вообще, такъ какъ „литовство и украинство не представляютъ самостоятельныхъ, положительныхъ культурныхъ цѣнностей; онѣ—цѣнности

1) R. Dmowski. *Mysli nowoczesnego Polaka*. Lwów, 1904, стр. 145.

отрицательныя, и выросли только какъ слѣдствіе угнетенія поляковъ“. Развитие на украинскихъ земляхъ своей культуры авторъ считаетъ работою „pour le roi de Prusse“. Развивая взгляды Дмовскаго, „Dziennik Poznanski“ старается доказать, что только польскость можетъ остановить „германскій напоръ“, и притомъ польскость на всемъ протяженіи исторической Польши.

Таковы польскія *pia desideria*, согласно которымъ украинскій народъ долженъ стать компенсаціей за польскую лояльность. Признаетъ ли эти польскія претензіи и въ какихъ размѣрахъ другой контрагентъ, т.-е. русскіе либералы,—вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ конкретныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Тутъ можно только отмѣтить, что тамъ, гдѣ въ цѣляхъ привлеченія польскихъ симпатій нужно было принести въ жертву интересы украинскаго населенія, русскіе либералы принести эту жертву не колебались. Наилучшій примѣръ—Холмщина и та позиція, которую заняли въ этомъ вопросѣ кадеты. А, напримѣръ, г. Кашкаровъ въ уже цитированной мною статьѣ говоритъ какъ о наградѣ за польскую лояльность о „гарантированіи правъ польскаго меньшинства въ Литвѣ и правобережной Украинѣ“. Что эти „права“ могутъ быть расширены въ случаѣ надобности, представляется очень вѣроятнымъ. Кроме того, не нужно забывать, что „украинская опасность“ является сама по себѣ довольно сильной побудительной причиной, заставляющей обоихъ вѣковѣчныхъ враговъ подать другъ другу руки.

Шесть лѣтъ назадъ въ Лейпцигѣ вышла книжка „Un danger pour l'Europe“, старающаяся представить украинское движеніе какъ движеніе анархистское, заключающее страшную опасность для Россіи и всего цивилизованнаго міра. Книжка эта, обладающая всѣми признаками доноса, и притомъ анонимнаго (книга издана безъ имени автора), принадлежитъ, какъ увѣряютъ, перу извѣстнаго вшехпольскаго публициста. Народъ украинскій авторъ сравниваетъ съ зулурами, готтентотами и кафрами и кончаетъ свою книгу призывомъ бороться съ новою опасностью для Европы, еще сильнѣйшею, чѣмъ желтая опасность¹⁾. Опасенія поляковъ въ этомъ отношеніи раздѣляетъ и русское общество. И не только реакціонные его круги. Достаточно указать на статьи

¹⁾ „Un danger pour l'Europe“. Leipzig, 1906.

Струве, на послѣднія статьи по украинскому вопросу въ „Утрѣ Россіи“, на статьи, которыя печатались въ 1909 г. по холмскому вопросу въ „Московскомъ Ежедневникѣ“, и др. Что польско-русскій либеральный союзъ для борьбы съ украинствомъ не химера и не фантазія, объ этомъ говорятъ и факты. Напримѣръ, извѣстная „согласительная комиссія“, состоявшая изъ гр. В. Бобринскаго, Красовскаго, Н. Львова и В. Маклакова—съ русской стороны, Р. Дмовскаго, Л. Дымши, гр. Олизара, И. Свѣжинскаго и Л. Страшевича—съ польской, на своихъ засѣданіяхъ въ маѣ 1910 г. сочиняла проекты руссификаціи галицкихъ школъ. взаимнъ нѣкоторыхъ уступокъ русскимъ полякамъ. На этой согласительной комиссіи между прочимъ было постановлено ¹⁾, что въ Царствѣ Польскомъ высшія, среднія и низшія школы должны быть польскія. Что касается Литвы и Украины, то постановлено, что школы правительственныя и земскія должны быть русскія; школы же частныя польскія должны обладать полною свободою. Одновременно признано, что тотъ же самый принципъ, который устанавливается относительно школъ польскихъ въ Россіи, долженъ дѣйствовать въ Галиціи относительно школъ русскихъ. И этотъ позорный планъ, трактующій о правахъ поляковъ и русскихъ на украинской территоріи, подписали и представители русскаго либерализма...

Этой новой политикою соглашенія съ Россіей объясняется и та поддержка, которую оказываютъ галицкіе поляки москвофиламъ. Можно было бы привести десятки цитатъ изъ газетъ разныхъ польскихъ партій въ Галиціи, которыя содержатъ слѣдующія разсужденія: развитіе украинскаго движенія въ Австріи, которое оказываетъ вліяніе на Украину, Россія считаетъ для себя крайне вреднымъ. Поэтому въ цѣляхъ пріобрѣтенія симпатій Россіи для русскихъ поляковъ нужно поддерживать москвофиловъ. Такія статьи появляются чуть ли не каждый день въ польскихъ газетахъ. У всѣхъ въ памяти еще извѣстная статья проф. Здзѣховскаго о „тріединой Руси“, а теперь польская пресса во главѣ со „Slow'омъ Polsk'imъ“, — по поводу слуховъ объ учрежденіи украинскаго университета во Львовѣ,—пугаетъ Австрію призракомъ войны съ Россіей. Такимъ обра-

¹⁾ Разумѣется, постановленія комиссіи имѣли только характеръ пожеланій, но это не умаляетъ ихъ симптоматическаго значенія.

зомъ, фатальное вліяніе, оказываемое на украинство польско-русскимъ сближеніемъ, которое, какъ я старался показать, приметъ вполнѣ реальный характеръ только лишь въ конституціонной Россіи, уже является фактомъ.

Резюмируя все сказанное, утверждаю: во-первыхъ, что будущая либеральная Россія, вынужденная измѣнить теперешнюю національную политику, придетъ къ соглашенію съ поляками; во-вторыхъ, весьма вѣроятно, что всѣ невыгодныя стороны этого соглашения понесутъ украинцы: посредственно—въ качествѣ компенсаціи за польскую лояльность и непосредственно—въ качествѣ „un danger pour“... не Европы, конечно, а своихъ наиболѣе близкихъ сосѣдей. Враждебность русскаго либерализма къ украинству станетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе его имперіалистическія тенденціи, стремящіяся по возможности къ однонаціональному государству.

Теперь возвращаюсь ко второму изъ тѣхъ моментовъ, которые характеризуютъ будущую либеральную Россію. Старый порядокъ защищалъ,—худо ли хорошо, другой вопросъ,—національные интересы тѣхъ группъ, на которыя опирался самъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, онъ не терпѣлъ ни оппозиціи, ни помощи общества. Положеніе радикально измѣнилось, когда русское общество получило возможность,—правда, въ узкихъ рамкахъ выкроенной для него *paus légal*, — принимать участіе въ политической жизни. А это обстоятельство привело къ тому, что русскій націонализмъ утратилъ свой исключительно правительственный, казенный характеръ. Съ другой стороны—оживленіе національныхъ стремленій среди подчиненныхъ націй, что было необходимымъ слѣдствіемъ демократизаціи страны; оживленіе, грозившее переступить узкія границы *Besitzsand'a* негосударственныхъ народностей; оживленіе, представлявшее опасность для самаго русскаго характера государства,—все это толкнуло въ лагерь націоналистовъ всѣ тѣ элементы, которые заинтересованы въ русскомъ характерѣ государства, а значить, и либераловъ. Зараженіе бациллою націонализма либеральныхъ круговъ русскаго общества—вотъ первая характерная черта новаго русскаго націонализма. Другою является его общественный характеръ. Съ одной стороны, послѣ 1905 года плебсъ сталъ активнымъ факторомъ въ политикѣ, и каждая партія была вынуждена искать его симпатій для

достиженія своихъ цѣлей; съ другой стороны—стихійное движеніе нерусскихъ націй, перевернувшее вверхъ ногами всѣ полицейскія рогатки, поставленныя на его дорогѣ, вскрыло всю инертность и неспособность оффиціального, казеннаго націонализма бороться съ инородцами своими собственными силами съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Въ виду всего этого средствомъ реализаціи своихъ плановъ стали для русскихъ націоналистовъ не только правительственныя репрессіи, но и самоорганизация заинтересованныхъ группъ самого же общества—во-первыхъ, націоналистическая демагогія въ массахъ—во-вторыхъ. Такъ, вмѣсто погромовъ появился кооперативный націонализмъ, вмѣсто запрещенія украинскаго слова—галицко-русскія общества; Меньшиковъ занялся пропагандою патріотизма, „доступнаго для бѣдняковъ“ („Нов. Вр.“ отъ 7-го октября 1910 г.); холмская комиссія заботится о „всеобщемъ образованіи и экономической дѣятельности“ для руссификаціи „русскаго“ населенія Холмицыны (засѣданіе 20-го ноября 1910 г.), а „Новое Время“ призываетъ общество къ „самодѣятельности“ въ интересахъ „культурнаго закрѣпленія окраинъ за Россіей“ (23-го января 1911 г.).

Русскій націонализмъ европеизируется. Онъ будетъ еще болѣе европеизироваться по мѣрѣ того, какъ Россія будетъ превращаться въ конституціонную охрану. Въ этомъ и лежитъ та страшная опасность, которая грозитъ опалѣ со стороны либеральной Россіи съ ея общественнымъ, европейскимъ націонализмомъ. Правда, конституціонализмъ сильно поможетъ украинскому движенію стать на ноги, снявъ съ него тѣ ограниченія, которыя тяготѣютъ надъ нимъ теперь, но тотъ же конституціонализмъ несетъ съ собою и новую форму націонализма, несравненно болѣе опасную, чѣмъ націонализмъ казенный, такъ какъ она не ограничивается циркулярами и запрещеніями, а идетъ въ самую толщу народныхъ массъ. Не слѣдуетъ обманывать себя якобы нейтральностью русскаго прогрессивнаго общества въ украинскомъ вопросѣ, которое въ своемъ громадномъ большинствѣ относится къ нему индифферентно. Позиція національ-либерализма въ украинскомъ вопросѣ двоякая. Поскольку цѣли украинскаго и русскаго освободительнаго движенія совпадаютъ, оно является желательнымъ союзникомъ послѣдняго. Поэтому,—правда, очень рѣдко,—украинство иногда находитъ себѣ защиту въ кадетской прессѣ и у кадетскихъ депу-

татовъ. Разумѣется, пропорціонально силѣ украинства и не болѣе,—вѣдь кадеты реальные политики! Съ другой же стороны, украинское движеніе кроетъ въ себѣ рядъ требованій чисто національнаго характера, которыя отчасти безразличны, отчасти просто несимпатичны русскому національно-либерализму. Какъ одна, такъ и другая сторона украинскаго движенія еще слишкомъ слаба,—этимъ и объясняется индифферентизмъ русскаго либеральнаго общества въ украинскомъ вопросѣ. Однако, въ послѣднее время, по мѣрѣ роста и укрѣпленія украинства, этотъ индифферентизмъ начинаетъ переходить въ явную враждебность.

Я кончаю. Не претендую на непогрѣшимость всѣхъ своихъ выводовъ. Настаиваю, однако, на ихъ большой вѣроятности. Единственно, что я хотѣлъ сказать въ своей статьѣ, это—то, что надежды на либеральную Россію, распространенныя въ украинскомъ обществѣ, сильно преувеличены, а отчасти являются просто предрасудками; что необходимость построить національную политику Россіи на новомъ базисѣ и модернизации русскаго национализма въ будущей конституціонной Россіи могутъ имѣть для насъ самыя неожиданныя послѣдствія. А если такъ, то не оказались ли бы основанные на тѣхъ предрасудкахъ ходячіе рецепты разрѣшенія украинскаго вопроса въ Россіи недѣйствительными?

Вопросъ, надъ которымъ стоитъ подумать.

Дм. Донцовъ.

Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.

Выборная кампанія началась, и вмѣстѣ съ тѣмъ пришло время для избирателей выяснить, что сдѣлали посланные ими депутаты за пять лѣтъ своего пребыванія въ Думѣ. Пришло время выяснить этотъ вопросъ и для украинскаго избирателя. Какъ ни обдѣленъ онъ былъ реформой 3-го іюня, урѣзавшей политическія права неимущихъ классовъ, изъ которыхъ по преимуществу и состоитъ украинская нація, все-таки нѣкоторая доля избирательныхъ правъ у него осталась и была имъ, по мѣрѣ силъ и возможности, использована. Депутаты оппозиціи, прошедшіе отъ Юга, въ числѣ своихъ избирателей должны считать также и украинцевъ. Пятилѣтняя дѣятельность оппозиціи въ Думѣ всегда находила поддержку, сочувственное отношеніе въ украинскихъ кругахъ, въ украинской прессѣ, и теперь, передъ новыми выборами, украинскому избирателю слѣдуетъ выяснить, въ какой мѣрѣ оправдали поддерживаемые имъ депутаты тѣ надежды, которыя онъ имѣлъ право на нихъ возлагать.

Благодаря избирательному закону 3-го іюня украинскій избиратель потерялъ свое подлинное представительство. Въ первой и второй Государственной Думѣ депутаты отъ Украины въ своемъ большинствѣ составляли украинскую фракцію, являющуюся представительницей интересовъ трудовыхъ украинскихъ массъ; въ третьей Думѣ на смѣну имъ пришли гг. Бобринскіе и Шульгины, для которыхъ украинскія національныя требованія суть требованія горсти политически свихнувшихся людей. Украинскому избирателю пришлось передать представительство своихъ интересовъ русской оппозиціи, и онъ, избирая и поддерживая ея депутатовъ, имѣлъ право надѣяться, что она исполнитъ свой долгъ.

Наиболѣе цѣннымъ и объективнымъ матеріаломъ для выясненія вопроса о томъ, въ какой степени были оправданы эти надежды, могутъ служить стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Думы за пять лѣтъ. Теперь, передъ новыми

выборами, мы рѣшили выдѣлить изъ нихъ все то, что имѣло отношеніе къ украинскому вопросу, рѣшили сгруппировать и освѣтить тѣ немногіе случаи, когда депутаты Думы обращались къ выясненію національныхъ нуждъ и потребностей украинскаго народа.

Изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ для украинцевъ имѣетъ самое насущное значеніе, въ третьей Думѣ было поднято всего лишь два: это—вопросъ объ украинской школѣ и вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ мѣстномъ судѣ. Хронологически первымъ былъ вопросъ о школѣ. Въ началѣ дѣятельности Думы—29-го марта 1908 г.—36 депутатовъ внесли въ нее законопроектъ о введеніи украинскаго языка въ начальныхъ школахъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ статей: первая устанавливала съ 1908—1909 года введеніе обученія въ начальной школѣ украинскаго района на родномъ языкѣ населенія; дальнѣйшія статьи говорили объ обязательности обученія русскому языку, какъ языку государственному, и о необходимости введенія въ начальной школѣ на Украинѣ руководствъ, приспособленныхъ къ понятіямъ и условіямъ жизни и быта мѣстнаго населенія; заключительная статья отмѣняла всѣ узаконенія, несогласныя съ вводимыми измѣненіями. Объяснительная записка къ этому законопроекту довольно подробно останавливается на печальномъ положеніи низшаго образованія на Украинѣ, выясняетъ роль здѣсь русской школы и излагаетъ исторію попытокъ и стремленій ввести украинскій языкъ въ начальное обученіе. Характерно для инициаторовъ законопроекта, что при изложеніи исторіи этихъ неудавшихся начинаній украинской интеллигенціи и общественныхъ организацій на Украинѣ они сочли нужнымъ подчеркнуть „наибольшую чуткость къ потребностямъ мѣстной школы“ со стороны святѣйшаго синода, разрѣшившаго учителямъ церковныхъ школъ въ Подольской губерніи пользоваться въ преподаваніи роднымъ языкомъ учащихся. Здѣсь имѣлся въ виду извѣстный указъ св. синода отъ 12-го октября 1907 года, данный подъ вліяніемъ ходатайства духовенства подольской епархіи въ годы освободительнаго движенія. Указъ этотъ, съ измѣненіемъ настроеній въ высшихъ сферахъ, въ исполненіе приведенъ не былъ, и значеніе его было исключительно бумажное. Законопроектъ объ украинской школѣ черезъ годъ слишкомъ по внесеніи—29-го мая 1909 года—былъ переданъ

въ комиссію по народному образованію для заключенія объ его желательности или нежелательности. Въ архивахъ комиссіи онъ и былъ погребенъ. Комиссія, какъ гласить отчетъ о дѣятельности думскихъ комиссій и отдѣловъ за четвертую сессію, имѣла его въ виду при разсмотрѣніи общаго законопроекта о начальной школѣ, и здѣсь онъ,— правда, очень незначительнымъ большинствомъ,—былъ отвергнутъ: украинскій народъ былъ исключенъ изъ числа тѣхъ инородцевъ, которымъ думскій центръ призналъ возможнымъ дать національную школу хотя бы въ искаженной и несовершенной формѣ.

Если разсмотрѣть, кѣмъ именно былъ подписанъ законопроектъ объ украинской школѣ, то обнаружится характерное явленіе: въ высокой степени случайный характеръ партійной группировки подписавшихъ его депутатовъ. Здѣсь господствуетъ полная смѣсь племенъ и націй: имѣются подписи депутатовъ всѣхъ фракцій, начиная съ крайнихъ правыхъ, и нѣтъ только депутатовъ социаль-демократической фракціи и національныхъ группъ—мусульманской и польской. По партійной принадлежности 36 депутатовъ, подписавшихъ проектъ, распредѣляются такъ: 14 октябристовъ, 12 кадетовъ, 4 умѣренно-правыхъ, 3 трудовика, 1 прогрессистъ, 1 націоналистъ, 1 крайній правый. Подъ проектомъ стоятъ главнымъ образомъ подписи тѣхъ депутатовъ, извѣстность и популярность которыхъ не переходитъ границъ думской канцеляріи, гдѣ они получаютъ жалованье. Кому извѣстны такіе депутаты, какъ С. Коваленко¹⁾, Пурпуровъ, Маревъ, Липяговъ, Барыбинъ, свящ. Лебедевъ, свящ. Богдановичъ? А такихъ подписей подъ проектомъ большинство. Изъ популярныхъ именъ можно назвать лишь только трудовика Булата и нѣсколькихъ кадетовъ—Лучицкаго, Колюбакина, Маклакова, Пергамента, Аджемова и Караулова. Такое распредѣленіе депутатовъ по партійной принадлежности свидѣтельствуетъ, что этотъ проектъ не является дѣломъ какой-либо изъ думскихъ фракцій, указываетъ, что среди думскихъ фракцій не нашлось ни одной, которая взяла бы на себя инициативу внесенія и проведенія законопроекта объ украинской шко-

¹⁾ Впрочемъ депутатъ С. Коваленко въ послѣднее время приобрѣлъ извѣстность уголовного свойства. Какъ сообщаетъ „Рада“, онъ, покупая по порученію своихъ односельчанъ землю, повелъ это дѣло такъ, что имъ пришлось обратиться къ защитѣ суда.

лѣ. Этотъ случайный характеръ группировки подписей и ближайшее разсмотрѣніе того, кому именно онѣ принадлежать, даетъ всѣ основанія думать, что украинскому обществу не приходится особенно жалѣть о томъ, что проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Едва ли бы депутаты, подписи которыхъ стоятъ подъ проектомъ, смогли отстоять его въ пленарныхъ засѣданіяхъ Думы, едва ли смогли бы они вопросъ объ украинской школѣ поставить въ дебатахъ на должную высоту. Болѣе того,—представляется вполнѣ возможнымъ, что часть депутатовъ, подписавшихъ въ 1908 году этотъ проектъ, теперь, съ усиленіемъ націоналистической агитации и съ причисленіемъ всѣхъ элементарныхъ національныхъ требованій украинцевъ къ „мазепинству“, выступила бы, пожалуй, въ роли его ярыхъ противниковъ.

Проекту 36-ти не суждено было, такимъ образомъ, подвергнуться обсужденію съ думской трибуны, и, какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное, вопросъ объ украинской школѣ въ третьей Думѣ не ставился. Онѣ поднимался въ ней только случайно и, конечно, не въ полномъ объемѣ—при обсужденіи другихъ вопросовъ.

Первое упоминаніе о нуждахъ украинской школы имѣло мѣсто въ пленарномъ засѣданіи Думы при обсужденіи смѣты министерства народнаго просвѣщенія въ 1908 году. Родичевъ въ рѣчи, посвященной политикѣ министерства, первый въ третьей Думѣ коснулся вопроса объ украинской школѣ. Онѣ сказалъ:

«Я говорю о томъ-называемомъ украинфильствѣ, о запрещеніи украинскихъ кафедръ въ университетахъ, объ опасеніи преподаванія на украинскомъ языкѣ въ малороссійской школѣ. Я думаю, господа, это мое личное мнѣніе, что украинфильство существуетъ въ ту мѣру, въ какой его запрещаютъ. Я думаю: освободите его, и его не будетъ. Они выучатся по-русски, не беспокойтесь, и кромѣ того, примите во вниманіе, что обученіе это есть актъ двухсторонній. Вѣдь это нельзя предписать министерскимъ циркуляромъ, для этого нужно желаніе учащагося, желаніе и усиліе со стороны учащагося. Слѣдовательно, если вы облегчите учащемуся усилія въ усвоеніи русскаго языка, то вѣдь вы идете ближайшимъ путемъ къ цѣли, а если вы затрудняете эти усилія ради какого-то фантома, то вѣдь вы сами дѣлаете достиженіе его гораздо труднѣе. Но, господа, если я ошибаюсь, если украинскій народъ, самостоятельность котораго между прочимъ вѣдь еще и Петръ Великій признавалъ, если украинскій народъ въ самомъ дѣлѣ есть отдѣльная національность, со своимъ языкомъ, способный создать свою культуру, тогда я обращаюсь къ вамъ словами еврейскаго учителя, который останавливалъ избиеніе апостоловъ: если эти люди говорятъ противъ Бога, то

оставьте, потому что ничего изъ этого не будетъ, а если они говорятъ истину, то вѣдь вы можете сдѣлаться супротивниками Богу».

Мы привели почти все, что сказалъ Родичевъ по этому вопросу. Намъ не придется останавливаться на анализѣ взглядовъ, высказанныхъ ораторомъ. Они формулированы слишкомъ рельефно: украинской школы не нужно, но ее украинофилы требуютъ,—дайте имъ ее для того, чтобы они сами убѣдились въ несостоятельности своихъ требованій. Таково было первое выступленіе въ третьей Думѣ въ защиту украинской школы...

Послѣ этого вопросъ о ней всплылъ лишь черезъ два съ половиной года—при обсужденіи законопроекта о низшей школѣ въ октябрѣ 1910 года. Въ самомъ началѣ дебатовъ выступили представители польскаго коло съ требованіемъ національной школы для поляковъ; выступили далѣе представители мусульманъ и литовцевъ съ тѣми же требованіями, и лишь на исходѣ дебатовъ, когда интересъ къ нимъ успѣлъ ослабѣть, нашлись голоса въ защиту украинской школы. Пренія сосредоточились около той статьи октябристкаго законопроекта, которая устанавливала дѣленіе инородцевъ въ отношеніи ихъ права на національную школу. Инородцамъ перваго сорта октябристы давали очень урѣзанное право обученія на родномъ языкѣ. Къ нимъ принадлежатъ поляки, литовцы, нѣмцы, татары, эстонцы, латыши, армяне, чехи и грузины. Инородцамъ втораго сорта—всѣмъ остальнымъ народностямъ Россійской имперіи—октябристы не давали никакихъ правъ.

Въ защиту украинцевъ выступилъ проф. Лучицкій, который въ своей содержательной рѣчи привелъ рядъ педагогическихъ аргументовъ въ пользу необходимости украинской школы; имъ была предложена поправка, которая имѣла цѣлью обезпечить за украинцами тѣ права, которыя давались октябристами инородцамъ перваго сорта. Поправка проф. Лучицкаго нашла поддержку у одного изъ рядовыхъ депутатовъ—подольскаго священника Сендерка. Въ своей рѣчи этотъ послѣдній привелъ рядъ фактовъ изъ школьной практики своей и другихъ дѣятелей церковной школы въ Подольской губ.,—фактовъ, ясно указывающихъ на необходимость украинскаго языка въ начальномъ обученіи. Этому же вопросу коснулся затѣмъ въ своей большой рѣчи и Милюковъ. Слѣдуетъ признать,

что аргументація лидера кадетовъ на этотъ разъ была глубоко отлична отъ тѣхъ доводовъ, которые выдвигалъ раньше другой кадетъ, Родичевъ. Болѣе того: въ этой рѣчи Милюкова попадались даже такія фразы, такія мѣста, которыя звучали иначе, чѣмъ рѣчи самого же Милюкова въ другихъ случаяхъ. Милюковъ выдвинулъ и доказалъ положеніе объ обязанности государства оберегать права національностей. Считая, что всякій языкъ можетъ развиться до уровня культурнаго языка, ораторъ подчеркнул, что въ настоящее время усиліями интеллигенціи украинскій языкъ уже сталъ литературнымъ языкомъ; онъ указалъ на то, что украинское движеніе выдвинуло рядъ дѣятелей, извѣстныхъ не только въ Россіи, но и внѣ ея; что обученіе по-украински является вполне возможнымъ. Полемизируя съ гр. Бобринскимъ, который высказалъ шаблонную мысль о томъ, что нѣтъ никакого украинскаго языка, что „такъ-называемая украинская мова не имѣетъ ничего общаго съ чудными стихами, съ чуднымъ языкомъ Шевченка“, Милюковъ привелъ образцы того „русскаго“ языка, который графъ стремится насадить въ Галиціи вмѣсто народнаго украинскаго: „издательское общество, находящееся подъ покровительствомъ гр. Бобринскаго, задается цѣлью посредствомъ общаго дѣловодства содѣйствовать производству своихъ членовъ“; „управляющему совѣтомъ прислуживаетъ право исключать членовъ“; „ежегодно обновляется треть членовъ“. Въ заключеніе Милюковъ отъ имени кадетской фракціи всецѣло присоединился къ поправкѣ проф. Луцицкаго. Результаты голосованія поправки извѣстны: украинская школа 171 голосомъ противъ 132 была отвергнута. Третья Дума похоронила всѣ надежды украинцевъ на измѣненіе того ненормальнаго положенія, въ которомъ находится дѣло народнаго образованія на Украинѣ. Къ слову сказать, еще болѣе основательныя похороны этимъ надеждамъ сдѣланы въ послѣднюю сессію Государственнаго Совѣта стараніями между прочимъ бывшаго члена кievской Украинской Громады, теперешняго лидера націоналистовъ, проф. Пихно.

Второй случай, когда украинскимъ требованіямъ удалось привлечь вниманіе Думы, имѣлъ мѣсто во время преній о родномъ языкѣ въ мѣстномъ судѣ въ декабрѣ 1909 года. Булатомъ и проф. Луцицкимъ былъ поднятъ вопросъ о допущеніи въ судопроизводство украинскаго

языка. Литовець Булатъ, членъ націи, находящейся въ томъ же положеніи, какъ и украинская, выяснивши право гр. Бобринскаго представлять украинскій народъ въ ДумѢ,—право, созданное третьимъ іюня,—взялъ на себя защиту интересовъ украинскаго народа. Проф. Лучицкій указаль на тѣ историческія права, которыя имѣеть украинскій народъ. Поддержку оба эти депутата нашли у Милюкова и Родичева. Къ сожалѣнію, выступленіе Родичева и на этотъ разъ трудно назвать удачнымъ; его аргументація, его освѣдомленность въ украинскомъ вопросѣ была не выше той, которую проявилъ онъ въ своей защитѣ украинской школы. Почерпнувъ свои свѣдѣнія объ украинскомъ языкѣ во время перерыва въ думскихъ кулуарахъ, какъ поясняетъ это самъ Родичевъ, онъ въ своей рѣчи взялся примѣрами доказывать непонятность украинскаго языка, его отдѣльность, причемъ привелъ совершенно невѣроятное выраженіе и далъ столь же невѣроятный его переводъ. „Якъ курявыхъ уговкають“,—сказаль Родичевъ,—это по-украински заглавіе одной изъ пьесъ Шекспира, „Укрощеніе строптивой“. Не нужно добавлять, что такой фразы по-украински не существуетъ. Вмѣсто сомнительныхъ филологическихъ изысканій Милюковъ въ своей рѣчи въ защиту украинскаго языка противопоставилъ противникамъ рядъ общихъ соображеній. Онъ остановился на общемъ характерѣ русской исторіи. У насъ, въ нашей русской исторіи,—говорилъ онъ,—вѣдь былъ могучій стихійный процессъ сліянія національностей. Когда не было ассимиляторства, ассимиляція происходила сама собой, какъ отвѣтъ на жизненныя требованія. До начала націоналистической политики, въ шестидесятыхъ годахъ, была возможной мечта о государственной національности. Вѣря этому стихійному процессу, не желая ему препятствовать, ораторъ высказался за допущеніе въ судопроизводство мѣстныхъ языковъ, въ томъ числѣ украинскаго.

Аргументація Милюкова на этотъ разъ, какъ видимъ, въ очень осторожной формѣ содержала по существу тѣ же положенія, какія защищаль раньше Родичевъ: „освободите ихъ, и ихъ не будетъ“.

Осторожное по формѣ, незначительное по числу защитниковъ выступленіе въ пользу украинскаго языка противной стороной было энергично отбито. Цѣлый рядъ ораторовъ выступилъ на борьбу съ крамольными принци-

нами,—еп. Евлогій, Старицкій, Новицкій 2-й, Бобринскій, Шульгинъ, даже проф. Капустинъ. Былъ инсценированъ, для вящшаго посрамленія врага, гласъ обыкновенно молчащаго націоналистическаго народа: крестьяне-депутаты украинскихъ губерній, принадлежащіе къ фракціи націоналистовъ, сдѣлали заявленіе, что они, украинцы, не хотятъ украинскаго языка въ судопроизводствѣ.

Нѣкоторые моменты въ этомъ націоналистическомъ наступленіи необходимо отмѣтить. Характерно выступленіе противъ украинцевъ проф. Капустина, пользующагося репутацией либерала. Его аргументація,—„Не нужно возбуждать такихъ вопросовъ, которые разъединяютъ родныхъ братьевъ, говорить, что украинцы и великороссы не на одномъ языкѣ говорятъ“,—совершенно одинакова съ аргументаціей правыхъ и націоналистовъ. Для обрисовки уровня третьей Думы въ высокой степени характерна рѣчь графа Бобринскаго. Графъ, подобно Родичеву, пустился въ филологическія изысканія; онъ съ серьезнымъ видомъ знатока рассказывалъ, что украинофилы переводятъ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“—„голодранці з всього світу збирайтеся до купи“, а гамлетовское „быть или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ“—„бути чи не бути, ось де заковыка“. Графскіе анекдоты ни съ чьей стороны не встрѣтили возраженія.

За пять лѣтъ это всѣ случаи, когда украинскій вопросъ привлекалъ вниманіе Думы. Какъ видимъ, ихъ было немного.

Въ третьей Думѣ, кромѣ проектовъ о мѣстномъ судѣ и народной школѣ, разсматривались еще два проекта, оцѣнка которыхъ съ украинской точки зрѣнія была бы очень важна и необходима. Мы имѣемъ въ виду холмскій законопроектъ и законопроектъ о западномъ земствѣ.

О томъ, какъ обстояло дѣло съ освѣщеніемъ украинскихъ моментовъ въ холмскомъ вопросѣ, рѣчь на страницахъ „Украинской Жизни“ уже была, и мы на этомъ не будемъ останавливаться. Тѣ, кто знакомъ со статьями гг. Василька и Бѣлоусенка, знаютъ, что русская оппозиція совсѣмъ забыла о томъ, что въ холмскомъ вопросѣ дѣло идетъ не о четвертомъ раздѣлѣ Польши, а лишь ведется борьба за украинскую кость.

Но незнаніе холмскихъ отношеній до извѣстной степени прощительно; рѣчь идетъ о небольшой территоріи, сильно полонизированной. Гораздо менѣе извинительна та позиція, которая была занята русской оппозиціей въ вопросѣ о западномъ земствѣ. При этомъ, вѣдь, совершенно забыли, что облагодѣтельствовать національными куріями хотятъ край бѣлорусскій и украинскій,—край, имѣющій свои историческія и національныя особенности. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, почти всѣ ораторы повторяли, что этотъ край есть край русскій. Родичевъ въ своей рѣчи заявляетъ: „Гг., я такъ же, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, знаю, что этотъ край искони русскій, и надѣюсь, этотъ край останется навсегда русскимъ“. Когда правый депутатъ о. Кирилловичъ въ своей рѣчи восклицаетъ, что районъ новаго земства есть истинно-русскій край, то кадетъ Челноковъ съ мѣста подтверждаетъ, что это совершенно вѣрно.

Такое трогательное единеніе Родичева съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правыхъ съ кадетами въ Думѣ, кажется, больше наблюдать не приходилось. Къ этому общедумскому хору присоединились также на этотъ разъ и социаль-демократы. Покровскій, подчеркивая русскій характеръ края, защищалъ введеніе въ немъ демократическаго земства указаніемъ на то, что демократическія, крестьянскія земства,—вятское и пермское,—функционируютъ очень успѣшно. Онъ также забылъ, что это край не великорусскій и что отождествлять украинское и бѣлорусское крестьянство съ великорусскимъ врядъ ли представляется возможнымъ. Едва ли не единственное упоминаніе на всемъ долгомъ протяженіи дебатовъ о западномъ земствѣ объ истинномъ характерѣ края было у Булата и Лучицкаго; но и они національный украинскій и бѣлорусскій моментъ въ этомъ вопросѣ не выдвинули. Все время шла рѣчь о русскомъ крестьянствѣ, о русскомъ краѣ, который нужно защищать отъ польскихъ помѣщиковъ, отъ польской культуры.

Намъ остается для подведенія итога еще констатировать тотъ фактъ, что за всѣ пять лѣтъ думской оппозиціей не было внесено ни одного запроса, касающагося фактовъ того произвола, который такъ характеренъ въ отношеніи къ украинскому движенію. За пять лѣтъ дѣятельности третьей Думы мы пережили полную отмѣну для

украинцевъ,—„въ порядкѣ управленія“,—закона объ обществахъ и союзахъ, избіенія учениковъ за пользованіе украинскимъ евангеліемъ, факты закрытія украинскихъ обществъ за преступный духъ, обнаруженный въ книгахъ, не конфискованныхъ цензурой и свободно обращающихся на книжномъ рынкѣ, факты административныхъ преслѣдованій, обысковъ, арестовъ за выписку легальныхъ украинскихъ изданій, легальныхъ украинскихъ книгъ. И все это прошло мимо думской оппозиціи.

Если не считать слабо оформленной фракціи прогрессистовъ, то въ Государственной Думѣ существуетъ три оппозиціонныхъ группы: социаль-демократы, трудовики и кадеты.

У социаль-демократовъ за пять лѣтъ было всего лишь два активныхъ выступленія въ защиту украинскихъ требованій: рѣчь Покровскаго и два слова Чхеидзе по холмскому законопроекту. Ни одного слова больше, кромѣ этихъ рѣчей, произнесенныхъ въ концѣ дѣятельности Думы, послѣ четырехлѣтняго молчанія, социаль-демократами сказано не было. А между тѣмъ въ составѣ фракціи находится представитель екатеринославскихъ рабочихъ Кузнецовъ, среди избирателей котораго были и украинскіе рабочіе.

У трудовиковъ мы можемъ отмѣтить выступленія Булата. Онъ выступалъ чаще другихъ депутатовъ и всегда недвусмысленно поддерживалъ и защищалъ украинскія требованія. Но едва ли мы ошибемся, если объяснимъ вниманіе депутата къ этому вопросу не партійной принадлежностью, а его національностью. Для литовца Булата, члена національности, въ положеніи которой много общаго съ положеніемъ украинцевъ, украинскія требованія были ближе и понятнѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ.

У кадетовъ, кромѣ выступленій украинца проф. Лучицкаго, мы могли указать только рѣчи Милюкова и Родичева. На-ряду съ этимъ указаніемъ мы должны были отмѣтить двойственный и до извѣстной степени даже противорѣчивый характеръ этихъ выступленій.

Таковъ итогъ активной защиты украинскихъ требованій со стороны думской оппозиціи,—итогъ, какъ видимъ, довольно убогій. Не будемъ разбираться въ вопросе, кто виноватъ въ этомъ. Ограничимся указаніемъ на то, что украинскіе круги въ результатъ пятилѣтней дѣятельности оппозиціи въ Думѣ стали по отношенію къ ней значи-

тельно менѣе довѣрчивы. Сомнѣнія ихъ въ желаніи ея защищать активно украинскія требованія увеличились; возросло стремленіе выступать самостоятельно, а не поддерживать лишь кандидатовъ русской оппозиціи. Существуетъ рядъ симптомовъ, указывающихъ, что наступающіе выборы будутъ имѣть характеръ, отличный отъ выборовъ въ третью Думу. На недавно закончившемся сѣздѣ украинскихъ прогрессистовъ выработана избирательная платформа съ общими и національными требованіями и рѣшено выступать совмѣстно съ тѣми прогрессивными группами, которыя будутъ поддерживать украинскія требованія; въ случаѣ же ихъ несогласія рѣшено выступать самостоятельно—независимо отъ того, будетъ ли возможность провести въ Думу своего кандидата или нѣтъ.

Отдѣльныя сообщенія съ мѣстъ свидѣтельствуютъ о конфликтахъ украинцевъ съ русскими прогрессивными кругами и о стремленіи ихъ къ самостоятельному выступленію. Таковы сообщенія изъ Одессы, изъ Полтавы.

Въ украинскихъ социаль-демократическихъ кругахъ, судя по ихъ заграничнымъ изданіямъ послѣдняго времени, недовольство и оппозиціонное отношеніе къ россійской социаль-демократіи также значительно возросло.

Украинскіе круги долго ждали и много вѣрили. Найдется ли теперь у русскихъ прогрессивныхъ группъ достаточное пониманіе момента, чтобы удержать эту вѣру и не подвергать дальнѣйшему испытанію истощающееся долго-терпѣніе?

В. Садовскій.

Lex Pichniana.

Вотъ ужъ подлинно: гони природу въ дверь,—она войдетъ въ окно.

У насъ принято отмахиваться отъ національнаго вопроса, въ фатальной надеждѣ, что хлопотливое дѣло это, будучи предоставлено волѣ Божіей, какъ-нибудь „образуется“ само собою, и всѣ хлопоты избудутся. Въ концѣ концовъ образовалось такое положеніе, что національный вопросъ въ общей его постановкѣ сталъ исключительнымъ достояніемъ реакціонныхъ націоналистическихъ круговъ, овладѣвшихъ имъ безъ всякаго противъ того съ чьей-либо стороны протеста. Капраль палку взялъ и дѣйствуетъ ею по спинамъ населяющихъ Россію народностей. Меньшиковъ пописываетъ, націоналисты со вкусомъ почитываютъ, правительство принимаетъ къ свѣдѣнію и исполненію, а возъ и понынѣ тамъ, гдѣ онъ завязъ еще въ тѣ аркадскія времена, когда „на всѣхъ языкахъ все мовчало“.

И кажется, что все „образовалось“, все тихо и благополучно. Но стоитъ лишь слегка коснуться этой обнаженной болячки, какъ сразу раздается крикъ боли.

Самымъ, несомнѣнно, удобнымъ случаемъ, когда вскрывается вся неприглядная запутанность у насъ національнаго вопроса, является обсужденіе въ законодательныхъ учрежденіяхъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія и разныхъ школьныхъ законопроектовъ. Ни о чемъ такъ долго и такъ страстно не говорилось въ Думѣ, когда рѣчь шла о народномъ образованіи, какъ о національномъ элементѣ въ школѣ—о пренебреженіи національными особенностями учащихся въ настоящее время и о необходимости поставить просвѣщеніе народа на національную почву. Даже для третьей Думы стало очевиднымъ, что совершенно обходить этотъ вопросъ нельзя, что нужно, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ, признать за школой естественное право преподаванія на родномъ языкѣ.

Не осталась равнодушною къ данному вопросу и наша Верхняя палата, хотя и въ значительно иномъ направленіи. Особое вниманіе оказано было ею украинскому элементу въ школѣ, такъ какъ въ средѣ членовъ высокой палаты оказался специалистъ по этой части, редакторъ „Кіевлянина“ Д. И. Пихно, и было бы, конечно, весьма странно, если бы этотъ рыцарь обрусѣнія не использовалъ совѣтской трибуны для тѣхъ же специфическихъ цѣлей, которымъ служитъ его украинофобскій органъ.

Атака на украинскій языкъ въ школѣ поведена весьма стремительно и въ нѣсколько пріемовъ. Статью 9-ю законопроекта большинство разсматривавшей его совѣтской комиссіи снабдило такимъ скромнымъ примѣчаніемъ: „Въ мѣстностяхъ съ иноязычнымъ населеніемъ дозволяется, съ разрѣшенія уѣзднаго окружнаго или городского училищнаго совѣта, преподаваніе мѣстныхъ языковъ для желающихъ“. Что, можетъ быть, скромнѣе такого факультативнаго права: послѣднее осуществляется только при наличности двухъ условій: разрѣшенія совѣта и выраженнаго населеніемъ желанія. Но привычное направленіе мыслей увлекло проф. Пихно на путь политическаго заподозриванія и въ этомъ простомъ и ясномъ дѣлѣ. „Съ цѣлью предупредить превращеніе малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія въ особый иноязычный языкъ“ (какой остроумный профессорскій каламбуръ!) онъ вноситъ такое по меньшей мѣрѣ странное примѣчаніе: „малорусское и бѣлорусское населеніе не считается иноязычнымъ“. Статья 9-я законопроекта принята Государственнымъ Совѣтомъ въ такой редакціи, которая исключала подобное примѣчаніе, и вотъ проф. Пихно возобновляетъ свою атаку при обсужденіи ст. 16-й, которая предлагалась совѣтской комиссіей въ такой формулировкѣ: „въ мѣстностяхъ, въ коихъ дѣти, поступающія въ училище, не говорятъ по-русски, допускается при обученіи пользоваться природнымъ, на которомъ говорятъ учащіеся въ семьѣ, въ первый, а буде это необходимо, то и во второй годъ обученія. Съ начала третьяго года преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія и роднаго языка, производятся на русскомъ языкѣ“. Съ цѣлью зашити украинскихъ и бѣлорусскихъ школьникоу „отъ бесполезнаго и даже вреднаго преподаванія на малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ или, какъ выражаются нѣкоторые, отъ преподаванія на украин-

ской мовѣ“, г. Пихно предлагаетъ дополнить ст. 16-ю такимъ примѣчаніемъ: „Въ мѣстностяхъ съ малороссійскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ преподаваніе всѣхъ предметовъ производится на русскомъ языкѣ съ перваго года обученія“.

Столь упорная настойчивость должна, конечно, исходить изъ серьезныхъ основаній. И проф. Пихно довольно подробно аргументируетъ свои предложенія. Такъ какъ самъ онъ указываетъ на свою компетентность въ мѣстныхъ украинскихъ вопросахъ и на свой свыше 30-лѣтній публицистическій опытъ, то, понятно, въ своей аргументаціи онъ вполнѣ использовалъ плоды знанія и опыта и долженъ былъ представить съ трибуны Государственнаго Совѣта квинтъ-эссенцію всѣхъ доводовъ по обличенію неправды украинскихъ притязаній на родной языкъ въ школахъ. Это служить для меня большимъ извиненіемъ и отчасти даже обязываетъ привести рѣчь г. Пихно возможно полнѣе. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, взглянуть опасности прямо въ глаза и увидѣть воочию весь арсеналъ доводовъ, какіе знающій и опытный человѣкъ можетъ выставить противъ одного изъ важнѣйшихъ очередныхъ вопросовъ современной украинской платформы. Ну, что же, взглянемъ:

•Въ малорусскомъ краѣ, а въ особенности въ пограничной Галиціи,—говоритъ г. Пихно,—образовалось теченіе, находящее извѣстную поддержку въ наукѣ и утверждающее, что малорусское нарѣчіе представляетъ собою не нарѣчіе русскаго языка, параллельно съ двумя другими нарѣчіями, а особый самостоятельный языкъ, стоящій на одномъ рангѣ съ другими славянскими языками—польскимъ, чешскимъ, сербскимъ и проч. Исходя изъ этого воззрѣнія, сторонники его стремятся разрабатывать малорусскій языкъ не какъ мѣстное вспомогательное нарѣчіе, а какъ совершенно особый, самостоятельный языкъ, вполнѣ пригодный для науки, литературы и законодательства... Стремленіе къ полному національно-культурному обособленію и самостоятельности малорусскаго языка связано съ политическимъ теченіемъ, по моему убѣжденію, столь же зловреднымъ, какъ и безумнымъ; тѣмъ не менѣе съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ должно считаться...

До настоящаго времени малороссійскій языкъ не могъ занять въ Россіи положенія языка учебнаго, но въ Галиціи дѣло пошло такъ далеко, что тамъ онъ господствуетъ нынѣ въ значительной части народныхъ школахъ; существуютъ также среднія учебныя заведенія съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ и на немъ ведется преподаваніе на нѣкоторыхъ кафедрахъ въ львовскомъ университетѣ. Дѣлались частичныя попытки ввести преподаваніе на томъ же языкѣ въ университетахъ кievскомъ, одесскомъ и харьковскомъ, но эти попытки не имѣли успѣха, такъ какъ противорѣчили существующему уставу университетовъ. Въ виду столь крупной важности такъ называемаго украинскаго вопроса намъ не слѣдуетъ успокаиваться на мысли, что нынѣ издаваемый законъ достаточно охраняетъ прерогативы русскаго языка, а полезно ввести то именно дополненіе, которое мы предлагали. Если бы даже это дополненіе при извѣстныхъ условіяхъ осталось мертвымъ и оказалось излишнимъ, то все-же слѣдуетъ предвидѣть, что можетъ возникнуть подъ тѣмъ или инымъ влияніемъ мѣстное теченіе, съ которымъ на мѣстѣ трудно будетъ бороться. Я хорошо знаю малорусскій край, болѣе 30 лѣтъ я работалъ тамъ въ качествѣ публициста, мнѣ хорошо извѣстна та борьба, которая уже не разъ возникала, и извѣстны такіе моменты, когда

украинофильское или украинское теченіе приобрѣтало особенную силу. Я опасаюсь, что вновь можетъ повториться моментъ, когда земства, которымъ нынѣ вѣрятся по преимуществу школьное дѣло, могутъ оказаться недостаточно сильными противъ этого теченія. Посему я думаю, что законодательная власть должна на всякій случай поставить ясныя границы и дать непоколебимую охрану государственному языку отъ всякихъ притязаній*.

И только всего. Весь багажъ знанія и болѣе чѣмъ 30-лѣтній опытъ свелись къ плохой газетной статьѣ, въ которой такъ много предположеній и специфическихъ заподозриваній и такъ мало дѣйствительныхъ фактовъ и убѣдительныхъ доводовъ. Оказывается, не такъ страшень чортъ, какъ его малюють, и противники такой педагогической аксіомы, какъ родной языкъ въ школѣ, сами, по видимому, должны чувствовать внутреннюю несостоятельность своей позиціи, если не умѣють обосновать ее хоть сколько-нибудь прилично.

Удивительно любятъ господа украинофобы сводить споръ, когда рѣчь идетъ о правахъ украинскаго языка, на филологическую почву. Почва эта все болѣе становится для нихъ шаткою, и проф. Пихно вынужденъ признать, что столь ненавистное ему „теченіе находитъ извѣстную поддержку въ наукѣ“. Но ужъ такъ сильна традиція—начинать отъ печки, что въ мобилизаціи всѣхъ доводовъ противъ допущенія украинскаго языка въ школу, нужно было, конечно, использовать и этотъ. Мы не пойдемъ по этому пути, хотя бы и очень благодарному. Филологическая сторона въ вопросѣ объ украинскомъ языкѣ уже разсматривалась и, вѣроятно, будетъ еще разсматриваться на страницахъ „Укр. Ж.“ вполне компетентными лицами, голосъ которыхъ собственно только и можетъ быть интересенъ для читателей. А главное—филологическая сторона въ томъ практическомъ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ минимальное значеніе. Представляетъ ли украинскій языкъ самостоятельную филологическую вѣтвь, является ли онъ, наоборотъ, нарѣчіемъ или поднарѣчіемъ, слишкомъ ли велико или не такъ ужъ значительно различіе его отъ литературнаго русскаго языка,—въ практическомъ отношеніи все это мало важно. Разъ отличіе это вообще существуетъ, разъ, владѣя однимъ изъ этихъ языковъ, нельзя вполне и во всѣхъ подробностяхъ понимать другой, то нужно считаться съ этимъ именно фактомъ, съ цѣлями практическаго употребленія языка, а не съ филологическимъ его формуляромъ. И самъ г. Пихно, въ

томъ же, кажется, засѣданіи Совѣта, но нѣсколько по другому поводу, который не затемнялъ логики его мыслей посторонними шовинистическими соображеніями, высказываетъ совершенно здравую мысль, что „въ народной школѣ идетъ дѣло только объ элементахъ языка, о пользованіи имъ для начального преподаванія, а въ этомъ отношеніи языкъ какой-нибудь нашей азіатской народности можетъ имѣть такое же значеніе, какъ языкъ высококультурный“. По закону логической послѣдовательности отсюда можно, кажется, придти только къ одному выводу: если украинскій языкъ имѣетъ какое-либо вспомогательное значеніе въ школѣ,—а отрицать это едва ли рѣшится самый ослѣпленный украинофобъ,—то, не спрашивая у него паспорта, слѣдуетъ воспользоваться имъ при школьномъ обученіи, ибо было бы не только непрактично, но и совершенно неразумно игнорировать это цѣнное вспомогательное орудіе народнаго просвѣщенія.

Въ состояніи постоянного озлобленія по отношенію къ украинству, противники его вообще не считаются не только съ логикой, но и просто съ фактами. Укоряя сторонниковъ украинскаго движенія за то, что они „стремятся разрабатывать малорусскій языкъ не какъ мѣстное вспомогательное нарѣчіе (значить, въ качествѣ хотя бы вспомогательнаго нарѣчія онъ куда-нибудь, напр., для школы,—все-же годится? О. Б.), а какъ совершенно особый, самостоятельный языкъ, вполне пригодный для науки, литературы и законодательства“, и тѣмъ самымъ отрицая пригодность украинскаго языка для помянутыхъ высокихъ цѣлей, проф. Пихно непосредственно вслѣдъ за тѣмъ указываетъ на факты самой жизни, не считающейся съ его ревнивыми опасеніями и въ своей неотвратимой логикѣ осуществляющей то и даже гораздо больше того, въ чемъ онъ стремится отказать ей.

Какъ видно изъ приведенной выше цитаты, проф. Пихно нѣсколько извѣстны факты завоеванія украинскимъ языкомъ тѣхъ именно позицій, которыя онъ считаетъ запретными для этого языка. Умолчавъ по странному недоразумѣнію о роли украинскаго языка въ административныхъ, судебныхъ и законодательныхъ дѣлахъ въ Галиціи, г. Пихно указалъ все-же на роль этого языка въ народномъ образованіи,—не только низшемъ и среднемъ, но и высшемъ. Указалъ онъ даже на факты университетскаго преподаванія на украин-

скомъ языкѣ и въ предѣлахъ Россіи, приче́мъ сознается, что „эти попытки не имѣли успѣха, такъ какъ противорѣчили существующему уставу университетовъ“, т. е. не имѣли успѣха не по непригодности украинскаго языка для университетскаго преподаванія, а по внѣшнимъ формальнымъ препятствіямъ, и, слѣдовательно, не будь этихъ препятствій, указанныя попытки увѣнчались бы успѣхомъ. Разъ это такъ, т.-е., если существо дѣла не во внутренней, такъ сказать, несостоятельности языка, а только во внѣшнихъ препятствіяхъ, то очевидно, что и кіевлянинскій Навинь и иже съ нимъ сами прекрасно сознають, что они взяли на себя довольно неблагодарную и едва ли не безнадежную задачу—остановить движеніе жизни, въ осуществленіи нормальныхъ ея требованій, съ довольно негодными средствами гнѣшнихъ препятствій. Да, именно, негодными. Практика уже по этой части была, и довольно обширная. Примѣнялись такія мѣры запретительнаго воздѣйствія, какихъ уже больше примѣнять нельзя будетъ. И что же? Жизнь взяла свое. Украинское національное движеніе выдержало тягчайшее испытаніе и не только не умерло, какъ того желали и пророчили ему противники его, а даже, будучи поставлено въ совершенно невозможныя условія, продолжало все-же развиваться и внутрь, и вширь, достигнувъ прямо поразительныхъ результатовъ. Близорукіе противники украинства никакъ не могутъ понять, что въ конечномъ результатѣ дѣло рѣшается вовсе не ихъ благосклоннымъ или неблагосклоннымъ отношеніемъ къ нему, что вопросъ о томъ, „дать“ или „не дать“ ему извѣстныя права гражданства, имѣетъ значеніе не принципиальное—въ смыслѣ быть ли ему, или не быть, развиваться или заглохнуть,—а только относительное—въ смыслѣ большихъ или меньшихъ результатовъ существованія и развитія. Допускаемъ, что можно ослабить народное движеніе къ духовному возрожденію, можно отклонить его отъ прямого и естественнаго пути, можно даже исковеркать, но убить живой потребности народнаго духа нельзя, не угасивъ вмѣстѣ съ тѣмъ самого духа. Тѣмъ наивнѣе, чтобы не сказать больше, попытки со- считаться со „столь же зловреднымъ, какъ и безумнымъ“, движеніемъ путемъ примѣчанія къ ст. 16-й законопроекта о воспрещеніи пользоваться въ школѣ украинскимъ языкомъ въ качествѣ вспомогательнаго средства обученія.

Сознаніе нѣкоторой несостоятельности въ борьбѣ хо-

тя бы и съ „безумнымъ“ движеніемъ все-же не чуждо противникамъ его. Отсюда, должно быть, и тотъ ожесточенный тонъ, какимъ необходимо сдобрены всѣ литературныя и вовсе даже не литературныя выступленія противъ украинцевъ, тонъ внутренняго безсилія и вслѣдствіе того неудержимой злобы, цѣпляющейся за внѣшнее насиліе, какъ за единственную поддержку. Отсюда также и то благоговѣйное преклоненіе украинофобовъ подъ нѣмецкимъ гакатизмомъ въ польскихъ и французскихъ провинціяхъ. Но, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, наши охранители попадаютъ и въ этомъ случаѣ впросакъ, будучи довольно невѣжественны по части истиннаго положенія этого дѣла у нѣмцевъ и копируя послѣднихъ грубымъ и аляповатымъ образомъ. Весьма умѣстно указалъ на это П. П. Извольскій во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о материнскомъ языкѣ въ школахъ. „Охотно приводился примѣръ Пруссіи въ ея славянскихъ провинціяхъ,—говоритъ Г. П. Извольскій,—примѣръ для насъ, славянъ, все-таки прискорбный. Но нигдѣ въ законѣ прусскомъ вы не найдете запрещенія примѣнять мѣстный языкъ какъ подсобный, какъ орудіе обученія. Въ отдѣльныхъ административныхъ распоряженіяхъ вы даже прямо найдете указаніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо пользоваться природнымъ языкомъ. Вообще, если уже ссылаться на нѣмецкіе порядки, то слѣдуетъ припомнить существованіе, на примѣръ, школы съ датскимъ языкомъ преподаванія въ Шлезвигѣ, слѣдуетъ припомнить саксонскій школьный законъ, согласно которому въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ вендскія семейства, языкомъ преподаванія долженъ быть вообще вендскій языкъ по крайней мѣрѣ въ первые годы обученія; наконецъ, слѣдовало бы помнить то, о чемъ здѣсь говорили,— о школахъ съ французскимъ языкомъ преподаванія въ Эльзасѣ-Лотарингіи. Необходимо обратить вниманіе на то, что въ государствахъ Германіи, гдѣ такъ остро и твердо ставится правило: учить и учиться по-нѣмецки, и тамъ, если вы вчитаетесь въ мѣстныя распоряженія, вы увидите, что къ этому вопросу подходятъ очень осторожно и, повторяю, подсобнаго значенія природнаго языка не отрицаютъ“. Но наши доморощенные гакатисты много прямолинейнѣе. Преклоняясь предъ прусскимъ образцомъ, они *bona fide* все отрицаютъ.

Большей нелѣпости трудно и представить. Въ интересахъ русскаго языка отрицается наираціональнѣйшее сру-

діе, при помощи котораго только и можно достигъ знанія его. „Вопросъ объ обученіи на родномъ языкѣ,—совершенно правильно говорилъ по этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ гр. Велепольскій,—не имѣеть никакого отношенія къ преподаванію языка. Русскій языкъ долженъ быть преподаваемъ въ народной школѣ, объ этомъ и спора нѣтъ. Жизнь показываетъ, что обученіе другихъ предметовъ на природномъ языкѣ учащихся, дѣлающее школу близкою и понятною сердцу мѣстнаго населенія, можетъ только способствовать лучшему усвоенію государственнаго языка“. Это правильное положеніе умѣстно дополнить словами другого члена Государственнаго Совѣта, П. П. Извольскаго, въ которыхъ оно находитъ для себя основаніе: „Мы вѣримъ, что болѣе бережное отношеніе къ психологіи учащихся, я бы сказалъ—къ правиламъ здоровой педагогики, облегчить разумное усвоеніе курса начальной школы и не затруднить, а облегчить усвоеніе языка государственнаго; и потому мы говоримъ: пусть требуютъ возможнаго, въ предѣлахъ четырехъ лѣтъ обученія, знанія государственнаго языка, пусть требуютъ окончательнаго испытанія изъ курса школы на государственномъ языкѣ; но пусть будетъ отведено подобающее мѣсто языку природному и какъ предмету преподаванія, и какъ орудію, какъ средству для усвоенія курса начальной школы“. „Не русскій языкъ въ опасности, а опасно то, что пренебреженіемъ къ психологіи дѣтей мы отталкиваемъ ихъ отъ нашего чуднаго, задушевнаго, равно для всѣхъ необходимого русскаго языка“.

Такъ противники родного языка въ украинской школѣ сами же рубятъ тотъ сукъ, на которомъ пытаются устояться.

Еще болѣе популярный мотивъ для всѣхъ выпадовъ противъ украинскаго языка—это необходимость борьбы съ украинскимъ сепаратизмомъ. Головы нашихъ украинофобовъ, такъ основательно пропитались этой навязчивой идеей, что готовы усматривать сепаратизмъ тамъ, гдѣ уму нехитрому не открыть его во-вѣкъ.

Ну, допустимъ даже наличность извѣстныхъ сепаратистическихъ стремленій,—хотя если говорить о нихъ, то нужно говорить на основаніи фактовъ, а не на основаніи предположеній и одной лишь возможности. Но, во-первыхъ, между „обособленіемъ“ въ языкѣ (а въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ всего только о допущеніи народнаго

языка въ качествѣ вспомогательнаго средства въ школу и обособленіемъ политическимъ—дистанція огромнаго размѣра. Галлюцинировать политическимъ отдѣленіемъ Украины отъ Россіи по тому поводу, что школьники будутъ получать объясненія на родномъ языкѣ,—вѣдь, право, это такъ наивно, что даже не смѣшно. Во-вторыхъ, и этого никакъ не хотятъ понять наши ослѣпленные обличители,—сепаратизмъ питается не уступками справедливымъ и законнымъ національнымъ потребностямъ, а именно отрицательнымъ отношеніемъ къ этимъ жизненнымъ настоятельнымъ требованіямъ. Это справедливо и вообще, и по отношенію къ украинскимъ дѣламъ. Наши украинофобы всегда со злораднымъ подмигиваніемъ указываютъ на то, что украинцы россійскіе съ завистью глядятъ на своихъ галицкихъ собратьевъ, пользующихся извѣстными національными правами. И это одно изъ немногихъ утвержденій нашихъ противниковъ, не страдающее обычной лживостью. Да, дѣйствительно глядятъ и, конечно, не безъ зависти. Но почему и кто виноватъ въ этомъ? Не потому ли, что вѣковая національно-нетерпимая политика, особенно усилившаяся въ послѣднее время, лишаетъ россійскихъ украинцевъ основныхъ человѣческихъ правъ, находящихся для себя удовлетвореніе въ другомъ мѣстѣ, въ предѣлахъ другой державы? Наши охранители-украинофобы слишкомъ часто пускаютъ въ ходъ инсинуаціи по части нелѣпой австро-мазепинской интриги; но если бы безпристрастіе могло когда-нибудь коснуться ихъ, для нихъ стало бы ясно, какъ много создаютъ они поводовъ для всякихъ невыгодныхъ сравненій и выводовъ и тѣмъ самымъ старательно взрыхляютъ почву, на какой современемъ дѣйствительно можетъ произрасти плодъ, такъ сладострастно ими предвосхищаемый. И вѣдь въ самомъ дѣлѣ: въ австрійской Галиціи на очереди вопросъ объ основаніи самостоятельнаго украинскаго университета, а у насъ—классическое примѣчаніе Пихно къ ст. 16-й школьнаго законопроекта о воспрещеніи употреблять родной языкъ въ украинской народной школѣ даже въ первые два года обученія. Аналогія между перспективой самостоятельнаго университета и своеобразнымъ *Lex Richniana* не нуждается въ комментаріяхъ и будетъ, конечно, воспринята на русской Украинѣ съ чувствомъ большой горечи по адресу отечественныхъ порядковъ. Но неужели такъ трудно понять,

что нецѣлесообразно, просто даже невыгодно съ здоровой государственной точки зрѣнія создавать такое положеніе, въ результатѣ котораго завистливые взгляды направлялись бы по ту сторону кордона? Такая политика близорука и вредна и дѣйствительно можетъ въ концѣ-концовъ дать почву для тѣхъ эксцессовъ, о которыхъ такъ настойчиво твердятъ наши противники. Лучшее и единственное средство противъ нихъ—не репрессіи, а справедливое удовлетвореніе національныхъ потребностей народа и прежде всего въ отношеніи родного языка. „Въ языкѣ каждаго племени отражается и глубоко таится душа народа; итакъ, для того, чтобы проникнуть въ эту душу и привлечь ее, необходимо обратиться къ ней на томъ языкѣ, съ тою рѣчью, въ которой эта тайна скрывается“. Слова эти сказаны К. П. Побѣдоносцевымъ, что должно быть особенно убѣдительно для нашихъ охранителей, если они склонны вообще внимать голосу благоразумія.

Такого качества до сихъ поръ, однако, они не обнаруживали. Наоборотъ, все время ярко проводится одна неизмѣнная тенденція свести вопросъ на политическую почву, конечно, потому, что на этой почвѣ борьба значительно облегчается: нѣсколько общихъ фразъ о необходимости охраны прерогативъ русскаго государственнаго языка и цѣлости самого государства, нѣсколько туманныхъ инсинуацій по адресу „мазепинцевъ“—и дѣло готово. То ли дѣло бороться на дѣловой почвѣ; здѣсь пришлось бы говорить по существу дѣла, а при такомъ условіи всѣ дутыя возраженія на политической подкладкѣ тотчасъ же разсѣялись бы. Потому-то господа украинофобы такъ цѣпко и держались за политическій характеръ дебатовъ, потому и оказались совершенно безуспѣшными всѣ попытки нѣкоторыхъ ораторовъ въ Гос. Совѣтѣ перенести вопросъ о школьномъ языкѣ на присущую ему педагогическую почву. „Нужно свести этотъ вопросъ,—говорилъ П. П. Извольскій,—къ самому простому его значенію, какъ легче, какъ лучше научить ребенка тѣмъ элементарнымъ свѣдѣніямъ, которыя ему нужно знать, какъ лучше ему дать, сообщить нѣкоторыя, самыя элементарныя знанія русскаго языка, потому что никто не можетъ утѣшать себя мыслью, что послѣ 3—4 лѣтъ мы дѣйствительно выпускаемъ мальчика, свободно объясняющагося на литературномъ русскомъ языкѣ“. Дать дѣлу соотвѣтствующее природѣ его педагогическое направленіе

не удалось, но все-же высокая палата имѣла прекрасный случай ознакомиться съ существенными основаніями въ пользу необходимости народнаго языка въ украинской школѣ. Доводы эти сгруппированы въ рѣчи проф. Д. И. Багалѣя и настолько, по нашему мнѣнію, убѣдительно, что мы считаемъ умѣстнымъ привести въ извлеченіи это мѣсто его рѣчи:

«Необходимо пользоваться малорусскою народною рѣчью, какъ средствомъ для усвоенія знаній и какъ могучимъ орудіемъ для сознательнаго усвоенія русскаго языка. Необходимо пользоваться ею въ виду существующаго между ними различія: они сходны, но не тождественны между собой. Нельзя сказать, чтобы они были настолько другъ съ другомъ сходны, чтобы не потребовалось вспомогательнаго орудія въ видѣ родной рѣчи учащихся. Въ пользу этого различія свидѣлствуетъ существованіе цѣлаго ряда словарей малорусской рѣчи, переводовъ съ иностранныхъ и русскаго языковъ на малорусское нарѣчіе и обратно, существованіе оригинальныхъ малорусскихъ произведеній высокаго художественнаго значенія и т. п. Малорусскимъ школьникамъ приходится въ одно и то же время усвоить и новыя знанія, и русскій языкъ, что для нихъ непосильно, ибо имъ приходится это дѣлать въ томъ именно возрастѣ (отъ 8 до 9), когда подобный процессъ представляется особенно затруднительнымъ. И если мы искренно желаемъ того, чтобы въ школахъ малорусское населеніе получило дѣйствительныя, а не поверхностныя, только призрачныя, знанія, то намъ нужно, конечно, считаться съ этимъ важнымъ элементомъ рѣчи народнои для объясненія неудопонятныхъ русскихъ словъ... Необходимо, далѣе, считаться съ тѣмъ, что малосознательное усвоеніе новыхъ понятій, благодаря отсутствію вспомогательныхъ средствъ въ видѣ роднаго нарѣчія, отражается уже крайне неблагоприятно на культурномъ уровнѣ народа. Въ самомъ дѣлѣ, для всѣхъ болѣе или менѣе бесспорнѣ тотъ фактъ, что малорусское населеніе въ XIX в. является отсталымъ въ культурномъ отношеніи по сравненію съ великорусскимъ и инородческимъ, и одной изъ главныхъ причинъ этой отсталости являются именно вышеуказанныя затрудненія, съ которыми приходится ему считаться въ школахъ, между тѣмъ какъ въ XVII вѣкѣ малоруссы славились своею образованностью и, какъ извѣстно, переносили ее даже въ Московскую Русь».

Это прекрасное мѣсто рѣчи проф. Багалѣя могло бы быть неотразимымъ по своей убѣдительности, если бы ораторъ не постарался сильно его испортить дополнительными соображеніями, въ результатѣ которыхъ оказалось, что пользованіе роднымъ языкомъ необходимо только въ „медвѣжьихъ уголкахъ“ и только въ теченіе одного года (необъяснимая великодушная уступка противъ двухъ лѣтъ, указанныхъ въ формулѣ совѣтской комиссіи), такъ какъ населеніе такихъ уголковъ „лишено близкаго и непосредственнаго сосѣдства съ населеніемъ русскимъ, и потому дѣти его не знаютъ русскаго языка въ такой мѣрѣ, чтобы усваивать на немъ новыя познанія безъ помощи родной рѣчи. Соображеніе весьма странное. Въдъ въ той

же рѣчи ораторъ всталъ на единственно правильную въ педагогическомъ вопросѣ психологическую почву, сказавъ, что русскій и украинскій языкъ „сходны, но не тождественны между собой“, что „нельзя сказать, чтобы они были настолько другъ съ другомъ сходны, чтобы не требовалось вспомогательнаго орудія въ видѣ родной рѣчи учащихся“, и что, наконецъ, „малосознательное усвоеніе новыхъ понятій благодаря отсутствію вспомогательныхъ средствъ въ видѣ роднаго нарѣчія отражается крайне неблагоприятно на культурномъ уровнѣ народа“. Такимъ образомъ, родной языкъ въ школѣ, хотя бы въ видѣ вспомогательнаго средства, какъ въ данномъ случаѣ, является требованіемъ психологической необходимости при обученіи украинскихъ школьниковъ, причемъ пренебреженіе этимъ требованіемъ ведетъ къ крайне неблагоприятнымъ для нихъ послѣдствіямъ въ культурномъ отношеніи. Какъ же, при такомъ общемъ положеніи можно отрицать для какой-либо данной мѣстности право пользоваться роднымъ украинскимъ языкомъ въ школѣ? Какъ провести границу между полнымъ и неполнымъ усвоеніемъ „сходныхъ, но не тождественныхъ между собою“ языковъ? И, тѣмъ болѣе, какъ можно точно устанавливать обязательный срокъ для полнаго усвоенія школьниками „медвѣжьихъ уголковъ“ русскаго языка „не болѣе, какъ въ теченіе перваго года обученія“? Въдь даже въ интеллигентскихъ семьяхъ, говорящихъ по-украински, для полнаго усвоенія русскаго языка нуженъ не одинъ годъ,—тѣмъ менѣе основаній укорачивать этотъ срокъ для школьника изъ народной среды, въ большей мѣрѣ испытывающаго на себѣ неотразимое вліяніе роднаго языка въ условіяхъ народнаго быта.

Еще болѣе странное впечатлѣніе производитъ другой экскурсъ проф. Багалѣя, въ область филологіи. Подъ вліяніемъ, должно быть, нарисованной г. Пихно страшной картины обособленія украинскаго языка проф. Багалѣй, очевидно, рѣшилъ взять украинскій языкъ подъ свою защиту, но, къ сожалѣнію, дѣлаетъ это такъ, что лучше онъ не брался бы за это дѣло. Указавъ, что языкъ „Шевченко и Квитки гораздо болѣе близокъ къ русскому, чѣмъ произведенія современныхъ украинско-галицкихъ писателей“, проф. Багалѣй видитъ причину отклоненія языка этихъ послѣднихъ писателей отъ близости къ русскому языку въ томъ, что „малорусская литература подъ вліяніемъ запре-

тительныхъ указовъ 1867, 1876 и 1881 гг. эмигрировала, такъ сказать, за предѣлы русскаго государства, въ предѣлы Галиціи, когда тамъ сталъ образовываться особый „украинскій языкъ“, который считалъ или хочеть считать себя вполнѣ самостоятельнымъ“.

Недовольство современными и близкими къ нашему времени украинскими писателями за якобы отклоненіе ихъ отъ языка Квитки и Шевченка высказывалось и высказывается довольно часто. Исходитъ оно по большей части отъ лицъ, которыя въ знакомствѣ своемъ съ украинской литературой остановились на Квиткѣ и Шевченкѣ, и основано, въ сущности, на простомъ недоразумѣніи. Квитко бралъ свои сюжеты изъ народнаго быта, и потому блестящій его языкъ—языкъ народный. Шевченко хотя и оперировалъ съ идеями высшаго порядка, но, какъ поэтъ, давалъ этимъ идеямъ образное, конкретное выраженіе. Послѣдующіе писатели, съ развитіемъ украинской публицистики, съ умноженіемъ научныхъ трудовъ на украинскомъ языкѣ, естественно, нуждались въ приспособленіи даннаго языка къ выраженію широкаго круга отвлеченныхъ понятій. Такъ, въ украинскій языкъ вошли слова, обязательныя въ каждомъ культурномъ языкѣ, но вызывавшія соблазнъ въ тѣхъ ревнителяхъ чистоты украинскаго языка, которые во имя чистоты, повидимому, не прочь были бы ограничить украинскій языкъ чисто народнымъ лексикономъ.

Нельзя отрицать, конечно, того обстоятельства, что насильственное перенесеніе литературной дѣятельности въ предѣлы Галиціи сопровождалось включеніемъ въ нѣкоторой мѣрѣ въ украинскій языкъ польско-нѣмецкихъ стихій. На этотъ счетъ существуетъ тотъ, какъ мнѣ кажется, совершенно здравый взглядъ, что въ подобныхъ заимствованіяхъ особой бѣды нѣтъ; языкъ сумѣеть переработать ихъ въ себѣ, отбросивъ все неудобоваримое, какъ это было со всѣми культурными языками, въ томъ числѣ и съ русскимъ. Но какъ бы ни смотрѣть на эти чуждыя заимствованія, во всякомъ случаѣ они сами по себѣ не могли сообщить языку характеръ „особаго украинскаго языка, который считалъ или хочеть считать себя вполнѣ самостоятельнымъ“. Для признанія самостоятельности языка, какъ извѣстно, существуютъ болѣе глубокіе органическіе признаки. И никто изъ украинскихъ писателей и ученыхъ никогда не былъ такъ наивенъ, чтобы на такомъ шаткомъ

и странномъ основаніи считать украинскій языкъ самостоятельнымъ.

Нельзя не признать при такихъ условіяхъ, что правъ былъ г. Пихно, когда заявилъ, что рѣчь Д. И. Багал'я „служить подтвержденіемъ во многихъ своихъ частяхъ именно необходимости того предложенія, которое я внесъ“.

Поправка-примѣчаніе г. Пихно о преподаваніи въ украинскихъ школахъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ съ перваго года обученія голосовалась три раза. Два раза голосованіе получилось неясное, въ третій разъ, при голосованіи путемъ записокъ, за поправку высказались 73 члена Совѣта, противъ нея—51.

Поправка принята. Каковы практическіе результаты этого вотума?

Возможно, что законопроектъ о народномъ образованіи вообще не получитъ осуществленія. Государственный Совѣтъ переработалъ думскій законопроектъ кореннымъ образомъ, не оставивъ, можно сказать, камня на камнѣ. Допустимо поэтому, что соглашенія между Думою и Совѣтомъ по законопроекту и не состоится ¹⁾. Но при извѣстной эластичности думскаго большинства не исключается возможность, что оно пойдетъ на всѣ уступки въ виду крайней бѣдности результатовъ третьедумскаго законодательствованія, и тогда законопроектъ получитъ силу закона.

Въ послѣднемъ случаѣ примѣчаніе къ ст. 16-й причинитъ много зла. Найдется, конечно, немало челоуѣковъ въ футлярѣ, которые будутъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, и легко себѣ представить, какъ отразится на духовномъ развитіи украинскаго школьника безпомощное его положеніе въ чуждой и непонятной ему школѣ, строго избѣгающей приспособленія къ его слововыраженію. „Мало успѣха будетъ имѣть та школа,—можно сказать глубоко правдивыми словами К. Д. Ушинскаго,—въ которую дитя переходитъ изъ дома какъ изъ рая въ адъ и изъ которой оно бѣжитъ домой какъ изъ темнаго ада,

¹⁾ Передъ окончательнымъ голосованіемъ законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ проф. А. В. Васильевъ отъ имени академической группы сдѣлалъ заявленіе, въ которомъ сконцентрированы недостатки законопроекта, дѣлающіе его неприемлемымъ. При голосованіи противъ законопроекта встали также представители польскаго коло, представители Прибалтійскаго края и нѣкоторые безпартійные, въ томъ числѣ гр. С. Ю. Витте.

въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ... Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ“.

Много бѣдъ принесетъ эта поправка и народнымъ учителямъ. Обойтись безъ объясненій на родномъ языкѣ школьниковъ фактически невозможно, иначе успѣхи ихъ пострадаютъ; а прибѣгать къ такимъ объясненіямъ—нарушать законъ. Вотъ дилемма, на практическомъ разрѣшеніи которой уловленъ будетъ не одинъ труженикъ на нивѣ народнаго просвѣщенія, разбита будетъ не одна жизнь на почвѣ усмотрѣній и доносовъ, ибо поправка создаетъ богатую почву для тѣхъ и другихъ.

А въ результатѣ вся эта затѣя, въ которой больше политическаго злоухищренія, чѣмъ практическаго смысла, окажется безсильною предъ требованіями жизни. Попытка надѣть на жизнь намордникъ, при помощи полицейскихъ пріемовъ—попытка безнадежная. На это и указывали въ Государственномъ Совѣтѣ нѣкоторые ораторы далеко не лѣваго лагеря. „Педагогическая точка зрѣнія на вопросъ о примѣненіи въ школахъ природнаго языка учащихся,—сказалъ П. П. Извольскій,—сама собою опредѣляетъ и мое личное отношеніе къ поправкѣ Д. И. Пихно, согласно которой дѣти малорусскаго и бѣлорусскаго населенія признаются говорящими по-русски. Меня эта поправка удивляетъ своею неограниченною вѣрою во всемогущество законодательной нормы внѣ соотвѣтствія съ дѣйствительностью“. Дѣйствительность, очевидно, пойдетъ своимъ путемъ, независимо отъ практически неприемлемой нормы. Такъ, гонимая въ дверь, природа входитъ чрезъ окна и щели. Ибо потребности духа народнаго регулируются болѣе глубокими законами, чѣмъ жалкія политическія измышленія вродѣ *lex Richniana*.

О. Бѣлоушенко.

Современная украинская лирика ¹⁾).

Первый выпускъ стихотвореній Олесея, вышедшій въ 1907 году, былъ восторженно встрѣченъ и украинской критикой, и украинской молодежью. Самое заглавіе его — „З журбою радість обнялась“—передавало господствующее настроеніе того момента: въ печальную украинскую поэзію, въ жизнь, переполненную терній, ворвалась радость,—радость пробужденія въ свѣтлое утро, счастье сознанія, что живъ народъ и жива его сила. Съ этой радостью сразу „обнялась“ острая „журба“ отъ ужасныхъ событій 1907 года, „Въ слъозахъ, як в жемчугах мій сміх“. Звонко и гордо звучала лира въ рукахъ молодого поэта: каждая струна дрожала, звала къ счастью, къ волѣ, полнымъ аккордомъ врывалась въ души людскія, будила въ нихъ сознаніе гражданскаго и чловѣческаго долга по отношенію къ много-страдальному народу. Прекрасные отзвуки шевченковской лирики слышались въ искреннихъ короткихъ пѣсняхъ Олесея. И рядомъ съ мажорными тонами молодого поэта эти шевченковскія минорныя ноты звучали родной для украинца глубокой тоской.

По формѣ Олесь выступилъ талантливымъ символизмомъ. Украинская народная поэзія богата красивыми символами, они тѣсно сплетены со всѣмъ умозрительнымъ настроеніемъ, преобладающимъ въ психикѣ украинской націи. Костомаровъ посвятилъ разъясненію поэтическихъ символовъ украинской народной литературы цѣлое изслѣдованіе. Къ сожалѣнію, эта работа имѣетъ одного лишь продолжателя среди современныхъ украинскихъ этнографовъ, проф. Сумцова. Символизмъ современнаго искусства часто бываетъ надуманъ, блѣденъ. Онъ удается только крупнымъ талантамъ, какъ Бальмонтъ, Рерихъ. Удается онъ и Олесею. Символическая форма присуща немногимъ современнымъ украинскимъ поэтамъ и писателямъ. Хороша она у Днѣпровой Чайки, у галицкой писательницы Кобы-

¹⁾ См. „Украинскую Жизнь“, апрѣль.

лянской; хороши нѣкоторые символы въ поэзи Х. Алчевской¹⁾. У Олеся символы красиво передають настроеніе, создаютъ картину, образъ, полный глубокаго содержанія. Изъ перваго его тома особенной популярностью пользуются „Айстри“, „Конвалія“ (Ландышъ), „Як зграя радісна пташок“, „... всѣхъ не перечислишь,—весь первый томъ ими переливается, какъ въ граняхъ алмаза преломляется лучъ солнца. Хороши символы и во 2-мъ томѣ. Здѣсь они даже сильнѣе, охватываютъ болѣе широкое содержаніе,—напримѣръ, въ стихотвореніи „Яка краса відродженне країни!“ или „О слово рідне! Орле скутий!“ Гейневской поэзіей дышитъ символическое стихотвореніе, которе можно привести какъ образчикъ творчества Олеся:

Не берить із зеленого лугу верби
 Ні на жовті піски, ні на скелі,
 Бо зовьяне вона від жаги і журби
 По зеленому лузі в пустелі...
 І сосни не несить на зелени луги,
 Бо вона засумує в долині
 І засохне в воді від палкої жаги
 І нудьги по далекій вершині...

Это образецъ слиянія творчества поэта съ чисто-народной формой поэзи.

Въ другомъ родѣ, но также хорошо и это сопоставленіе родного края съ цвѣтами:

Не цвітуть квітки зимою
 І дерева не шумлять,
 А обгорнені імлюю
 Як мерці вони стоять.
 Як же ти, мій краю-квіте,
 В час морозів вікових
 Міг би квітнуть і шуміти
 З під наметів снігових?

Красота поэзи Олеся въ разнообразныхъ противопоставленіяхъ, въ богатой гармоніи стиха, сливающегося съ настроеніемъ. У него нѣтъ лишнихъ словъ, словъ безъ содержанія, вся его лирика полна вдохновенія, богата мыслями, яркими образами, блестящими сравненіями. Его два тома

¹⁾ См. сборникъ стихотвореній Х. Алчевской „Туга по сонцю“; нѣкоторыя стихотворенія въ немъ очень художественны.

стихотвореній прекрасно воплощаютъ въ себѣ настроеніе и пережитки 1906—1908 года. Въ нихъ же нашли себѣ выраженіе самыя разнообразныя движенія любви и страданій индивидуальныхъ.

Но вотъ настаютъ унылыя годы реакціи; поэтъ, какъ наиболѣе чуткая организація, переноситъ ее особенно мучительно,—„молчитъ его святая лира“, подъемъ вдохновенія невольно опускается, колеблется вѣра въ близость дня обновленія: Олесь пишетъ „По дорогѣ в казку“. Это уже не прежній горячій стихъ; то, что людямъ дороже жизни,—счастье освобожденія,—теперь живетъ только въ сказкѣ. Люди потеряли истинный путь, они толпою бродятъ въ лѣсу и напрасно ищутъ выхода. Юноша, одушевленный вѣрой, ведетъ ихъ къ свѣту изъ темной чащи, полной дикихъ звѣрей. Путь тернистый, сомнѣнія охватываетъ вожака. Чуть толпа уловила его нерѣшительность,—въ ней пропала, вся вѣра въ него, всякая надежда на выходъ изъ мрака къ свѣту. Люди разбрелись снова въ чащѣ, покинувъ своего вождя въ двухъ шагахъ отъ невѣдомой имъ опушки лѣса. Есть разсказъ Горькаго, напоминающій содержаніе поэмы Олесь. Какъ въ томъ произведеніи, такъ и въ этомъ отразилось настроеніе современнаго общества, блуждающаго въ потемкахъ, безъ твердыхъ убѣжденій, безъ горячей вѣры. Прекрасный языкъ и яркость отдѣльныхъ переживаемыхъ и толпою, и вожакомъ ея моментовъ дѣлаютъ поэму Олесь очень интересной.

Вышедшій вслѣдъ за нею третій сборникъ Олесь свидѣтельствуемъ о томъ, что настроеніе поэта продолжаетъ быть подавленнымъ: его прелестныя лирическія стихотворенія полны тоски. Поэтъ ищетъ утѣшенія въ грезахъ своей богатой фантазіи, онъ творитъ сказки—„По над Дніпромъ“, „Чотири доби“ (четыре времени года), гдѣ рядомъ съ картинами чисто сказочной поэзіи прорывается лирика, полная скорби, художественно-прекрасная, захватывающая своимъ настроеніемъ читателя, потому что настроеніе поэта, родное намъ, болѣзненнымъ переживаніемъ отдается въ нашей душѣ.

Многіе поэты, многіе художники переживали періоды душевнаго угнетенія, когда реальная жизнь теряла для нихъ красу, жизнерадостность оставляла ихъ, и только фантазія, унося ихъ на своихъ легкихъ крыльяхъ, дарила имъ творческое вдохновеніе. Въ жизни Пушкина, Байрона,

Гейне такіе періоди отмѣчаются всѣми ихъ критиками и біографами. Шевченко пережилъ такой же періодъ, когда восклицалъ:

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши въ руки,
Дивуюся: чому не йде
Апостол правди і науки!

Онъ уходилъ тогда всецѣло въ ветхозавѣтныя темы, черпая ихъ изъ Библіи. Гейне тоже повременамъ предпочиталъ перевоплощаться въ минувшія эпохи, искать сюжетовъ въ прошломъ, творить историческія поѣмы, не отзываясь на современную ему, такъ больно поражавшую его, дѣйствительность. Чисто гениальная способнѣсть Гейне понимать разныя эпохи исторіи все-же не удержала его долго на чисто историческихъ сюжетахъ, и поэтъ молодой Германіи возвращается къ своей любимой темѣ—міровой скорби, находя наилучшее ея выраженіе въ еврейскихъ мотивахъ. Такъ, надо думать, и поэтъ молодой Украины скинетъ съ себя угнетенное душевное настроеніе и вернется къ своему лейтѣ-мотиву—призыву къ свѣту, счастью и свободѣ. Конечно, для этого надо прежде всего пожелать, чтобы и окружающая насъ жизнь хоть сколько-нибудь просвѣтлѣла. Здѣсь не мѣшаетъ напомнить слова Овсяннико-Куликовскаго, который проводя разницу между ученымъ мыслителемъ и художникомъ-поэтомъ, ставитъ въ дѣятельности поэта главною пружиною „культъ челоувѣчества“: весь непредѣльный космосъ для поэта только фонъ, на которомъ выступаетъ челоувѣчество съ его страданіями и радостями. „Задача художника, — говоритъ Овсяннико-Куликовскій,—гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ задача ученаго мыслителя, и требуетъ, кромѣ творческаго дара, еще большой отзывчивости, большой силы духа,—той широты гуманнаго пониманія и сочувствія, той ихъ глубины, безъ которыхъ его творческая работа невозможна, или же, въ лучшемъ случаѣ, будетъ ничтожна. Онъ долженъ многое возлюбить и многое возненавидѣть и все понять“ (см. Овсяннико-Куликовскій. Поэзія Гейне, стр. 119).

Художникъ всегда идетъ впереди своего вѣка, онъ долженъ разбираться во всѣхъ проблемахъ, какія ставитъ жизнь его народа, онъ долженъ быть проникнутъ новыми идеалами. Иногда художникъ прозрѣваетъ новые пути ихъ

воплощенія. И все это вмѣстѣ требуетъ отъ него громадной душевной работы. Она совершается незримо въ тайникахъ души поэта и обнаруживается въ его легкокрылыхъ словахъ, которыя часто становятся лозунгами нѣсколькихъ поколѣній. Но для этой работы необходимы соотвѣтствующія переживанія.

Олесь уже показалъ намъ, что онъ „возлюбилъ“ и что онъ ненавидитъ. Окружающая его творчество любовь украинскаго общества обнаруживаетъ, что онъ понялъ его лучшіе идеалы. Если послѣдніе годы груститъ его „святая лира“, то мы твердо увѣрены, что никто, какъ онъ, этотъ даровитый пѣвецъ молодой Украины, не почувствуетъ первое живое дыханіе въ окружающей насъ мертвой, страшной дѣйствительности, и снова звучный стихъ его пробудитъ насъ и будетъ звать опять къ свѣту и добру.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ, конечно, не рассмотрѣны всѣ лучшіе лирики современной украинской поэзіи. Не было удѣлено нами вниманія такому прекрасному лирику, какъ Л е с я У к р а и н к а, потому что ея лирика—„На крилахъ пісень“—принадлежитъ больше XIX вѣку, а въ настоящее время ея творчество приняло другое направленіе—поэмъ, драмъ. По этимъ же причинамъ мы прошли мимо лирики Ч е р н я в с к а г о, издавшаго очень красивый сборникъ стиховъ „Зорі“. Изъ молодыхъ лириковъ много надеждъ подаетъ свѣжій талантъ М. Р ы л ь с к а г о, выпустившаго пока только небольшой сборникъ стиховъ „На білих островахъ“. Проникнутыя искреннимъ чувствомъ молодого сердца, звучныя по стиху и изящныя по формѣ, какъ, на примѣръ, „З сердечнихъ глибин“, „Не грай! Не грай!“, „Годі, скінчилася пісня моя“ и другія вещи въ этомъ сборникѣ, обнаруживаютъ несомнѣнный лирический талантъ. О творествѣ лирика Г а й, трудно высказаться, пока его изящныя и полныя чувства стихотворенія разбросаны по періодическимъ изданіямъ и не собраны вмѣстѣ.

Нельзя не отмѣтить бѣдности переводной литературы на украинскомъ языкѣ въ области лирической поэзіи. Больше всего посчастливилось Гейне, котораго удачно переводили М. С л а в и н с к і й, Л е с я У к р а и н к а, Г р а б о в с к і й. Очень мало имѣемъ мы переводовъ итальянскихъ лириковъ и особенно изъ Ады Негри, которая по содержанію своихъ стиховъ такъ близка украинскимъ ли-

рикамъ. Почти не переведены новѣйшіе французскіе поэты. Беранже хорошо переводятъ Х. Алчевская и Л. Велинская. Среди переводной поэзіи послѣдняго времени хороши переводы Стешенка изъ Шиллера, Надсона и др. Украинскій языкъ достаточно богатъ, чтобы въ рукахъ мастера слова передать разнообразныя оттѣнки поэзіи далекихъ народовъ.

Такова современная украинская лирика: она не бѣдна талантливыми поэтами. Ея мотивы разнообразны: одни звучатъ въ униссонъ съ современной русской поэзіей, полны личной тоски и поисковъ новаго счастья; другіе, присущіе украинской поэзіи, полны гражданскихъ чувствъ, скорби о бездольѣ родного края; наконецъ, иные полны чистой красоты символизма. Всѣ эти мотивы полнѣе всего, красивѣе всего сливаются въ поэзіи Олеся. Его сборники представляютъ синтезы лучшей современной украинской лирики, въ нихъ культъ человѣка и человѣчности звучитъ въ наиболѣе широкомъ значеніи этихъ понятій. А вѣдь въ истинномъ культѣ этихъ двухъ идей совмѣщается и красота, и счастье, т.-е. все, къ чему люди всегда стремятся и поиски чего составляютъ главное содержаніе художественной лирики.

С. Русова.

Польскій публициетъ объ украинетвѣ.

Напечатанная въ февральской книжкѣ „Украинской Жизни“ статья пишущаго эти строки объ отношеніи русскаго общества къ украинскому національному движенію вызвала многочисленныя отклики въ печати; но, къ сожалѣнію, всѣ они носили очень бѣглый и уже по одному этому слишкомъ поверхностный и случайный характеръ. Большой во всѣхъ отношеніяхъ вопросъ остается по-прежнему спорнымъ и невыясненнымъ. Кто-то изъ кадетствующихъ публицистовъ южной прессы сдѣлалъ попытку использовать мою статью для своихъ партійныхъ цѣлей въ довольно неожиданномъ для меня смыслѣ, но, конечно, этотъ подозрительный „единомышленникъ“ ужъ менѣе всего можетъ идти въ счетъ.

Отмѣчаю эти обстоятельства съ большимъ прискорбіемъ, такъ какъ мнѣ казалось и продолжаетъ казаться, что затронутый и намѣченный, но отнюдь, конечно, не разрѣшенный мною вопросъ представляетъ огромное значеніе и заслуживаетъ самага внимательнаго, серьезнаго и—само собою понятно—вполнѣ объективнаго обсуждения. Отмахнуться отъ него двумя—тремя ходячими фразами и не обслѣдованными въ своихъ основахъ фактами или пресловутыми въ россійскихъ спорахъ „примѣрами“ не приходится. Надо подняться нѣсколько выше и поискать широкихъ принципіальныхъ началъ для установленія въ этой области прочнаго базиса и закономѣрныхъ перспективъ.

Первую попытку въ этомъ отношеніи дѣлаетъ г. Донцовъ въ статьѣ, которую читатели найдутъ въ настоящей книжкѣ „Украинской Жизни“; и какъ ни гипотетично его построеніе, оно, на мой взглядъ, представляетъ большую цѣнность прежде всего самымъ характеромъ постановки вопроса и приѣмами его анализа. Правда, г. Донцовъ говоритъ не столько о настоящемъ, сколько о будущемъ, которымъ, по его мнѣнію, уже чревато это настоящее; правда, онъ говоритъ не о русскомъ прогрессивномъ обществѣ

вообще и даже не о русской интеллигенции en masse, а ограничивается тѣмъ ея слоємъ, который, въ неизбѣжномъ и уже начавшемся процессѣ дифференціаціи, должны выдѣлиться изъ своей среды кадеты и правѣе ихъ стоящіе элементы; но, быть-можетъ, только путемъ такого расчлененія этого сложнаго вопроса и возможно его разностороннее изслѣдованіе и выясненіе. Во всякомъ случаѣ ничего не можетъ быть ошибочнѣе и несостоятельнѣе въ методологическомъ отношеніи, какъ тѣ общіе, огульные характеристики, выводы и предсказанія, которые являются въ настоящее время ходячею монетою извѣстной части украинскаго общественнаго мнѣнія при оцѣнкѣ русско-украинскихъ отношеній.

Отклики на предложеную мною въ той же статьѣ анкету объ этихъ отношеніяхъ могли бы, несомнѣнно, оказать очень существенное подспорье въ работѣ изслѣдователей нашего „больного вопроса“, но, къ сожалѣнію, и здѣсь приходится пока констатировать скудость имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала. Намъ прислали свои отвѣты нѣсколько весьма почтенныхъ общественныхъ дѣятелей и представителей литературы и науки, но въ общемъ этихъ отвѣтовъ еще очень немного и, кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи совсѣмъ нѣтъ пока отвѣтовъ руководителей русскихъ политическихъ партій; а при такихъ условіяхъ оглашать имѣющійся матеріалъ, подвергать его обслѣдованію и строить на немъ тѣ или иные выводы было бы преждевременно.

Одно исключеніе мы, однако, позволимъ себѣ сдѣлать, такъ какъ самый матеріалъ, который редація „Украинской Жизни“ находитъ возможнымъ огласить и предложить обсужденію теперь же, долженъ быть поставленъ совершенно отдѣльно и не подлежитъ суммированію съ другими данными анкеты. Такимъ матеріаломъ является присланный намъ отвѣтъ извѣстнаго польскаго публициста Л. Василевскаго-Плохоцкаго, превосходно освѣдомленнаго въ украинскомъ вопросѣ и недавно выпустившаго, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, интереснѣйшій трудъ „Україна і срава українська“ (см. „Украинск. Жизнь“, январь, стр.-131). Отвѣтъ г. Василевскаго настолько обстоятеленъ и интересенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько характеренъ для того теченія социалистической мысли, къ которому близокъ его авторъ, что, несомнѣнно, и самъ по себѣ заслуживаетъ очень серь-

езнаго вниманія. Печально лишь то, что по независящимъ отъ насъ условіямъ нѣкоторыя, и притомъ крайне существенныя, пункты въ отвѣтъ польскаго публициста приходится печатать съ сокращеніями.

Для облегченія читателей мы передъ каждымъ пунктомъ отвѣта воспроизводимъ текстъ соотвѣтствующаго вопроса анкеты.

Прежде чѣмъ приступить къ отвѣтамъ по предлагаемымъ анкетой пунктамъ, я долженъ сдѣлать извѣстную оговорку. Я не русскій, и поэтому мои взгляды никоимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы какъ матеріаль для характеристики отношеній русскаго общества къ украинству. Но такъ какъ мнѣ приходится писать объ украинскихъ дѣлахъ и въ русскихъ изданіяхъ, то я считаю возможнымъ принять участіе въ анкетѣ въ видахъ выясненія затронутыхъ ею вопросовъ, хотя и думаю, что мои отвѣты, какъ поляка, въ ней не совсѣмъ у мѣста.

1. Интересовались ли вы украинскимъ вопросомъ? Въ чемъ выражался и выражается вашъ интересъ къ нему и что послужило толчкомъ къ его возникновенію?

Украинскимъ вопросомъ интересуюсь приблизительно съ 16-лѣтняго возраста, т. е. съ того времени, когда сталъ интересоваться „политикой“ и, въ частности, отношеніемъ Польши къ Россіи. Воспитанный въ духъ польскаго патріотизма, я инстинктивно чувствовалъ въ Украинѣ союзницу. Еще въ гимназіи (въ Петербургѣ, гдѣ я родился и воспитывался) я сталъ читать по-украински (этому меня обучилъ одинъ сербъ, пріѣхавшій изъ Львова) и познакомился съ украинской литературой, театромъ и (по польскимъ источникамъ) съ галиційско-русинскими отношеніями. Будучи гимназистомъ, я завелъ сношенія съ петербургской украинской колоніей технологовъ, медиковъ и универсантовъ. Это мнѣ дало возможность прочитать цѣликомъ всю украинскую бібліотеку, имѣвшуюся въ то время у этой молодежи, но для моихъ политическихъ стремленій я среди этой молодежи пиши не находилъ. На меня прямо угнетающе дѣйствовалъ тотъ чрезвычайно низкій уровень національнаго самосознанія, который я у нея замѣтилъ. Я, напрімѣръ,

путемъ выписыванія изъ книжекъ и галиційскихъ журналовъ различныхъ выраженій и оборотовъ книжной „интеллигентской“ украинской рѣчи достигъ того, что могъ говорить по-украински на публицистическія и политическія темы. Между тѣмъ среди петербургской украинской молодежи, говорившей между собой исключительно по-русски, я не замѣчалъ даже стремленія къ изученію литературнаго украинскаго языка. Въ политическихъ стремленіяхъ этой молодежи я не замѣчалъ ничего специфически-украинскаго. Для меня, патріота-демократа, воспитаннаго на польской романтической литературѣ и традиціяхъ 1863 г., украинское движеніе было чѣмъ-то чрезвычайно блѣднымъ и лишеннымъ политической фізіономіи. Драгомановщина съ ея „Вільною Спілкою“ была для меня симпатична, но казалась слишкомъ космополитической, слишкомъ мало украинской въ національномъ отношеніи. Я чувствовалъ въ себѣ нѣкотораго рода раздвоеніе симпатій. Какъ для демократа, склоняющагося къ социализму, для меня самой симпатичной группой были драгомановцы и „Народ“, который я получалъ въ Петербургѣ. Съ другой стороны, я относился съ сочувствіемъ и къ дѣятельности А. Конисскаго, какъ носящей ярко выраженный національный характеръ, хотя его шашни съ галиційскими аристократическими и клерикальными кругами были мнѣ противны. Въ первой же своей статьѣ объ украинскихъ дѣлахъ „Политическія стремленія галицкихъ русинъ“ („Русск. Бог.“ 1893 г.) я выступилъ какъ сторонникъ радикаловъ, съ которыми и сблизился, пріѣхавъ въ томъ же году во Львовъ, въ университетъ. Съ тѣхъ поръ я внимательно слѣжу за украинскимъ движеніемъ, спеціально за его политической фізіономіей и, по мѣрѣ возможности, знакомясь съ ней польскую и, до извѣстной степени, русскую публику. При этомъ моя позиція совпадаетъ съ программной позиціей той партіи (П. П. С.), съ которой я солидаренъ.

2. Признаете ли вы наличность отличительныхъ особенностей, которыя выдѣляютъ украинцевъ изъ среды другихъ славянскихъ народовъ и, въ частности, отличаютъ ихъ отъ „державной народности“—великороссовъ; въ чемъ

вы эти особенности усматриваете и являются ли онѣ, по вашему мнѣнію, существенными?

Какъ полякъ, я не могъ относиться къ украинцамъ иначе, какъ къ совершенно самостоятельной славянской національности, потому что этотъ взглядъ является въ польскомъ обществѣ общепринятымъ. И поэтому доказательства филологическаго и этнографическаго характера, приводимыя для подтвержденія этого взгляда украинскими публицистами, казались мнѣ лично совершенно излишними. Въ отличіи украинцевъ отъ великороссовъ я какъ нельзя лучше убѣдился во Львовѣ, обучая галичанъ-украинцевъ русскому языку, который они усваивали (произношеніе, акцентація) съ такимъ же трудомъ, какъ и другіе славяне. Въ искусственности „общерусскости“ я тоже убѣдился въ Галиціи, встрѣчаясь на каждомъ шагу съ украинцами, которыхъ такъ же трудно было отличить отъ коренныхъ поляковъ, какъ обрусѣвшихъ черниговцевъ или харьковцевъ отъ великороссовъ. Желая встать на точку зрѣнія, что украинцы и великороссы „одинъ народъ“, я долженъ былъ бы признать, что галицкіе украинцы тоже „одинъ народъ“ съ поляками, какъ это и полагали наши, польскіе, Струве лѣтъ 40—50 тому назадъ. Въ результатѣ получилось бы: украинцы=великороссамъ; украинцы=полякамъ; слѣдовательно, великороссы=полякамъ.

3. Какъ относитесь вы къ вопросу объ ассимиляціи украинскаго народа: признаете ли вы желательнымъ поглощеніе и исчезновеніе его, какъ національнаго коллектива, или, напротивъ, являетесь сторонникомъ дальнѣйшаго развитія его національныхъ чертъ? Если вы сторонникъ такого развитія, то почему, и какимъ, по вашему мнѣнію, путемъ должно это развитіе итти? Если—противникъ, то почему? Какой и для кого въ этомъ развитіи усматриваете вы вредъ?

Исходя изъ того положенія, что украинцы составляютъ такую же самостоятельную національность, какъ и всякая другая, полагаю, что и они должны пойти въ своемъ развитіи по тому пути, по какому идетъ всякая крупная національность—отъ культурнаго укрѣпленія всѣхъ своихъ оригинальныхъ чертъ, путемъ воплощенія ихъ въ общеевропейскую

форму, къ самостоятельности. Ассимиляцію считаю вредной для украинскаго народа, такъ какъ она отрываетъ отъ родной почвы самыя цѣнныя силы націи — ея интеллигенцію и интеллигентнѣйшія сферы народныхъ массъ. Ассимиляція же послѣднихъ цѣликомъ (за крайне незначительными исключеніями) невозможна даже у менѣ крупныхъ національностей. Не отрицаю, что для русской культуры ассимиляція украинцевъ была бы полезна, но съ этимъ украинцы считаются не могутъ. Для нихъ интересъ собственнаго народа и родной культуры *suprema lex esto*.

4. Отдѣляете ли вы національно-политическое развитіе украинскаго народа отъ его культурнаго развитія; считаете ли вы возможнымъ для украинскихъ народныхъ массъ достиженіе высокаго культурнаго уровня при ихъ полной денационализациі?

По-моему, культурное развитіе народа органически связано съ его національно-политическимъ развитіемъ. Одно безъ другого немислимо. Повышеніе культурнаго уровня массы ведетъ къ ея націонализациі, которая въ свою очередь выдвинетъ чисто политическія стремленія на національной почвѣ. Такъ было у всѣхъ безъ исключенія „возрождающихся“ народностей, у которыхъ политическая катастрофа прервала нить нормальнаго развитія, лишивъ національной интеллигенціи. Если бы удалось денационализировать украинскія народныя массы (что невозможно), то онѣ бы превратились въ великорусскія (или польскія—въ Галиціи) и вошли бы въ кругъ органическаго вліянія русской (или польской) жизни. Тогда онѣ могли бы достигнуть такого же высокаго культурнаго уровня, какъ и коренные русскіе (или поляки). Но самая мысль о денационализациі народныхъ массъ, уже располагающихъ родной интеллигенціей, настолько утопична, что на ней, на средствахъ ея реализациі, прямо смѣшно останавливаться.

5. Какъ вы относитесь къ вопросу объ украинской школѣ; признаете ли вы украинскую народную школу необходимой; видите ли вы нужду въ созданіи другихъ типовъ національной школы вплоть до университетовъ?

Считая украинцевъ такой же націей, какъ и всякая другая, полагаю, что для нихъ необходима

родная школа, начиная съ народной и кончая всѣми высшими учебными заведеніями. Безъ совокупности школъ невозможно нормальное развитіе національной культуры.

6. Каковъ вашъ взглядъ на употребленіе родного языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви?

Языкъ мѣстнаго населенія повсюду долженъ господствовать.

7. Знакомы ли вы съ современною украинскою литературой и, въ частности, съ періодическою печатью, и если знакомы, то какое значеніе вы имъ придаете?

Съ современной литературой и, въ частности, съ періодической печатью болѣе или менѣе знакомъ. Въ теперешней стадіи развитія украинскаго движенія ихъ главная роль состоитъ, по-моему, въ распространеніи среди массъ и въ пробужденіи среди интеллигенціи національнаго самосознанія. Къ сожалѣнію, ни украинская литература, ни печать не могутъ еще обслуживать всю совокупность запросовъ украинской жизни, и поэтому роль русской литературы и печати среди украинской публики еще ненормально велика. Но эта роль мало-по-малу будетъ незамѣтно уменьшаться (аналогія—Галиція и польская литература у тамошнихъ украинцевъ), поскольку, конечно, Россія не вернется къ режиму 1876—1904 гг.

8. Извѣстна ли вамъ дѣятельность украинскихъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ обществъ (какихъ именно?) и какое значеніе придаете вы этой дѣятельности?

Чрезвычайно важна роль такихъ обществъ, которыя превращаютъ простонародную украинскую рѣчь („для домашняго обихода“) въ орудіе высшей „интеллигентской“ культуры. Поэтому дѣятельность „Научоваго Товариства“ въ Кіевѣ является (рядомъ съ печатью) самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ новѣйшей стадіи развитія украинскаго движенія. Значеніе обществъ типа „Просвіт“ меньше.

9. Какое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ украинскаго національнаго движенія въ Россіи можетъ имѣть ходъ этого движенія въ австрійской Украинѣ и относительно свободныя условія, въ какихъ оно тамъ находится?

Галиція въ теченіе долгаго времени будетъ лабо-

раторіей для выработки украинской культуры „высшаго“ типа, оплотомъ для всего того, что невозможно въ предѣлахъ Россіи, и блестящимъ аргументомъ въ пользу возможности вполне самостоятельнаго развитія украинской національности. Примѣръ галицкихъ украинцевъ—это самое цѣнное орудіе борьбы съ „общерусскими“ тенденціями. Основаніе въ Галиціи украинскаго университета ускорило бы и національное развитіе русскихъ украинцевъ на цѣлыя десятилѣтія.

10. Можетъ ли быть достигнута путемъ государственныхъ мѣропріятій денационализація украинскаго народа и какое въ этомъ отношеніи значеніе придаете вы внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія?

Денационализація украинскаго народа путемъ государственныхъ мѣропріятій недостижима. Можно, однако, при извѣстномъ режимѣ, сильно затормозить развитіе украинскаго движенія, свести его на уровень 80-хъ годовъ. Хотя и это, при условіи независимости Галиціи отъ Россіи, теперь уже едва ли такъ легко.

11. Какіе результаты приносили до сихъ поръ и какихъ можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ отъ мѣръ воздѣйствія, направленныхъ къ денационализаціи украинскаго народа, въ видѣ: а) административныхъ мѣропріятій; б) вліянія общественныхъ организацій націоналистическаго (правильнѣе—„панруссистскаго“) характера и в) непріязненнаго отношенія къ національному украинскому движенію со стороны русскаго общества вообще (печать, интеллигенція)?

Мѣры воздѣйствія могутъ уничтожить (или, вѣрнѣе, прервать) національное движеніе только въ первоначальной стадіи его развитія, которая уже пройдена русскими украинцами. На высшихъ стадіяхъ „мѣры воздѣйствія“ вызываютъ противодѣйствіе и приводятъ къ усиленію національныхъ стремленій, сообщая имъ болѣе рѣзкій, фанатическій характеръ.

12. Усматриваете ли вы достаточныя основанія для высказываемыхъ иногда въ украинской печати по адресу представителей прогрессивнаго русскаго общества и прогрессивной русской печати обвиненій: а) въ равнодушномъ; б) въ пренебрежительномъ и г) въ непріязненномъ отно-

шеніи къ украинскимъ національнымъ интересамъ? Если такое отношеніе (какое именно?) дѣйствительно существуетъ, то какъ оно значительно, въ какихъ именно кругахъ наблюдается и въ чемъ находить свое объясненіе?

Какъ не русскій, не считаю возможнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

13. Каковы должны быть, на вашъ взглядъ, ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи?

Пока украинская интеллигенція не выйдетъ изъ тѣснаго круга чисто культурной работы и не выставитъ опредѣленныхъ партій, самостоятельно дѣйствующихъ на территоріи Украины, украинское движеніе не перестанетъ быть *quantité negligeable*. Выступленіе украинцевъ въ видѣ самостоятельныхъ организацій въ земствахъ, муниципалитетахъ и въ Думѣ, съ одной стороны, придастъ вѣсь ихъ голосу въ россійской политической жизни, заставитъ русскія партіи опредѣленно высказаться по украинскому вопросу, а съ другой—облегчитъ чисто культурную работу, такъ какъ отвлечетъ отъ нея постороннее непріязненное вниманіе.

14. Усматриваете ли вы въ существующихъ теченіяхъ общественно-политической мысли на Украинѣ тенденціи сепаратизма, „мазепинства“ и т. д.? Если, по вашему мнѣнію, такія теченія существуютъ, то въ чемъ они выражаются и откуда почерпнуты вами свѣдѣнія о нихъ?

Не усматриваю, и отсутствіе среди украинцевъ теченія съ ярко выраженными сепаратистскими тенденціями считаю одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ украинцевъ.

15. Какія формы отношеній со стороны государства и русскаго общества къ Украинѣ представляются вамъ наиболѣе нормальными, справедливыми и желательными въ интересахъ Россіи, какъ цѣлаго, и Украины, какъ части?

Какъ не русскій, не считаю возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Leon Wasilewski.

Краковъ 17. V. 1912.

Таковы сужденія объ украинскомъ вопросѣ представителя лѣваго крыла польской интеллигенціи, однимъ изъ первыхъ откликнувшася на нашу анкету. Въ его отвѣтѣ

мы слышимъ голосъ истиннаго демократизма, свободнаго отъ доктринерскихъ предразсудковъ и національнаго эгоизма.

Можно было бы упрекнуть г. Василевскаго въ томъ, что онъ не считается съ историческою стороною украинскаго движенія и съ реальнымъ соотношеніемъ силъ въ современной Россіи. Однако, подобный упрекъ едва ли останется въ силѣ, если принять во вниманіе, что г. Василевскій предлагаетъ нашему вниманію не публицистическую статью о нынѣшнихъ украинскихъ требованіяхъ и нуждахъ, а излагаетъ свои программные взгляды на украинство, опредѣляетъ желательный и возможный, по его мнѣнію, максимумъ, вытекающій изъ самой природы вещей въ ихъ естественномъ развитіи.

И такъ какъ авторъ отвѣта говоритъ, что его позиція по отношенію къ украинскому вопросу является не индивидуальной, а совпадаетъ съ программной позиціей той партіи, съ которою онъ солидаренъ, то приведенныя сужденія приобращаютъ для насъ сугубый интересъ.

Будемъ надѣяться, что оглашеніе отвѣта г. Василевскаго-Плохоцкаго побудитъ и гг. русскихъ публицистовъ отозваться на нашу анкету; параллельно же, слѣдуя мысли, высказанной въ письмѣ къ намъ уважаемаго польскаго публициста, мы имѣемъ въ виду предпринять особую анкету въ средѣ польской интеллигенціи по вопросу о польскихъ отношеніяхъ.

Ал. Саликовскій.

На текущія темы.

О свѣтѣ и гасителяхъ.—Трезвые практики и крѣпкіе лбы.—Новые опыты на старыхъ основаніяхъ.—Изъ одной анкеты, или о неожиданныхъ путяхъ.—Чужая литература, чужбина и преслѣдованія какъ источники самосознанія.

„Да будетъ свѣтъ!“—этимъ библейскимъ восклицаніемъ закончилъ свое „изслѣдованіе“ не кто иной, какъ г. Щеголевъ, тотъ самый г. Щеголевъ, о доносително-фальсификаторскихъ подвигахъ котораго шла рѣчь у насъ прошлый разъ. Точно такъ же заканчивали,—если не буквально, то по смыслу,—и правые ораторы въ Государственной Думѣ, отрицая за украинскимъ населеніемъ право учиться на родномъ языкѣ. То же восклицаніе неоднократно раздавалось и подъ сводами Маріинскаго дворца на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, когда почтенные совѣтскіе старцы окончательно, по ихъ мнѣнію, хоронили украинскую (а за компанію и бѣлорусскую) школу. „Да будетъ свѣтъ“, „Да здравствуетъ свѣтъ, да скроется тьма“, „Свѣта больше“,—однимъ словомъ, просвѣтительныя пожеланія раздаются со всѣхъ сторонъ, перекрещиваясь въ воздухѣ болѣе или менѣе эффектными восклицаніями. Такъ и хочется сказать, пародируя извѣстное изреченіе: слишкомъ много свѣта...

Собственно говоря, много лишь разговоровъ о свѣтѣ, и вовсе нѣтъ основаній опасаться, что свѣтъ, на примѣръ, г. Щеголева или думскихъ и совѣтскихъ законодателей въ состояніи ослѣпить кого-нибудь своимъ чрезмѣрнымъ сіяніемъ. Дѣло въ томъ, что непосредственно послѣ болѣе или менѣе эффектныхъ возгласовъ господа, такъ неусыпно заботящіеся о свѣтѣ, изо всѣхъ силъ стараются привернуть и ту копилку, которая еле-еле освѣщаетъ нашу жизнь. Говоря о свѣтѣ, они тоже находятъ, что въ сущности его слишкомъ много и что не мѣшаетъ поэтому прикрыть даже тѣ источники слабаго мерцанія, тѣ небольшіе огоньки, благодаря которымъ мы не погрузились еще окончательно въ полосу безпросвѣтной тьмы. Эту послѣднюю они собственно и разумѣютъ, провозглашая безпрерывно о своей любви къ свѣту и обосновывая ее всѣми

поучительными изреченіями, заимствованными изъ такого почтеннаго и сверхъ-благонадежнаго источника, какъ прописи. Къ тѣмъ устремлены всѣ ихъ тайные помыслы и пылкія мечтанія, къ ней же направленъ весь жаръ сердца и пылъ патриотической души.

Возьмемъ, на примѣръ, г. Щеголева, который съ такой дрожью въ голосъ „о честности высокой говоритъ“,—увы!—совершая при этомъ подлоги и прочія даже съ точки зрѣнія прописей предосудительныя дѣянія. Вотъ онъ эффектно возглашаетъ: „Да будетъ свѣтъ!“—и одновременно предлагаетъ законодательнымъ учрежденіямъ заняться вопросомъ о „признаніи украинскаго искусственнаго (!) языка и партикулярнаго правописанія за факторы, угрожающіе государственнымъ и народнымъ интересамъ“¹⁾. т.-е., попросту говоря, законодательнымъ путемъ прекратить тотъ дѣйствительный источникъ свѣта, какимъ для украинскаго населенія является украинская книга. Какое, собственно говоря, дѣло г. Щеголеву до свѣта и просвѣщенія и что за странная блажь пришла ему въ голову говорить о нихъ? Возьмемъ еще такого тоже весьма почтеннаго гасителя, какъ г. Пихно. Тоже вѣдь распинается человекъ за свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе „о признаніи государственнымъ порядкомъ, что языки малорусскій и бѣлорусскій не существуютъ“²⁾. Возьмемъ не менѣе почтенное собраніе гасителей изъ „Новаго Времени“: по части просвѣтительныхъ возгласовъ едва ли кому уступить эта юркая газета, но вдругъ начинаетъ отчитывать своихъ друзей-чеховъ, которые въ недавно изданномъ сборникѣ „Славянство“ отвели извѣстное мѣсто и украинцамъ, „хотя, какъ это было условлено на пражскомъ съѣздѣ, никакаго украинскаго народа, какъ отдѣльной славянской націи, не существуетъ“³⁾. Болѣе или менѣе пышные возгласы о свѣтѣ и совершенно откровенныя дѣянія гасительнаго характера прекрасно уживаются рядомъ, не возбуждая среди этихъ господъ даже капли сомнѣнія насчетъ такого противоестественнаго сожительства, не вызывая вполнѣ, казалось бы, естественнаго вопроса: „кое общеніе свѣту ко тѣмъ?“. Прежніе гасители были въ этомъ отно-

1) „Кіевлянинъ“, № 79.

2) „Биржевыя Вѣдомости“ отъ 5-го апр.

3) „Новое Время“, № 12978.

шені много цѣльнѣе и непосредственнѣе. Какой-нибудь Магницкій дѣйствовалъ открыто и не стѣсняясь, не обременивая своей темной совѣсти ненужными и въ смыслѣ цѣльности даже вредными придатками. Нынѣшніе Магницкіе, не уступая своему первообразу во враждѣ и ненависти къ просвѣщенію, стремятся тѣмъ не менѣе напаять на себя личину нѣкотораго благородства,—правда, носящаго очевидный ноздревскій оттѣнокъ. Тотъ же, напримѣръ, г. Щеголевъ въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи додумался до весьма любопытнаго положенія о реакціонности украинскихъ стремленій въ дѣлѣ націонализаціи школы. „Проникновеніе въ села продуктивной, житейской (?) русской грамотности и конкурирующей съ ней маргариновой грамотности украинской даетъ въ итогѣ замедленіе роста обѣихъ, вялый ходъ культуры, отсталость экономическую“¹⁾,—вотъ какъ сокрушается этотъ гаситель по поводу „замедленія „роста обѣихъ“ (!!) грамотностей. Зачѣмъ же, когда для цѣлей почтеннаго чиновника цензурнаго вѣдомства достаточно было бы просто направить указующій перстъ съ присовокупленіемъ болѣе или менѣе выразительнаго междометія? Не возбуждающій сомнѣній реакціонеръ и гаситель, онъ какъ бы собственной фізіономіи стыдится и пытается подъ шумокъ просвѣтительныхъ возгласовъ снабдить ея своихъ антагонистовъ: авось, недогадливый читатель не разберетъ, „правая, лѣвая гдѣ сторона“. Плохи, видно, дѣла реакціонеровъ, если они могутъ возлагать какія-либо надежды на этотъ наивный маневръ...

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ теоретическими приѣмами этихъ рыцарей мрачнаго образа: теорія всегда была ихъ Ахилъ лѣсовой пятой. Но удивительнѣе всего, что эти трезвые практики, эти настоящіе „реалисты“, прекрасно учитывающіе карьерныя возможности, еще слабѣе оказываются въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ и пожеланіяхъ. Практическія ихъ мѣропріятія, вся программа ихъ дѣйствій исчерпывается, какъ извѣстно, краткой, но внушительной формулой „тащить и не пущать“. Казалось бы, формула настолько несложная, что даже самый несообразительный человѣкъ легко можетъ предвидѣть, какіе результаты въ томъ или иномъ случаѣ получатся отъ ея примѣненія. Кромѣ того, она такъ часто и съ такой настойчивостью

| 1) „Кіевлянинъ“, № 79.

примѣнялась, что результаты эти у всѣхъ предъ глазами, не требуя, такимъ образомъ, даже минимальной дозы для ихъ угадыванія. И тѣмъ не менѣе, наши трезвые практики упорно продолжаютъ стучать лбомъ объ стѣну, не замѣчая, что на этомъ мѣстѣ уже болѣе крѣпкіе лбы потерпѣли постыдное крушеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Щеголевъ, въ качествѣ партикулярнаго человѣка, предлагаетъ законодательнымъ путемъ объявить украинскую литературу внѣ закона, а г. Пихно, въ качествѣ законодателя, пытаюсь воспользоваться этимъ благимъ совѣтомъ, идетъ еще далѣе и вноситъ поправку „о признаніи законодательнымъ порядкомъ, что языки мало-русскій и бѣлорусскій не существуютъ“. Предположимъ, что эти вздорныя положенія удалось воплотить въ соотвѣтственномъ законопроектѣ и министропослушныя палаты поспѣшили этотъ законопроектъ принять. Ну, а дальше-то что? Вѣдь совершенно ясно, что подобный законъ останется пустымъ звукомъ и рѣшительно ничего не въ состояніи будетъ измѣнить въ дѣйствительности: опальные языки, конфискованные хотя бы и въ законодательномъ порядкѣ, отъ этого вѣдь существовать не перестанутъ. Остается, слѣдовательно, совершенно бессмысленное покушеніе, которое не мѣняетъ своей сущности отъ той или иной формы. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ почти въ законодательномъ порядкѣ это и было уже испробовано. Министръ Валуевъ, какъ извѣстно, въ 1863 г. спеціальнымъ циркуляромъ весьма категорически объявилъ, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, а между тѣмъ нынѣ о томъ же приходится хлопотать гг. Щеголеву съ Пихной, а „Новому Времени“ горько жаловаться на коварныхъ чеховъ: „условлено“, дескать, считать украинцевъ какъ бы несуществующими, и вдругъ они все-таки существуютъ... Какъ хотите, а это болѣе чѣмъ наивность, не въ особенно выгодномъ свѣтѣ представляющая мыслительный аппаратъ нашихъ трезвыхъ практиковъ. Почему они увѣрены, что у нихъ лбы окажутся покрѣпче, чѣмъ у Валуева, и пробьютъ, наконецъ, явно несокрушимую стѣну жизненныхъ условій,— я рѣшительно не понимаю. Вижу только, какъ усердно работаютъ люди лбами и готовъ даже пожелать имъ всяческаго успѣха въ полной увѣренности, что въ концѣ-концовъ, кромѣ еще нѣсколькихъ разбитыхъ лбовъ, ничего не получится...

Правда, г. Щеголевъ, повидимому, склоненъ поми-

ряться на меньшемъ, чѣмъ его старшій товарищъ, облеченный частичкой законодательной власти. Г. Щеголевъ предлагаетъ не языки упразднить въ законодательномъ порядкѣ, а всего лишь литературу и правописаніе. Предложеніе на первый взглядъ болѣе практическое, ибо здѣсь приходится имѣть дѣло уже не съ жизненной, и потому непреоборимой, стихіей, а съ нѣкоторой сознательной дѣятельностью сравнительно небольшого числа людей, воздѣйствовать на которое какъ-будто несравненно легче. Что же,—можно попробовать и законодательнымъ путемъ создать тѣ или иныя ограниченія для украинской литературы. Впрочемъ, и это было уже испробовано, и притомъ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, съ такимъ истинно-русскимъ размахомъ, что и г. Щеголевъ остался бы вполне доволенъ. Извѣстный майскій указъ 1876 года воспретилъ въ Россіи всю украинскую литературу, за исключеніемъ беллетристики (на практикѣ и она оказалась впоследствии въ значительной степени запрещенной), воспретилъ театръ, воспретилъ даже тексты подъ нотами. Дальше, кажется, некуда было идти. И вотъ г. Щеголеву опять приходится мечтать о томъ, какъ бы вновь продѣлать тотъ же сокрушительный опытъ, можетъ быть, даже въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ это удалось въ 1876 г. Юзефовичу. И опять непонятно, почему г. Щеголевъ надѣется достигнуть того, что оказалось не подъ силу его предшественнику, и почему онъ имѣетъ репутацію трезваго практика?

Не трудитесь продѣлывать свой опытъ, г. Щеголевъ,—лучше ограничьтесь наблюденіями на своемъ служебномъ посту. Ибо окончательное развитіе украинской литературы и ея неотъемлемыя завоеванія, упроченіе ея положенія и вліянія произошли именно въ то время, когда дѣйствоваль столь любезный сердцу г. Щеголева „законъ“ 1876 года. Украинская литература въ 1876 г. и она же въ 1906 г., когда пало позорное созданіе Юзефовича, представляетъ такую огромную разницу въ сторону развитія и прогресса, которсй совершенно невозможно не замѣтить. При появленіи акта 1876 г. это былъ едва замѣтный ручеекъ, робко пролагавшій дорогу среди препятствій; въ концѣ его дѣйствія украинская литература превратилась уже въ сильный потокъ, который самъ справляется съ камнями, набросанными вражескими руками на его пути. Цѣлый

рядъ талантливыхъ писателей окончательно развернуть свои силы именно въ этотъ періодъ 30-лѣтняго плѣненія украинской литературы; поколѣніе за поколѣніемъ выставяло новыхъ дѣятелей, и ихъ неустанной работой запретительный актъ былъ аннулированъ задолго до его издыханія, такъ что являлся въ сущности разложившимся трупомъ. Г. Щеголеву угодно повторить опытъ, гальванизировавъ похороненный трупъ?—Пожалуйста! Опять съ легкимъ сердцемъ могу пожелать ему со товарищи успѣха въ этихъ трупныхъ операціяхъ, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ полной его невозможности, не говоря уже о томъ, что теперь даже повторить бессмысленную затѣю Юзефовича много и много труднѣе стало, а шансы на успѣхъ еще меньше. А извѣстно ли, господамъ гонителямъ, почему это? Да потому, что литература, какъ вдохновенно говорилъ великій сатирикъ, никогда не умираетъ... „Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ,—одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебимою. Одна литература изъята отъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи челоуѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ“ (Щедринъ, „Круглый годъ“). Что осталось теперь отъ Юзефовича, кромѣ позорной памяти, какъ о сикофантѣ и предателѣ, и что случилось съ той литературой, которую онъ собирался забодать? Не наслѣдникамъ Юзефовича, а современнымъ сикофантамъ, я предлагаю этотъ вопросъ, такъ какъ убѣжденъ въ ихъ полной безнадежности и невосприимчивости къ какимъ бы то ни было вопросамъ. Пусть поэтому дѣлаютъ они свое дѣло, сохраняя иллюзіи насчетъ твердокаменной крѣпости своихъ лбовъ, пусть повторяютъ свои опыты. При всей болѣзненности этихъ опытовъ для живого организма литературы они лишены средствъ убить ее, ибо нѣтъ такихъ средствъ и не можетъ быть въ распоряженіи челоуѣка. Здѣсь также дѣйствуетъ стихійная непреоборимая сила съ ея желѣзнымъ закономъ развитія, о который разбиваютъ свои лбы всѣ эти законодательствующіе пиг-

меи, воображающіе, что они являются дѣйствительными законодателями. Ну, и пусть ихъ разбиваютъ, если существуетъ такое дикое желаніе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ успѣхъ имъ вполне обезпеченъ, и позорныхъ столбовъ для нихъ съ избыткомъ хватить и послѣ Юзефовича...

Какъ видимъ, трезвые практики оказываются въ сущности чистѣйшей воды мечтателями, вопреки дѣйствительности хватающимися за завѣдомо негодныя средства, рѣшающимися на бессмысленные поступки, заранѣе обреченныя на неуспѣхъ. Мало того,—своими собственными неудачами, даже своими откровенными дѣйствіями, своей ненавистью они лишь способствуютъ торжеству того дѣла, которое такъ ненавидятъ и такъ усиливаются погубить. Дѣло, имѣющее корни въ самой жизни, для своего укрѣпленія пользуется даже такими средствами, которыя направлены во вредъ ему, и невозможно и представить себѣ всѣ тѣ пути, которыми проходитъ къ украинскому народу національное самосознаніе.

Недавно была произведена небольшая анкета среди политическихъ ссыльныхъ — украинцевъ, данныя которой затѣмъ опубликованы въ „Рада“. Между прочимъ анкета предлагала вопросъ объ обстоятельствахъ, зародившихъ національное самосознаніе среди опрашиваемыхъ лицъ. Отвѣты на этотъ вопросъ получились во многихъ случаяхъ вполне неожиданные для лицъ, возлагающихъ надежды на ассимилированіе украинцевъ, въ особенности путемъ нападокъ на украинское движеніе и репрессивныхъ мѣропріятій. Нѣскольکو лицъ, на примѣръ, пришли къ національному самосознанію подъ вліяніемъ великорусской литературы; другимъ на ихъ національное положеніе открылъ глаза переѣздъ изъ деревни въ городъ; наконецъ, одинъ крестьянинъ прямо заявляетъ, что первое зерно національнаго самосознанія было заложено въ его душу въ начальной школѣ учителемъ, „который издѣвался надъ мужичьимъ языкомъ“ ¹⁾. И несомнѣнно, что такіе результаты издѣвательствъ и преслѣдованій не ограничиваются единичными случаями, и упомянутый крестьянинъ не представляетъ собой исключительнаго явленія.

И это вполне естественно, какъ естественны и случаи, когда національное самосознаніе возбуждается чужой ли-

¹⁾ П. Чижевскій, Засланці-українці. „Рада“, 1911, № 289.

тературой или переѣздомъ даннаго лица въ совершенно чужую среду. Обрусители всевозможныхъ оттѣнковъ большія надежды въ смыслѣ ассимиляціи украинскаго населенія возлагаютъ на распространеніе русской грамотности, русской школы, даже на вліяніе солдатчины, отхожихъ заработковъ и т. п. Несомнѣнно, что все это дѣйствуетъ денационализирующимъ образомъ, но далеко не всегда. Всѣ сознательные украинцы по необходимости воспитывались въ русской школѣ, ибо иной у насъ нѣтъ; всѣ въ значительной степени обязаны своимъ развитіемъ русской литературѣ,—однако и въ ней находили они то, что заставляло ихъ задумываться надъ тѣмъ же вопросомъ, который такъ рѣзко поставилъ когда-то Шевченко: „кто ми, чіи сини, якихъ батьків, ким, за що закуті?“ Извѣстенъ, напр., тотъ опытъ, который съ такимъ успѣхомъ произведенъ былъ Драгомановымъ въ Галичинѣ для пробужденія украинскаго національнаго самосознанія среди украинскаго, но москвофильски настроеннаго студенчества 70-хъ годовъ. Драгомановъ усердно снабжалъ закордонныя библиотеки произведеніями лучшихъ русскихъ писателей, убѣждалъ своихъ читателей и слушателей знакомиться съ подлинной Россіей,—въ томъ совершенно правильномъ разчетѣ, что ничто такъ не открываетъ глаза, какъ освѣдомленность объ истинномъ положеніи дѣлъ, что великорусская литература, своимъ гуманизмомъ и демократизмомъ, пробуждая лучшія стороны человѣческаго сознанія, прикрѣпитъ его къ мѣстной почвѣ, къ мѣстнымъ нуждамъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ послужитъ на пользу все того же украинскаго національнаго самосознанія. Дѣйствительность блестящимъ образомъ оправдала эти разсчеты. Достаточно отмѣтить, что среди учениковъ Драгоманова, своимъ украинствомъ обязанныхъ между прочимъ отчасти и великорусской литературѣ, стоитъ такая крупная во всѣхъ отношеніяхъ величина, какъ Иванъ Франко, не говоря уже о другихъ дѣятеляхъ украинскаго возрожденія въ Галичинѣ. То же, конечно, повторяется и у насъ,—можетъ быть, не такъ замѣтно, тѣмъ не менѣе постоянно и неуклонно.

Подобные результаты получаютъ зачастую и отъ другихъ, повидимому, обрусительныхъ условій. Выше отмѣченъ былъ случай, когда національное самосознаніе пробудилось подъ вліяніемъ переѣзда изъ села въ городъ,—опять-таки

это очень обычное явление въ нашей національной жизни. Чужая обстановка уже по контрасту возбуждаетъ дотолѣ дремавшіе вопросы, обычно заканчивающіеся прозрѣніемъ въ національномъ смыслѣ. Всякій, кто проживаетъ на чужбинѣ, несомнѣнно, острѣе испытываетъ чувство оторванности и одиночества, глубже чувствуетъ свою связь съ родной обстановкой, несомнѣнно, отзывчивѣе реагируетъ на все, что такъ или иначе напоминаетъ объ этой связи, восстанавливаетъ и укрѣпляетъ ее. Тоска по родинѣ, этотъ ужасный бичъ изгнанниковъ, вѣдь недаромъ является обычнымъ удѣломъ многихъ лицъ, по тѣмъ или инымъ условіямъ принужденныхъ жить вдали отъ родины,—и она, эта тоска, является могучимъ стимуломъ въ дѣлѣ пробужденія тѣхъ интимныхъ, родственныхъ связей съ родиной, которая даже не замѣчались, пока человекъ жилъ въ родной обстановкѣ, но которыя, разъ появившись, приводятъ обычно къ національному самосознанію. Упомянутая уже анкета и другіе попадавшіе въ печать матеріалы даютъ въ этомъ смыслѣ драгоцѣнныя указанія. Вотъ, напр., письмо одного изъ ссыльныхъ, опубликованное на столбцахъ „Рады“.

Дорогіе земляки! не удивляйтесь моему не совсѣмъ складному и правильному языку ¹⁾. Я, видите ли, одинъ изъ тѣхъ, которые получили образованіе въ русской школѣ, а затѣмъ былъ оторванъ отъ родины и работалъ на чужбинѣ. Уже на каторгѣ, заинтересовавшись національнымъ вопросомъ, я случайно прочелъ взятую изъ тюремной библиотеки книжку проф. М. Грушевскаго „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“ и только тогда понялъ свой долгъ. Тогда у насъ было свободнѣе, и я имѣлъ возможность познакомиться съ украинскимъ языкомъ, такъ какъ до этого времени я не зналъ его вовсе... Наши украинцы охотно читаютъ украинскія книги, которыхъ имѣемъ въ библиотекъ больше сотни, и въ тюремномъ каталогѣ онѣ выдѣлены въ особый „украинскій отдѣлъ“ ²⁾.

Такихъ откликовъ изъ далекой чужбины, отъ вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ, можно бы привести очень много. Эта среда выставила даже своего пѣвца, безвременно скончавшагося Грабовскаго, который къ украинскому вопросу вплотную подошелъ уже въ ссылкѣ и вполне самостоятельно, путемъ упорнаго труда, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ достигъ все-таки высшей точки національнаго самосознанія.

¹⁾ Письмо написано по-украински.

²⁾ „Рада“, 1908, № 273.

Ту же роль возбuditеля интереса къ украинству играютъ во многихъ случаяхъ и правительственныя репрессіи и тѣ нападки на украинское движеніе, которыми полны теперь реакціонныя и, къ сожалѣнію, нѣкоторыя прогрессивныя изданія. Наши враги, очевидно, и не предполагаютъ, какую услугу, въ сущности, оказываютъ они нашему дѣлу какъ не предполагаютъ этого и творцы всевозможныхъ репрессивныхъ мѣропріятій, какъ изъ рога изобилія сыплющихся на украинское движеніе. Приведенный выше примѣръ крестьянина, нашедшаго источникъ національнаго самосознанія въ насмѣшкахъ учителя, слишкомъ краснорѣчивъ и, въ качествѣ типическаго, заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Онъ показываетъ всю безпомощность гасительныхъ мѣропріятій, всю бесплодность и безнадежность предпринимаемаго гасителями уничтоженія живого національнаго организма. Они могутъ клеветать на украинское движеніе, могутъ донимать его репрессіями, вопить о запрещеніи его проявленій, издѣваться, уславливаться о томъ, что его вовсе не существуетъ,—все это въ концѣ-концовъ разбивается и рушится при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Мало того,—своимъ безсильнымъ гнѣвомъ гасители очень часто, противъ собственной воли служатъ тому огоньку, который такъ желали бы за плевать и затоптать ногами. Немало, я думаю, найдется сознательныхъ украинцевъ, для которыхъ первой искрой самосознанія послужили испытанныя ими за свою національность насмѣшки или преслѣдованія. Г. Пихно и не предполагаетъ, чему можетъ послужить даже его „Кіевлянинъ“, уже десятилѣтіями клевещущій на украинское движеніе и требующій для него все новыхъ и новыхъ скорпіоновъ. Въ этомъ кроется глубокой поучительный смыслъ всѣхъ освободительныхъ движеній, въ томъ числѣ и національныхъ, поскольку они охватываютъ угнетенныя народности и являются потому освободительными и прогрессивными по самой своей природѣ: даже враги ихъ зачастую работаютъ для нихъ.

Существованіе украинскаго народа есть непреложный жизненный фактъ, украинскон національное движеніе является выраженіемъ этого факта. Напрасны, поэтому, всѣ стремленія—и партикулярныя, и оффиціальныя, направленные какъ противъ факта, такъ и противъ его выраженія. И здравый смыслъ, и практика жизни, и историческіе

примѣры говорятъ совершенно опредѣленно за бесплодность и бессмысленность борьбы противъ нихъ. Возможно, конечно, временное затемненіе, возможенъ нѣкоторый преходящій вредъ отъ нападковъ, преслѣдованій и стѣсненій, какъ возможны призывы къ свѣту изъ устъ служителей тьмы. Но въ концѣ-концовъ этотъ вредъ является лишь незначительнымъ, легко преодолимымъ препятствіемъ на пути къ дѣйствительному свѣту, не руками сикофантовъ и ренегатовъ, цензоровъ и гасителей возжигаемому и поддерживаемому. Этотъ дѣйствительно лучезарный свѣтъ приходитъ совсѣмъ съ другой стороны и съ лицемѣрными возгласами обскурантныхъ фарисеевъ не имѣетъ ничего общаго.

С. Ефремовъ.

Обзоръ украинской жизни.

Предвыборныя настроенія въ украинствѣ. — Конецъ холмскаго вопроса. — Вопросъ объ языкѣ преподаванія. — Жертва польской школьной политики. — Вопросъ объ украинскомъ университетѣ во Львовѣ. — Скандалъ въ московскомъ лагерѣ.

Предстоящіе осенью выборы въ четвертую Гос. Думу ознаменуются, повидимому, опредѣленнымъ выступленіемъ на арену избирательной борьбы украинскаго элемента. Какъ мы знаемъ изъ сообщенія „Рѣчи“, совѣщаніемъ украинскихъ дѣятелей выработана платформа, опредѣляющая какъ программу-минимумъ украинскихъ прогрессистовъ, такъ и отношеніе ихъ къ другимъ прогрессивнымъ группамъ. Эта платформа предлагаетъ „стремиться къ соединенію мѣстныхъ прогрессивныхъ организацій—общеполитическихъ и національных—въ единый прогрессивный блокъ“; тамъ же, „гдѣ прогрессивныя организаціи, не согласятся признать украинскія требованія, изложенныя въ украинской избирательной платформѣ, украинцы должны выступать на выборахъ самостоятельно, независимо отъ шансовъ и возможныхъ результатовъ избирательной борьбы“.

Это вполне опредѣляетъ позицію прогрессивнаго украинства въ избирательной кампаніи, и *volens-nolens* другія прогрессивныя группы должны будутъ считаться съ украинской платформой. Отношеніе ихъ къ заявленнымъ въ ней требованіямъ, сведеннымъ, какъ видно изъ „Рѣчи“ (см. № 4, „Укр. Жизни“), къ минимуму, будетъ пробнымъ камнемъ для опредѣленія ихъ искренности въ украинскомъ вопросѣ. Для украинства же это выступленіе будетъ имѣть огромное значеніе еще и потому, что организуетъ его, заставляетъ сплотиться и дѣйствовать какъ опредѣленную общественную силу, а не оставаться гдѣ-то въ тѣни или въ хвостѣ за другими, какъ это было при предыдущихъ выборахъ, когда украинцы пошли за кадетами, не обусловивъ опредѣленными требованіями этого союза, и въ результатѣ не получили ничего.

Выступленіе украинцевъ съ опредѣленной платформой уже дало реальныя послѣдствія, дало возможность различить друзей и враговъ.

Едва ли не наиболѣе благопріятно выясняется положеніе дѣлъ въ Кіевѣ, гдѣ прогрессивныя группы признали украинскія требованія обязательными не только въ силу заключеннаго соглашенія, но и по существу. Здѣсь, можно уже говорить о блокѣ украинцевъ съ другими прогрессивными элементами. Кандидатами намѣчаются лица, занимающія по отношенію къ украинству вполне опредѣленную позицію.

Къ сожалѣнію, далеко не такъ благопріятно, насколько возможно судить, положеніе въ другихъ пунктахъ Украины. Такъ, въ Одессѣ весьма благосклонный къ кадетамъ „Одесскій Листокъ“ относится съ осужденіемъ къ выставленію украинскаго кандидата по г. Одессѣ. Еще въ № 67 „Од. Л.“ была напечатана статья г. Новаго, который находилъ „несвоевременнымъ“ „выдвигать остро-національный вопросъ“, пугая, по кадетскому обычаю, черносотенной опасностью. И теперь, повидимому, положеніе дѣлъ не измѣнилось. Въ № 102 той же газеты украинскій кандидатъ по Одессѣ д-ръ Луценко выступилъ съ письмомъ, въ которомъ подвергаетъ критикѣ тактику кадетовъ по отношенію къ украинцамъ и такъ формулируетъ задачи украинства:

„Наши желанія и наша позиція совершенно просты. Ни о какомъ сепаратизмѣ мы, конечно, не думаемъ. Да это и бессмысленно. Если девять южныхъ губерній населены довольно компактной украинской массой, отъ 70 до 95 проц., то остальная Россія—отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ Балтійскаго моря до Великаго океана—пропитана, и мѣстами довольно густо, украинскими колоніями. Не отдѣлять же намъ всю Россію, гдѣ мы все-таки составляемъ лишь одну пятую часть всего населенія! Агрессивностью же, въ чемъ насъ обвиняють, мы, украинцы, никогда не грѣшили. И куда же намъ присоединяться? Къ крошечной Галиціи?“ Но въ то же время,—продолжаетъ г. Луценко—„мы, украинцы, не желаемъ сидѣть въ резервѣ, поручая свои интересы какимъ-то неопредѣленнымъ „не-инородцамъ“, какъ предлагаютъ намъ общероссы, воображая только себя солью земли русской. Мы желаемъ плечо къ плечу съ другими народами работать надъ дальнѣйшимъ развитіемъ нашей обновленной общей

родины. Что нужно для всей Россіи, мы, представители отдѣльныхъ російскихъ національностей, знаемъ не хуже васъ общеросовъ; вы же, что нужно народу, его широкимъ, а по-вашему узко-національнымъ массамъ, не знаете и не интересуетесь знать. Вы—люди футляра, люди формулы, а не жизни! И потому намъ, мѣстнымъ народнымъ націоналистамъ, легче столкнуться между собою, но трудно столкнуться съ вами“.

Возражая г. Луценко, г. Новый отмѣчаетъ два теченія среди одесскихъ украинцевъ. Одно, стоящее за самостоятельное выступленіе въ избирательной кампаніи, онъ считаетъ созданіемъ націоналистовъ-фанатиковъ; другое, идущее на компромиссы, приписываетъ „національно-настроеннымъ“ украинцамъ. Симпатіи его, конечно, всецѣло на сторонѣ послѣднихъ, ибо, какъ замѣчаетъ онъ, „съ національно настроенными украинцами прогрессистамъ сговариваться легче, чѣмъ съ узкими націоналистами“.

Но если въ Одессѣ кадеты выражаютъ желаніе столкнуться хотя бы съ „національно настроенными“ украинцами, то „на Лѣвобережьѣ и въ Слободской Украйнѣ,—какъ сообщаетъ „Сніп“ (№ 18),—кадеты уже проявили свою непримиримую по отношенію къ украинцамъ позицію: ни въ какія соглашенія съ украинцами они вступать не желаютъ, потому что, по ихъ мнѣнію, украинцы и такъ должны отдать имъ свои голоса, „чтобы не прошли черносотенцы и націоналисты“.

Статья заканчивается словами:

„Такимъ образомъ, мы принуждены заботиться сами о себѣ безъ всякихъ союзовъ. И будемъ заботиться. Что выиграемъ мы, самостоятельно проводя своихъ кандидатовъ? Пониманіе того, что наше спасеніе только въ насъ самихъ, что союзниковъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть, что только объединеніе нашихъ собственныхъ силъ дастъ намъ побѣду. Раньше или позже мы все равно должны будемъ выступить самостоятельно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше потому, что, отдавая наши голоса представителямъ чуждой національности, мы игнорируемъ наши силы, деморализуемъ самихъ себя и, что хуже всего, притворяемся, будто дѣлаемъ дѣйствительно полезное дѣло, обманываемъ себя. Это заблужденіе должно разсѣяться“.

Мы нарочно привели эти выписки, какъ чрезвычайно характерный показатель настроенія украинскаго общества,—по крайней мѣрѣ извѣстной части его. Настроение же это—результатъ той шаткой и неувѣренной тактики, которой держались кадеты въ Государственной Думѣ во всемъ, что касалось украинства, и, въ частности, въ злощастномъ вопросѣ объ отдѣленіи Холмщины. Позиція кадетовъ въ этомъ вопросѣ какъ нельзя лучше показала, насколько чужды для нихъ интересы украинства, которые они, устами г. Новаго въ „Одесск. Листкѣ“, обѣщаютъ теперь, въ ожиданіи выборовъ, защищать. Если чьи интересы и защищали кадеты, то это скорѣе интересы поляковъ, съ которыми они шли все время. Они расшаркивались предъ поляками и обнаруживали на каждомъ шагу полное незнаіе и непониманіе чуждыхъ имъ интересовъ народа, судьбу котораго они рѣшили. И свою позицію кадеты удержали до конца.

Засѣданіе 26-го апрѣля, въ которомъ окончательно рѣшена была судьба Холмщины, отличалось своей безсодержательностью. Очевидно, думской оппозиціи уже нечего было сказать. Законопроектъ, какъ извѣстно, прошелъ въ редакціи второго чтенія съ нѣкоторыми поправками, имѣющими въ виду, конечно, не интересы украинскаго населенія, а интересы руссификаціи, которая теперь надвигается на Холмщину.

Такъ возстановленъ былъ отдѣлъ Ю, которымъ будущая Холмская губ. изъята изъ вѣдѣнія варшавскаго генераль-губернатора и подчинена, въ общемъ порядкѣ управленія, министру внутреннихъ дѣлъ. Принято направленное противъ польскаго вліянія постановленіе о томъ, чтобы на Холмскую губернію не распространялось право преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ польскаго языка и словесности. Упразднено по предложенію еп. Евлогія освобожденіе служащихъ отъ занятій въ присутственныхъ мѣстахъ въ дни католическихъ праздниковъ, празднуемыхъ въ Царствѣ Польскомъ по новому стилю.

Эти постановленія, въ духѣ націоналистическаго клерикализма, ясно опредѣляютъ направленіе будущей политики въ новой губерніи. Какъ видимъ, для украинскаго населенія она ничего хорошаго не сулитъ. Она не дастъ ему ни права на родной языкъ, ни родной школы, ничего, что вело бы его къ развитію и благосостоянію. Надъ несчастнымъ

краемъ, столько лѣтъ служившимъ объектомъ колонизаторскихъ усилій польскаго панства, будутъ продѣлываться новые эксперименты, но уже въ духѣ руссификаціи. Выиграетъ ли отъ этого что-либо украинское населеніе, понять, конечно, не трудно.

Холмскій вопросъ какъ нельзя лучше показалъ, какъ много потерялъ украинскій народъ отъ того, что въ Гос. Думѣ не имѣлъ своихъ представителей, и какъ мало способны защищать украинскіе интересы тѣ „не-инородцы“, которыхъ рекомендуетъ „Одесск. Листокъ“.

Еще меньше находятъ защиты интересы украинскаго народа въ Государственномъ Совѣтѣ. Это ярко проявилось при обсужденіи вопроса о начальномъ образованіи, которому посвящено было три засѣданія (4, 6 и 9-го апрѣля). Наиболѣе „плодотворнымъ“ для украинства было второе засѣданіе, когда выступилъ г. Пихно со своей рѣчью о бѣлорусскомъ и украинскомъ языкахъ.

Какъ извѣстно, думскій законопроектъ въ примѣчаніи къ ст. 16-й допускалъ въ мѣстностяхъ съ иноязычнымъ населеніемъ обученіе на родномъ языкѣ, если населеніе это имѣетъ свою литературу. Примѣчаніе это давало возможность пользоваться роднымъ языкомъ въ народной школѣ между прочимъ украинцамъ и бѣлоруссамъ.

Г. Пихно протестовалъ противъ признанія бѣлоруссовъ и украинцевъ „иноязычными“, причемъ не обошлось безъ характерныхъ для направленія, которое представляетъ г. Пихно, инсинуаций по адресу „мазепинцевъ“ и увѣреній, что „стремленіе создать самостоятельный языкъ“ соединено съ „политическимъ теченіемъ, столь же зловреднымъ, какъ и безумнымъ“. Но прямое запрещеніе украинскаго языка г. Пихно считаетъ все-же уничтожающимъ величіе Россіи, и потому онъ предложилъ только небольшую поправку (кстати сказать, принятую Гос. Совѣтомъ), согласно которой учителя въ мѣстностяхъ съ украинскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ обязаны съ самаго начала обучать дѣтей на великорусскомъ языкѣ. Этой поправкой онъ лишилъ всякой возможности пользоваться на Украинѣ роднымъ населенію языкомъ въ школѣ.

Конечно, ничего иного отъ этого „сына Украины“ нельзя было и ожидать. Но та „защита“, которую встрѣтили интересы украинскаго населенія въ лицѣ проф. Багалъя, не можетъ не быть признана чѣмъ-то поистинѣ изумитель-

нымъ. Въ рѣчи г. Пихно, при всей специфичности ея содержания, есть одно достоинство: онъ ставилъ вопросъ прямо и ясно. Г. Багалъй же, слывущій человекомъ опредѣленнаго направленія въ украинскомъ вопросѣ, вмѣсто принципиальной постановки вопроса о правѣ украинскаго народа на родной языкъ, бормоталъ что-то о томъ, что хотя, молъ, значительное количество „малороссовъ“ и знаетъ русскій языкъ и можетъ на немъ учиться, но существуютъ такіе глухіе села и хутора, гдѣ населеніе по-русски не говоритъ, и для нихъ желательно введеніе преподаванія на родномъ языкѣ.

Поистинѣ это такая защита, съ которой лучше бы не выступать вовсе. Недаромъ даже „Кіевлянинъ“ отечески одобрилъ г. Багалъя!

Итакъ, ни въ Верхней, ни въ Нижней палатѣ украинскіе интересы не имѣютъ защитниковъ. И если сообщеніе черносотенной „Жизни Волыни“ о закрытіи волынскимъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіемъ житомирской „Просвіты“ окажется не измышленіемъ, а печальной истиной, то, разумѣется, оно не вызоветъ ни тревоги, ни запросовъ въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Противъ житомирской „Просвіты“ уже давно велась кампанія. „Засів“ сообщалъ: „Ходятъ слухи, что скоро будетъ закрыта житомирская „Просвіта“. Мѣстная черносотенная газетка „Жизнь Волыни“ пишетъ доносы на „Просвіту“ и убѣждаетъ администрацію закрыть ее“.

Теперь, по сообщенію той же почтенной газеты, закрытіе совершилось. О причинахъ его пока ничего опредѣленнаго неизвѣстно, такъ какъ постановленіе о закрытіи еще не объявлено официально. По сообщенію же „Жизни Волыни“, закрытіе обосновано ст. 6-й закона 4-го марта 1906 г., говорящей между прочимъ объ обществахъ, „угрожающихъ общественнымъ спокойствію и безопасности“.

Въ чемъ усмотрѣло присутствіе опасность житомирской „Просвіты“ для общественнаго спокойствія, не намъ, конечно, судить. Но достаточно вспомнить знаменитый циркуляръ Столыпина объ инородческихъ обществахъ, къ которымъ были причислены, вмѣстѣ съ еврейскими, и украинскія, чтобы ничему въ этой области уже не удивляться.

Возможно ли для украинскаго народа спокойное и естественное развитіе въ той атмосферѣ полного національнаго безправія, въ которой онъ живетъ въ настоящее время въ

Россіи, двухъ мнѣній не можетъ быть. И тотъ минимумъ національно-культурныхъ правъ, который выставленъ въ украинской избирательной платформѣ, необходимъ для украинства Россіи какъ воздухъ.

Для украинства Галичины, эти постулаты—уже давно пройденная ступень. Галицкіе украинцы давно получили признаніе права на родной языкъ и въ богослуженіи, и въ судѣ, и въ школѣ. И если имъ приходится вести постоянную, неустанную борьбу съ полонизаторскими стремленіями господствующихъ въ Галиціи польскихъ политическихъ партій, то уже самую возможность этой борьбы за признанныя конституціей права нельзя не признать благомъ.

Правда, на почвѣ полонизаторскихъ тенденцій въ Галичинѣ возникаютъ уродливыя и даже ужасныя явленія. Такова, на примѣръ, вызвавшая негодованіе всего галицкаго украинскаго общества смерть воспитанника львовской учительской семинаріи Петра Чорнія. Этотъ ужасный случай въ высочайшей степени характеренъ для господствующей въ Галиціи школьной системы. Какъ охарактеризовалъ ее нынѣшній намѣстникъ Галиціи Бобжинскій, эта система направлена къ тому, чтобы галицкое населеніе какъ можно скорѣе почувствовало себя поляками. При такомъ направленіи школьной политики неудивительны тѣ націоналистическіе эксцессы, яркимъ примѣромъ которыхъ является дѣло Чорнія. Чорній, воспитанникъ „утраквистичной“ (т. е. съ преподаваніемъ части предметовъ на польскомъ, а части—на украинскомъ языкѣ) учительской семинаріи во Львовѣ, продавалъ своимъ товарищамъ полученныя отъ украинскихъ студентовъ патріотическія открытки и, между прочимъ, письма съ портретами героя гайдамацкаго возстанія Гонты и матери Мирослава Сичинскаго (студентъ-украинецъ, убившій галицкаго намѣстника гр. Потоцкаго „за обиды украинскаго народа“ и нынѣ бѣжавшій изъ тюрьмы, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе). Воспитанникамъ полякамъ не ставится въ вину ни продажа польскихъ патріотическихъ открытокъ, ни участіе въ патріотическихъ польскихъ манифестаціяхъ. Но здѣсь рѣчь шла о воспитанникѣ-украинцѣ, подрывающемъ „основы“. Совѣтъ учителей призналъ Чорнія опаснымъ „гайдамакой“ и исключилъ его изъ семинаріи. „Краева Шкільна Рада“, на утвержденіе которой было представлено это постановленіе, нашла кару недостаточной и постановила исключить Чорнія безъ права по-

ступленія въ другія семинаріи и даже безъ права держать экзамень при учительской семинаріи экстерномъ. Юноша въ отчаяніи въ тотъ же день застрѣлился.

Этотъ случай вызвалъ бурю негодованія среди галицкихъ украинцевъ. Воспитанники и воспитанницы украинскихъ учебныхъ заведеній Львова, Коломіи и Перемышля, въ знакъ протеста устроили забастовку. 15-го марта жертвъ польской школьной системы устроены были демонстративныя похороны. Надъ могилой произносились рѣчи, а затѣмъ участники похоронъ устроили демонстрацію на улицахъ Львова. Въ парламентѣ проф. Днѣстрянскій внесъ по поводу смерти Чорніа интерпелляцію, а предсѣдатель украинскаго парламентскаго клуба Левицкій—запросъ предсѣдателю палаты. Среди украинскаго общества собрана подписка на памятникъ надъ могилой юноши.

Уже изъ этого случая можно видѣть, какъ чутко относится ко всякимъ національнымъ обидамъ украинское общество въ Галичинѣ и какъ умѣетъ оно реагировать на нихъ. Эти свойства выработаны въ немъ долгими годами непрерывной и неустанной борьбы за свои національныя права, въ этой борьбѣ галицкіе украинцы привыкли полагаться только на самихъ себя.

Въ настоящее время, самымъ животрепещущимъ вопросомъ для всей Галичины является вопросъ объ украинскомъ университетѣ. Это старый вопросъ, поглотившій уже немало жертвъ и всякій разъ, когда онъ становился на очередь, доводившій до высочайшей степени обостренія и безъ того обостренныя отношенія между украинцами и поляками.

Поляки прекрасно понимаютъ, какое колоссальное значеніе имѣетъ для украинства такое огромной важности культурное приобрѣтеніе, какъ университетъ. Они понимаютъ, что онъ укрѣпилъ бы значеніе украинцевъ въ Галичинѣ и ослабилъ бы польское вліяніе. Своекорыстная политика польскихъ правящихъ круговъ не можетъ примириться съ такой перспективой, и они пользовались всѣми средствами для того, чтобы не дать украинцамъ собственнаго университета.

Въ послѣдніе годы австрійское центральное правительство пришло къ заключенію, что польская дружба обходится ему слишкомъ дорого. Послѣдніе выборы показали къ тому же, что украинцевъ въ Галичинѣ нельзя разсматривать какъ *quantité negligible* и что съ украинскимъ пред-

ставительствомъ въ парламентѣ приходится считаться. И отношеніе австрійскаго правительства сдѣлалось болѣе благопріятнымъ для украинцевъ. Но вліяніе польскаго коло въ парламентѣ и правящихъ сферахъ настолько еще велико, что оно парализовывало всякія попытки украинцевъ добиться благопріятнаго рѣшенія вопроса объ университетѣ.

Разсчитывать на уступчивость поляковъ въ этомъ вопросѣ украинцы не могли и должны были полагаться только на собственные силы. Группа украинскихъ депутатовъ парламента рѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ и устроили 26-го марта нов. ст. обструкцію. При обсужденіи мелкаго вопроса о продажѣ табаку записалось 12 ораторовъ изъ числа украинскихъ депутатовъ. Первымъ началъ говорить Старухъ, и рѣчь его обѣщала быть безконечной. Это вызвало тревогу какъ среди поляковъ, противъ которыхъ направлена была обструкція, такъ и въ министерскихъ сферахъ, потому что обструкція угрожала невозможностью проведенія черезъ парламентъ важнаго вопроса о брюссельской сахарной конвенціи. Министръ-президентъ гр. Штюргкъ началъ въ кулуарѣхъ переговоры съ украинскими депутатами и обѣщаль имъ созвать немедленно послѣ Пасхи конференцію по вопросу объ университетѣ. Обструкція была прекращена.

Дѣйствительно, 7-го апрѣля нов. ст. состоялась конференція при участіи министра народнаго просвѣщенія Гуссарека, министра для Галичины Длугоша, явившагося также и представителемъ кола польскаго, и украинскихъ депутатовъ К. Левицкаго и проф. Колессы, изложившихъ украинскія требованія.

Между тѣмъ коло польское и другія польскія организациі развиваютъ усиленную дѣятельность, направленную противъ осуществленія требованій украинцевъ. Коло дѣлаетъ представленіе гр. Штюргку, и получаетъ обязательство не рѣшать вопроса безъ согласія кола. Парламентская комиссія кола устраиваетъ конференцію съ участіемъ представителей польской профессуры львовскаго университета, и профессора заявляютъ, что львовскій университетъ не согласится помогать въ устройствѣ украинскаго университета ни подготовкой научныхъ силъ, ни предоставленіемъ въ пользованіе своихъ учреждений. Затѣмъ польская профессура присылаетъ изъ Львова въ коло меморіаль, въ которомъ протестуетъ противъ устройства украинскаго уни-

верситета во Львовѣ. Львовскій городской совѣтъ, въ которомъ, кстати сказать, нѣтъ ни одного украинскаго представителя, выноситъ постановленіе о рѣшительномъ сопротивленіи учрежденію украинскаго университета во Львовѣ.

Въ то же время начинается рядъ польскихъ съѣздовъ, митинговъ и конференцій, которыя поддерживаютъ коло въ его позиціи. Только польскіе соціалъ-демократы признаютъ право украинцевъ на собственный университетъ. Прочія же польскія партіи допускаютъ лишь обѣщаніе удовлетворить это требованіе украинцевъ, но безъ опредѣленнаго указанія, когда, гдѣ и въ какомъ объемѣ. А взамѣнъ этого проблематическаго обѣщанія они требуютъ признанія львовскаго университета исключительно польскимъ, измѣненія украинской тактики относительно поляковъ въ парламентѣ и сеймѣ и закрѣпленія теперешняго господствующаго положенія поляковъ въ Галичинѣ. Украинскій университетъ, въ силу этихъ требованій, можетъ быть учрежденъ не во Львовѣ или другомъ крупномъ городѣ Галичины, а въ одномъ изъ небольшихъ городковъ юго-восточной части края, который не могъ бы сдѣлаться крупнымъ культурнымъ украинскимъ очагомъ и въ которомъ украинскій университетъ не угрожалъ бы польскому вліянію. И, выставляя всѣ эти условія, польскіе политики лицемѣрно дѣлаютъ въ то же время видъ, что они не противятся учрежденію украинскаго университета!

Очевидно, такія условія не могутъ удовлетворить украинцевъ, которые требуютъ, чтобы начало украинскому университету было положено теперь же выдѣленіемъ существующихъ во львовскомъ университетѣ украинскихъ кафедръ въ отдѣльное учрежденіе и сохраненіемъ за нынѣшнимъ львовскимъ университетомъ его „утраквистическаго“ характера, т.-е. преподаванія хотя части предметовъ на украинскомъ языкѣ. Въ противовѣсъ рѣшеніямъ кола въ засѣданіи украинскихъ депутатовъ 13-го апрѣля рѣшено было вести дѣло отъ имени всѣхъ членовъ палаты депутатовъ и палаты господъ. Въ то же время во Львовѣ и другихъ городахъ Галичины происходятъ украинскія „віча“ (митинги), на которыхъ выносятся резолюціи, поддерживающія требованія украинскихъ депутатовъ въ парламентѣ.

Борьба принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Между тѣмъ правительство не спѣшило съ испол-

неніемъ своихъ обѣщаній, и украинскіе депутаты вынуждены были 4-го мая возобновить обструкцію. Встревоженный этимъ президіумъ вступилъ въ переговоры съ украинскими депутатами, и обѣщаль дать въ ближайшемъ времени удовлетворительный отвѣтъ на ихъ требованія. Встретилось и коло и устроило конфиденціальное совѣщаніе по вопросу объ украинскомъ университетѣ. Результаты совѣщанія держатся пока въ тайнѣ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ будетъ разрѣшенъ императорскимъ распоряженіемъ, которое ожидается въ ближайшіе дни.

Теперь и галицкіе москвофилы, все время твердившіе, что украинскій университетъ является безсмыслицей, принуждены будутъ умолкнуть. Впрочемъ, съ ихъ голосомъ никто не считается. И какъ ни распинается „Прикарпатская Русь“ въ своей „сыновней преданности и безпредѣльной любви къ своему Монарху“ и въ „тѣхъ же чувствахъ къ Его Царственному Семейству и Его наслѣдникамъ на престолъ“, какъ ни громко вопить „Noch Habsburg“ въ передовыхъ статьяхъ „Галичанина“ пресловутый Глѣбовицкій, недавно пріѣхавшій въ Россію демонстрировать свои истинно-русскія чувства,—последнія событія, имѣвшія мѣсто въ ихъ лагерѣ, нанесли имъ непоправимый ударъ.

Въ мартѣ арестованы были по подозрѣнію въ военномъ шпіонажѣ два москвофила изъ группы Дудыкевича, состоящей подъ покровительствомъ гр. Бобринскаго, Сандовичъ и Гудима, перешедшіе изъ униатства въ православіе, окончившіе въ Россіи духовную семинарію, возведенные въ священство и возвратившіеся въ Галицію для пропаганды православія среди галицкаго крестьянства. При обыскѣ установлены были сношенія ихъ съ однимъ изъ видныхъ москвофильскихъ дѣятелей, сотрудникомъ „Прикарпатской Руси“ Бендасюкомъ. Бендасюкъ былъ подвергнутъ наблюденію, а затѣмъ обыску. При обыскѣ у него нашли совершенно неожиданный кладъ: нѣсколько тысячъ рублей, еще не размѣненныхъ на австрійскую монету, а также счета, свидѣтельствующіе о томъ, что за послѣдніе годы черезъ Бендасюка было передано для москвофиловъ изъ Россіи нѣсколько сотъ тысячъ рублей; наконецъ, переписка съ нѣкоторыми москвофилами, судившимися за военное шпіонство. Бендасюкъ былъ арестованъ, а затѣмъ такой же участи подвергся и какой-то Колдра.

Это открытіе разоблачаетъ тайну существованія въ Га-

личинѣ москвофильскихъ обществъ, организацій, прессы,— словомъ, всего того, что придавало москвофильству видимость широкаго народнаго движенія.

Не забудемъ, что москвофилы особенно старались распространять завѣдомо лживыя измышленія шпіона Раковскаго о томъ, что украинское движеніе поддерживается легендарными „прусскими марками“, а сами въ то же время получали отъ своихъ друзей вполнѣ реальные русскіе рубли. Поистинѣ горестное положеніе крыловскаго Климыча, которому, когда ему читаютъ нотацію за взятки, остается лишь кивать украдкой на Петра!..

С. Б.

На Украинѣ и внѣ ея.

—
За мѣсяць.

Панихиды по Т. Шевченкѣ и черносотенное духовенство. Кіевскому миссіонерскому комитету пришлось высказаться по докладу священника с. Деміевки о. Пестрякова, настаивавшаго на необходимости запрещенія духовенству служить панихиды по Т. Шевченкѣ, такъ какъ эти панихиды якобы пробуждаютъ въ населеніи сепаратизмъ и способствуютъ распространенію «мазепинства». Докладъ этотъ, основанный исключительно на политиканствѣ и съ религіей ничего общаго не имѣющей, вызвалъ, какъ сообщаютъ газеты, горячіе дебаты. Рьянымъ сторонникомъ о. Пестрякова оказался митрофорный протоіерей Софійскаго собора о. Златоверховниковъ. Большинство комитета не согласилось однако съ нелѣпыми доводами о. Пестрякова и его alter ego Златоверховникова. Противъ запрещенія панихидъ высказался и еп. Назарій, заявивъ, что разъ Т. Шевченко погребенъ по всѣмъ правиламъ православной церкви, то никто не имѣетъ права запретить молиться о немъ. Тѣмъ не менѣе эта непристойность съ именемъ великаго кобзаря еще разъ, очевидно, повторится въ комитетѣ, такъ какъ комитетъ постановилъ поручить миссіонеру Потѣхину составить спеціальныи докладъ о Шевченкѣ и объ украинскомъ движеніи.

Губернаторскія veto. На организуемыхъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ лѣтомъ текущаго года учительскихъ курсахъ губернаторъ не разрѣшилъ къ чтенію лекцій по слѣдующимъ предметамъ: «Южно-русская исторія и литература», «Наука о правѣ и государствѣ» и «О коопераціи». Кромѣ того запрещены всякія собесѣдованія лекторовъ съ курсистами-учителями. Недопущеніе на курсы предметовъ украиновѣдѣнія идетъ вразрѣзъ именно съ тѣми пожеланіями, какія были высказаны учителями-курсистами въ 1911 году. Такъ, по словамъ «Рады» (№ 91), на харьковскихъ учительскихъ курсахъ 1911 года была произведена анкета, содержащая между прочимъ такой вопросный пунктъ: «Какіе предметы, по вашему мнѣнію, надлежало бы исключить изъ программы курсовъ и какіе добавить». Наибольшее количество отвѣтовъ касается необходимости включить въ программу предстоящихъ курсовъ «Исторію Украины» (47 отв.), «Исторію украинской литературы» (29 отв.), «Изученіе украинскаго языка» (22 отв.). Такимъ образомъ, губернаторское «не пушать» идетъ противъ ясно выраженныхъ требованій самой жизни.

Существующее въ м. Смѣлѣ отдѣленіе кievскаго общества распространенія образованія въ народѣ предполагало устроить въ этомъ мѣстечкѣ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, и возбудило объ этомъ соотвѣтствующее ходатайство. Кievскій губернаторъ, какъ сообщаетъ «К. М.», нашель это ходатайство неподлежащимъ удовлетворенію.

Гостившая въ г. Перми украинская труппа К. Л. Кармелюка предполагала устроить вечеръ, посвященный памяти того же поэта, но пермскій губернаторъ не далъ на это своего разрѣшенія.

Противъ украинства. «Радѣ» (№ 87) сообщаютъ, что по доносу благочиннаго с. Мордвы Чигиринскаго уѣзда діакона этого села о. Чигирика кievскія епархіальныя власти постановили перевести въ самый дальній отъ с. Мордвы приходъ. Въ своемъ доносѣ благочинный охарактеризовалъ о. Чигирика какъ социаль-демократа и мазепинца, принимавшаго участіе въ освободительномъ движеніи 1905—6 года и выписывавшаго украинскія газеты.

Въ с. Боровицы того же уѣзда работала въ земствѣ женщина-врачъ Зандерсонъ, латышка по національности, а въ селѣ Подорожномъ того же уѣзда—женщина-врачъ Сवादковская. Обѣ онѣ состояли подписчицами украинскіхъ газетъ. Предсѣдатель чигиринской уѣздной земской управы П. В. Давыдовъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ врачамъ прекратить выпускъ газетъ. Когда г-жи Зандерсонъ и Сवादковская отказались исполнить это требованіе, газеты начали «конфисковывать» на почтѣ, а затѣмъ г. Давыдовъ распорядился о переводѣ г. Зандерсонъ въ другой участокъ, а г-жѣ Сवादковской заявилъ, что она не можетъ оставаться долѣе на земской службѣ. Обѣ женщины-врачи предпочли, какъ сообщаетъ «Рада» (№ 77), оставить службу въ націоналистическомъ земствѣ.

Изъ Миргорода «Радѣ» (№ 89) сообщаютъ, что оперные артисты г-нъ М—а и г-жа Р—ва обратились къ директору мѣстной гимназій съ просьбой разрѣшить гимназистамъ посѣщеніе ихъ концерта, который они даютъ въ Миргородѣ. Директоръ, рассматривая поданную ему программу, въ которую вошло свыше 20 номеровъ музыкальныхъ произведеній почти исключительно русскихъ композиторовъ, обратилъ вниманіе на два номера украинскіхъ, предназначенныхъ къ исполненію на *bis* и написанныхъ на слова Т. Шевченка и Олеся. Встрѣтивъ эти имена, директоръ рѣшительно заявилъ: «Если будетъ хоть одно слово на этомъ дурацкомъ діалектѣ, то онъ ни одного ученика не пуститъ на концертъ».

Изъ г. Хоролъ пишутъ той же газетѣ, что тамъ инспекторъ реальнаго училища Н. Розинкинъ при посѣщеніи квартиръ воспитанниковъ разыскиваетъ украинскія книги. Найдя у одного ученика книгу «Л.-Н. Вѣстника», инспекторъ сказалъ обладателю «мазепинскаго» журнала: «Это тебѣ такъ не пройдетъ».

Труды г. Зилова на поприщѣ попечительства въ кievскомъ учебномъ округѣ не прошли, очевидно, даромъ.

Изъ того же Хорола сообщаютъ «Радѣ» (№ 80), что уѣздный исправникъ конфисковалъ номеръ сельскохозяйственнаго журнала, въ которомъ была помѣщена замѣтка о Т. Шевченкѣ (біографія поэта съ призывомъ жертвовать на памятникъ ему). Только спустя три дня исправникъ разрѣшилъ разослать номеръ подписчикамъ, а губернатору донесъ, что авторъ замѣтки не имѣлъ права призывать населеніе къ пожертвованіямъ на памятникъ. Этотъ же исправникъ отказался ходатайствовать передъ губернаторомъ о разрѣшеніи литературно-музыкальнаго вечера по той причинѣ, что въ программу вечера были включены такіе «революціонные» номера, какъ «Сам собі пан», «Горе поэта» и т. п., а когда разрѣшеніе было добыто помимо исправника, то онъ проявилъ свою власть тѣмъ, что совершенно передѣлалъ программу вечера.

Объ этомъ же исправникѣ сообщаютъ въ «Раду» (№ 94) такой фактъ. Нѣкто Б., фельдшеръ по профессіи, получилъ отъ кievскаго объединеннаго комитета по сооруженію памятника Т. Шевченку квитанціонную книжку для сбора пожертвованій на памятникъ поэту. По какому-то недоразумѣнію г. Б. обратился къ исправнику за разрѣшеніемъ сбора, а исправникъ въ свою очередь запрсиль губернатора. Въ результатѣ исправникъ отобралъ у Б. книжку и возвратилъ ее въ объединенный комитетъ на томъ основаніи, что комитетъ имѣетъ право сбора пожертвованій только въ предѣлахъ Кievской губерніи. Комитетъ вынужденъ былъ черезъ полтавскаго губернатора сдѣлать соотвѣтствующее разъясненіе ретивому исправнику.

Изъ с. Ольшаны Лебединскаго уѣзда Харьковской губерніи сообщаютъ въ газету «Сніп» слѣдующіе факты изъ жизни мѣстной школы: «Если ученикъ хотя бы даже первой группы, отвѣчая на урокъ, скажетъ украинское слово, то учительница начинаетъ страшно кричать на него, а законоучитель даже бьетъ, приговаривая: «Ты уже полгода въ школѣ, а говорить до сихъ поръ правильно не научился!» Корреспондентъ говоритъ, что не только ученье, но и самое пребываніе въ этой школѣ становится невыносимымъ для дѣтей.

Съ учительскаго сѣзда въ Каменецъ-Подольскѣ «Радѣ» (№ 82) пишутъ слѣдующее: Сѣздомъ завѣдывалъ директоръ народныхъ училищъ г. Моралевичъ или, какъ его тамъ называютъ, г. «Подраковичъ». Благодаря этому господину, ярому, очевидно, націоналисту, на всемъ сѣздѣ лежала печать придавленности и угнетенности; учителя молчали и только слушали разглагольствованія г. Подраковича объ устраненіи изъ школъ книжекъ Вахтерова, «Золотыхъ колосьевъ» Горбунова-Посадова и т. п. Когда же одинъ изъ учителей заговорилъ о непригодности для школъ Подоліи современныхъ учебниковъ, такъ какъ въ нихъ изображается быть исключительно великорусскаго народа, то всѣ страшно переполошились: учи-

теля—передъ начальственнымъ гнѣвомъ, а начальство—передъ «мазепинской опасностью». Обѣ стороны приложили усиленное стараніе, чтобы замѣть поскорѣ этотъ острый вопросъ. Въ концѣ сѣзда была послана вѣрноподданническая телеграмма.

«Крамольная бандура». Въ г. Острогожскѣ состоялся концертъ, на которомъ долженъ былъ между прочимъ выступать бандуристъ М. Д. Токаревскій и сыграть «Украинскія мелодіи» и «Пѣснь Кобзаря». Публика очень заинтересовалась бандурой и повалила въ общественное собраніе. Однако, ей не суждено было слушать бандуриста: еще до начала концерта исправникъ вызвалъ къ себѣ распорядителя и запретилъ выпускать бандуриста. На замѣчаніе, что бандура ничего крамольнаго въ себѣ не заключаетъ, исправникъ, какъ сообщаютъ «Радѣ» (№ 76), глубокомысленно замѣтилъ: «А вы знаете, что они выдѣлывали съ этими бандурами въ Кіевѣ (?!)?..» Бандуристъ, оказывается, былъ московскій студентъ-украинецъ, высланный въ Кіевъ. Но что онъ «выдѣлывалъ» съ бандурой въ Кіевѣ, про то вѣдомо одному острогожскому исправнику.

«Крамольная пьеса». Въ с. Елисаветградѣ Херсонской губ. среди учительскаго персонала возникла мысль устраивать любительскіе спектакли. Первая пьеса, «Борці за мрію» Тоогобочнаго, прошла успѣшно. Но вотъ вздумали поставить другую пьесу, «Панну Штукарку», и исполняющій обязанности уѣзднаго исправника вообразилъ, какъ сообщаютъ «Радѣ» (№ 76), что во вѣренномъ ему уѣздѣ отъ сего «произойдетъ волненіе умовъ», а потому рѣшилъ «Штукарку» воспретить. Увѣренія, что въ пьесѣ нѣтъ ничего «волнующаго», что она дозволена къ представленію, ни къ чему не привели; начальство отвѣчало: «Если хотите, то я вамъ ничего не разрѣшу!» Пришлось «Штукарку» замѣнить другой пьесой.

Национальное самосознаніе. Рабочіе сахарнаго завода въ селѣ Кременчукѣ (Воынь) до сихъ поръ не знали о существованіи украинскіхъ газетъ. Но вотъ, по словамъ «Засіва» (№ 13), туда завезъ кто-то одинъ экземпляръ украинской газеты. Служащіе и рабочіе заинтересовались украинскимъ печатнымъ словомъ. Номеръ газеты переходилъ изъ рукъ въ руки, и въ результатѣ многіе рѣшили немедленно выписать украинскія изданія.

Лекція на украинскомъ языкѣ. Земскіе агрономы начинаютъ постепенно проникаться сознаниемъ необходимости прибѣгать, въ интересахъ дѣла, которому они служатъ, къ украинскому языку. Изъ с. Диканьки (Полтавщина) сообщаютъ «Радѣ» (№ 84), что уѣздный агрономъ г. Войновъ читалъ лекцію крестьянамъ по агрокультурѣ на украинскомъ языкѣ. Корреспондентъ говоритъ, что это была у нихъ первая лекція на родномъ языкѣ населенія, и «надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали присутствующіе эту лекцію, съ какимъ интересомъ онѣ обращались къ агроному съ вопросами и, наконецъ, съ какой сердечною благодарили его,—надо было все это видѣть, чтобы понять ка-

кое громадное значеніе имѣть родной языкъ»,—такъ заканчиваетъ свое сообщеніе корреспондентъ «Рады».

«Колосья ржи» на Украинѣ. Днямъ «колоса ржи» въ Киевѣ и Полтавѣ была придана нѣкоторая національная украинская окраска. Въ Киевѣ, напр., продажа колосьевъ по улицамъ производилась нѣкоторыми студентами и курсистками въ національныхъ украинскихъ костюмахъ. Многіе имѣли приколотыми на груди значки изъ сине-желтой ленты. Такими же лентами были перевиты корзинки продавщицъ. Очень оригинальное зрѣлище представляли продавцы колосьевъ, развѣзжавшіе по городу на сѣрыхъ волахъ, запряженныхъ въ Киевѣ въ крестьянскій возъ, а въ Полтавѣ—въ «гарбу» и разукрашенныхъ колосьями, снопами и лентами. На «гарбѣ» сидѣли продавцы, одѣтые въ украинскіе костюмы и державшіе два плаката, изображавшихъ козака съ знаменемъ, на которомъ значилось: «Нагодуйте голодныхъ!» Наканунѣ дня «колоса ржи» въ Полтавѣ былъ выпущенъ листокъ «Житній колосъ», который продавался сборщиками пожертвованій. На улицахъ слышалась изъ устъ продавцовъ колосьевъ украинская рѣчь, что дало поводъ одной черносотенной кievской газеткѣ написать, что продавцы разговаривали «по-жидовски, по-армянски и по-грушевскому»...

Украинскій стиль и харьковская дума. Одобренный спеціальною жюри проектъ фасада харьковской художественной школы въ украинскомъ стилѣ, составленный г. Жуковымъ, встрѣтилъ рьяныхъ противниковъ въ харьковской городской думѣ и чуть-чуть не былъ проваленъ. Нѣкоторые гласные силились доказать, что такого стиля не существуетъ, гласный Кореневъ дошелъ даже до такой нелѣпости, что сказалъ, будто стиль этотъ выдуманъ г. Бычь-Лубенскимъ въ харьковскихъ газетахъ (sic). Защищалъ проектъ архитекторъ Величко. Гласные—украинцы, какъ замѣчаетъ корреспондентъ «Рады» (№ 87), безмолвствовали. На второмъ думскомъ засѣданіи послѣ рѣчи проф. Сумцова дума все-же приняла проектъ г. Жукова.

Работы Т. Г. Шевченка. Изъ Конотопа сообщаютъ «Радѣ» (№ 79), что тамъ умеръ нѣкто Трофимовъ, который, живя въ Петербургѣ, былъ хорошо знакомъ съ Т. Шевченко. Послѣ смерти Трофимова остались три собственноручныхъ рисунка Шевченка и одинъ фотографическій снимокъ: Т. Шевченко, Брюловъ, Лазаревскій и еще двое неизвѣстныхъ лицъ. Карточка снабжена собственноручной надписью покойнаго поэта: «На память Трофимову. Т. Шевченко». Размѣръ фотографической карточки 13×18. Рисунки размѣра приблизительно 20×17 и 15×13; рисованы они сепіей и изображаютъ: одинъ—сцену въ шинкѣ, другой—что-то вродѣ «Сама собі господиня», а третій—портретъ владѣльца рисунковъ.

Изъ жизни подольской «Просвіты». На общемъ собраніи «Просвіты» былъ доложенъ отчетъ за 1911 годъ. Въ отчетномъ году «Просвіта» содержала пять бібліотекъ-читалень, изъ коихъ

одну въ Каменецъ-Подольскѣ и четыре по селамъ: въ Щуровцахъ, Ивановцахъ, Печерѣ и въ Куничанахъ. Всѣми ими завѣдывали приходскіе священники, которые и выдавали книжки. Наибольшую активность и жизнеспособность изъ сельскихъ библиотекъ проявляла библиотека-читальня въ Печерѣ. Въ то время какъ остальные три сельскихъ библиотеки-читальни насчитываютъ у себя книжекъ отъ 94 до 130 названій, въ печерской библиотекѣ книжекъ имѣется 204 названія. Всѣ эти книжки перечитаны населеніемъ по нѣскольку разъ. Во всѣ библиотеки-читальни выписываются: «Рада» и «Засів». Въ нѣкоторыхъ селахъ устраиваются вечера, спектакли, чтенія. Объ открытіи библиотекъ-читаленъ «Просвіты» ходатайствовали еще села: Стрѣльченцы Брацлавскаго у., Косы Ямпольскаго у., Грушка Ямпольскаго у., Ново-Ободовка Ольгопольскаго у., Вовчокъ того же у., однако правленіе «Просвіты» не обращалось къ администраціи за разрѣшеніемъ удовлетворить эти ходатайства, предвидя безрезультатность ихъ, такъ какъ въ 1909 и 1910 г. было отказано губернаторомъ въ открытіи библиотекъ-читаленъ въ 14 селахъ Подольской губ. Библиотека-читальня въ Каменецъ-Подольскѣ располагала 1,130 книгами, а членовъ «Просвіта» насчитывала 185 человекъ, изъ коихъ только 40 человекъ живетъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Дѣятельность общества проявлялась въ устройствѣ семейныхъ, литературныхъ и литературно-музыкальных вечеровъ съ рефератами. Лѣтомъ общество устраивало гулянья, а на сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Хотинѣ (Бессарабія) общество получило бронзовую медаль за выставку украинскихъ книжекъ и журналовъ. Приходъ «Просвіты» за 1911 годъ выразился суммой въ 1285 р. 57 к., и годъ законченъ безъ дефицита. Книжекъ продано изъ склада на 1416 р. 28 к., отъ каковой продажи получено прибыли 214 р. 33 к.

Среди молодежи. «Українська студентська громада» с.-петербургскаго политехникума очень энергично, какъ сообщаютъ «Радѣ» (№ 75), развила свою дѣятельность. «Громада» обзавелась собственной библиотекой, прибрѣтенной на средства, полученные отъ двухъ вечеровъ. Въ продолженіе текущаго учебнаго года было сдѣлано нѣсколько докладовъ: «Де-що про економічні відносини на Україні», «Огляд українського життя в минулому році» и т. п. Въ первомъ докладѣ разсматривается законъ 9-го ноября и его вліяніе на украинское крестьянство въ связи съ переселенческимъ движеніемъ. На одномъ изъ общихъ собраній «громады» проф. М. Грушевскій былъ избранъ первымъ почетнымъ членомъ «громады» за его научныя и общественныя заслуги.

Украинское землячество Демидовскаго лицея вынуждено было ликвидировать свою дѣятельность. На послѣднемъ общемъ собраніи постановлено, какъ сообщаютъ «Засіву» (№ 13), все имущество землячества—библиотеку, деньги и гардеробъ—передать украинской секціи при обществѣ славянской культуры въ Москвѣ для временнаго пользованія, до тѣхъ поръ, пока землячество получить возможность легальнаго существованія.

Обыски, аресты и освобожденія. Послѣ массовыхъ обысковъ среди житомірскихъ украинцевъ произведенъ обыскъ также у извѣстнаго украинскаго писателя и общественнаго дѣятеля Дмитра Марковича. Взяты переписка и украинскія изданія.

У счетовода Михалковскаго кооператива (Вольнь) также произведенъ былъ, какъ сообщаютъ «Засіву», обыскъ. Взяты, между прочимъ, такія украинскія изданія: «Дядькова коза», «Червона шапочка», «В суді», «Рай і поступ», календарь «Просвіты» за 1908 г., «На безпросвѣтномъ пути», «Під стелями Думи», «Рілля» № 9 за 1912 г., письма, записки, адреса, листки съ отпечатанными правилами украинскаго правописанія и паспортъ.

Бывшій редакторъ украинской газеты «Засів» В. П. Товстость освобожденъ послѣ 2-мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ за статью о побѣгѣ Мирослава Сичинскаго, убившаго галицкаго намѣстника гр. Потоцкаго.

Въ ночь подъ 3-е апрѣля по распоряженію кievскаго губернскаго жандармскаго управленія произведенъ былъ обыскъ у извѣстной украинской писательницы, редактора газ. «Рідний Край», О. П. Косачъ (Олена Пчілка).

Въ ночь на 18-е апрѣля обыскана квартира редактора-издательницы русско-украинскаго журнала «Огни» О. П. Прохаско. Взяты украинскія рукописи и арестованъ проживавшій въ квартирѣ студентъ Зарницынъ. Спустя три дня послѣ обыска арестованъ въ ея квартирѣ еще одинъ студентъ.

Кievскій окружный судъ разсмотрѣлъ 18-го апрѣля дѣло редактора газ. «Рада» Яновскаго, обвинявшагося за перепечатку въ газетѣ данныхъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу объ убійствѣ учениками уманской сельскохозяйственной школы Радолицкаго. Г. Яновскій присужденъ къ 7-дневному аресту и 25-рублевому штрафу.

По распоряженію кievскаго временнаго комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на украинскую книжку проф. М. Грушевскаго подъ заглавіемъ «Про українську мову і українську школу». Судебная палата въ распорядительномъ засѣданіи своемъ не согласилась съ заключеніемъ комитета и сняла запрещеніе съ книги.

Изъ русской печати.

„Русское Богатство“ объ украинствѣ.—Наши недоумѣнные вопросы.—Статья „Завѣтовъ“.—Вѣнская корреспонденція „Русск. Вѣд.“ объ украинскихъ дѣлахъ.

Освѣдомленіе русскаго общества въ вопросахъ украинскаго національнаго возрожденія поставлено въ великорусской прессѣ изъ рукъ вонъ плохо. Причиною этого является, какъ намъ уже неоднократно приходилось указывать, незнакомство съ этими вопросами и полное равнодушіе къ нимъ русскої публицистики въ лицѣ даже выдающихся ея представителей. Когда требованія момента побуждаютъ то или иное изданіе выступить со статьей

по украинскому вопросу, то приходится большею частью обращаться къ кому-либо изъ украинскихъ литераторовъ, который и выполняетъ данный ему заказъ. Ненормальность, а съ нашей точки зрѣнія и возмутительность такого явленія понятна сама собою, какъ понятно, при такихъ условіяхъ, и то чувство удовлетворенія, которое вызываетъ собою появленіе въ какомъ-либо изъ руководящихъ органовъ русской печати серьезной статьи объ украинствѣ, принадлежащей перу великоросса.

Такихъ статей въ прошломъ апрѣлѣ появилось сразу двѣ: въ четвертой книгѣ «Русскаго Богатства» напечатана статья В. М. «Украинство и русская интеллигенція» и въ № 1-мъ новаго журнала «Завѣты»—«Обостреніе національнаго вопроса и задачи прессы». Обѣ статьи появились въ органахъ русскаго народничества, и это обстоятельство уже само по себѣ можетъ служить гарантіей, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ противниками, а съ друзьями. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что сужденія и взгляды авторовъ названныхъ статей тождественны. Напротивъ, между ними, какъ сейчасъ увидимъ, замѣчается довольно рѣзкое расхожденіе въ нѣкоторыхъ принципиальныхъ положеніяхъ большой важности.

В. М. посвятилъ свою статью полемикѣ съ П. Струве, съ которымъ его раздѣляетъ два коренныхъ различія. Въ то время, какъ г. Струве—убѣжденный имперіалистъ, сторонникъ Великой Россіи и противникъ «украинскаго партикуляризма», г. В. М. полагаетъ, что «съ ослабленіемъ государственной централизаціи могло бы только окрѣпнуть государственное тѣло Россіи». Въ то время какъ г. Струве признаетъ существованіе общерусскаго языка и отводитъ ему господствующее значеніе, а украинскій языкъ низводитъ на степень мѣстнаго нарѣчія, которое не должно выходить за предѣлы «тихихъ и глубокихъ заводей народной жизни», г. В. М. объясняетъ, что «языкъ русской литературы есть, конечно, языкъ великорусскій», а не общерусскій; напоминаетъ «прочно установленный славянской филологіей фактъ, что малороссійскій языкъ является не нарѣчіемъ или «діалектомъ» языка великорусскаго, а такимъ же «языкомъ», и доказываетъ, что никакихъ предѣловъ развитію украинской литературы ставить невозможно и что въ этомъ случаѣ «границы могутъ установиться лишь постепенно, въ результатѣ неизбѣжнаго состязанія двухъ языковъ». «Но если такое стихійное состязаніе двухъ языковъ неизбѣжно,—говоритъ далѣе г. В. М.,—то менѣе всего нужно и менѣе всего желательно, чтобы оно переходило въ сознательную борьбу двухъ народовъ или, по меньшей мѣрѣ, двухъ интеллигенцій. Для русской интеллигенціи нѣтъ никакого основанія и никакого смысла бороться съ украинскими интеллигентами, защищающими интересы культурнаго развитія малорусскаго народа... Поскольку русская и украинская интеллигенція стремится защищать интересы народныхъ массъ, изъ которыхъ сами онѣ вышли, имъ незачѣмъ и не за что бороться другъ съ другомъ. Наоборотъ,

каждая изъ нихъ должна помнить, что онѣ представляютъ собою, говоря словами запорожскаго кошевого въ старой малорусской пѣснѣ, «одинакове христiянство», среди котораго не должно быть междоусобныхъ раздоровъ, такъ какъ его объединяетъ одна общая задача—вести два тѣсно связанные исторiей братскiе народа впередъ къ свободному сожителъству и безпрепятственному культурному развитiю».

Какъ видятъ читатели, тѣ взгляды, представителемъ которыхъ является авторъ статьи «Украинство и русская интеллигенцiя», въ своихъ практическихъ выводахъ даютъ прямо противоположный результатъ взглядамъ г. Струве и не только не содержатъ никакихъ угрозъ по адресу украинства, но и отвергаютъ всякiй смыслъ борьбы между интеллигенцiями «братскихъ народовъ».

Иныхъ сужденiй отъ «Русскаго Богатства», безъ сомнѣнiя, странно было бы и ожидать.

Къ сожалѣнiю, если мы отъ этихъ успокаивающихъ практическихъ заключенiй подыдемся къ основнымъ принципiальнымъ предпосылкамъ г-на В. М., то должны будемъ не только поставить рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, но и сознаться, что въ насъ эти вопросы рождаютъ нѣкоторое сомнѣнiе въ устойчивости цитированнаго выше окончательнаго вывода.

Прежде всего въ статьѣ г. В. М. мы вовсе не нашли опредѣленнаго взгляда на національную проблему вообще. Авторъ не излагаетъ своего сredo въ этомъ отношенiи, не даетъ широкихъ программныхъ положенiй, которыя могли бы служить исходными пунктами и были бы такъ умѣстны въ этомъ случаѣ, а ограничивается тѣмъ, что съ большою осторожностью комментируетъ отдѣльные детали украинскаго вопроса. Признавая несомнѣннымъ «такое крупное явленiе, какъ общерусская культура», г. В. М. находитъ что она сама по себѣ не мѣшаетъ существованiю «въ извѣстныхъ предѣлахъ» самостоятельной малорусской культуры. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ своей защитѣ украинства, по собственному признанiю, не хотѣлъ бы, сказать, «что малорусская литература непременно должна развиваться и непременно разовьется въ литературу вполне равносильную русской». Въ противоположность Л. Василевскому-Плохоцкому (см. выше: «Польскiй публицистъ объ украинствѣ»), г. В. М. предупреждаетъ «отдѣльныхъ представителей украинской интеллигенцiи» отъ «поспѣшныхъ и неосторожныхъ увлеченiй», рекомендуя имъ оставаться, такъ сказать, въ предѣлахъ умѣренности и аккуратности, ибо, по его мнѣнiю, не слѣдуетъ «заходить въ своихъ стремленiяхъ дальше успѣвшихъ уже выясниться потребностей украинской народной жизни».

Мы не станемъ утверждать, что все это похоже на Струве, съ его «тихими и глубокими заводами народной жизни», но позволяемъ себѣ высказать, что это какъ-будто мало похоже на «Русское Богатство», которое всегда смотрѣло на интеллигенцiю какъ на авангардъ, призванный во всѣхъ областяхъ культурной

и политической жизни пробуждать высшіе запросы и требованія въ народѣ, готовить для него новые пути, а не плестись въ хвостѣ «выяснившихся (для кого?) потребностей народной жизни». Здѣсь, повидимому, имѣетъ мѣсто какое-то недоразумѣніе, которое крайне желательно было бы разъяснить, тѣмъ болѣе, что украинская интеллигенція,—ужь это навѣрно можно сказать,—не пожелаетъ ограничиться «извѣстными предѣлами» придатка при «общерусской» культурѣ.

Сознаемся, что въ нашихъ ухахъ странно прозвучали со страницъ «Русскаго Богатства» и слѣдующія строки: «У русской прогрессивной интеллигенціи слишкомъ много прямого и неотложнаго дѣла по просвѣщенію народа и слишкомъ много преданности народнымъ интересамъ, чтобы она могла тратить свои силы на работу, преслѣдующую не столько просвѣтительныя, сколько націоналистическія цѣли». А если бы у нея было меньше прямого и неотложнаго дѣла, неужели это могло бы имѣть какое-либо значеніе въ смыслѣ отклоненія ея пути въ сторону агрессивнаго націонализма?.. Не имѣло бы никакого? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вводить въ дѣло этотъ мотивъ и такъ странно ставить вопросъ?

Статья «Завѣтовъ» объ обостреніи національнаго вопроса и задачахъ прессы за подписью «Великороссъ» носить болѣе общій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе несомнѣнный характеръ. Какъ программная, въ извѣстномъ смыслѣ, статья народническаго журнала, она представляетъ большой интересъ для украинцевъ, и мы позволяемъ себѣ перепечатать значительную ея часть.

«Въ настоящее время,—говоритъ авторъ статьи,—когда наша внутренняя политика поставлена подъ знамя «націонализма» и когда въ самомъ обществѣ до извѣстной степени навстрѣчу ей возникаютъ лозунги, вродѣ «Великой Россіи» или выявленія господствующей національностью своего «національнаго лица»,—приобрѣтаетъ особенную важность дѣло взаимнаго информированія отдѣльными національностями, живущими въ Россіи, другъ друга. Болѣе чѣмъ когда-либо теперь національный вопросъ—животрепещущій и больной вопросъ.

Съ этой стороны заслуживаетъ особеннаго сочувствія и пріѣтствія появленіе, съ января нынѣшняго года, новаго органа на русскомъ языкѣ объ украинской жизни и національномъ движеніи—«Украинская Жизнь». Не сомнѣваемся, что этотъ органъ принесетъ немалую пользу нашему общественному самознанию. Хотя украинскій народъ, казалось бы, ближе всего къ великорусскому, но въ образованномъ обществѣ нашемъ о немъ, его культурѣ, его національныхъ потребностяхъ знаютъ едва ли не меньше всего. Отчасти это, быть можетъ, объясняется именно близостью бѣлоруссовъ и украинцевъ въ великорусскому племени и заставляютъ многихъ представителей послѣдняго признавать мнимость особаго «національнаго лица» первыхъ двухъ.

А такое оспариваніе является—и не может не являться—худшимъ фактомъ разобщенія и отдаленія. Съ другой стороны, оспаривая наличность особой національной культуры украинцевъ и бѣлоруссовъ, игнорируя ее, не желая ее знать, люди приходятъ къ тому, что въ концѣ-концовъ оказываются гораздо болѣе освѣдомленными о бытѣ, литературѣ, потребностяхъ финновъ, ирландцевъ и т. п. дальнихъ родственниковъ въ международной семьѣ, чѣмъ о двоюродныхъ и родныхъ братьяхъ.

А. И. Герценъ,—точно желая предупредить самую возможность странной проповѣди «проявленія національнаго лица» господствующей національностью, —когда-то очень хорошо и очень вѣрно въ числѣ «элементовъ, дающихъ огромную свободу мысли», называлъ нашу привычку отъ самыхъ пеленокъ вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности: мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir; она—такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забываемъ ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца».

Эта завѣщанная исторіей свобода, дѣйствительно, дорого стоитъ. Но «глупому сыну не въ помощь наслѣдство»; и мы не разъ видѣли, какъ эту собственную свободу своеобразнымъ lapsus'омъ ума превращали въ чужую несвободу и дѣлались сами рабами созданнаго такимъ образомъ фальшиваго положенія.

Иные изъ насъ, великороссовъ, забывающіе про свое «національное лицо», какъ забываютъ люди о дыханіи и біеніи собственнаго сердца, начинаютъ смущаться, когда находящіеся не въ ихъ положеніи члены иныхъ національностей чувствуютъ себя и поступаютъ иначе. Иные изъ великоруссовъ легко принимаютъ за ненужный и вредный націонализмъ естественное стремленіе угнетенныхъ національностей faire valoir свои національныя потребности, интересы и права. Исходя изъ собственной свободы отъ національныхъ заботъ, такіе люди кончаютъ враждой къ чужимъ неустрашимымъ и неотложнымъ заботамъ, и этою враждою связываютъ себя, становясь по чистѣйшему недоразумѣнію въ одинъ рядъ съ тѣми, кому мало незыблемости и прочности само собою разумѣющейся національной фізіономіи господствующаго народа, кто хотѣлъ бы какъ можно больше дать ее почувствовать обдѣленнымъ. Такъ иному богачу мало имѣть богатство, но хочется, чтобы оно какъ можно больше мозолило глаза бѣдному сосѣду.

«Украинская Жизнь» попыталась съ самаго начала въ вопросѣ о націонализмѣ провести твердую грань между—национализмами разнаго рода. «Существуетъ націонализмъ угнетенныхъ народностей и націонализмъ народностей государственныхъ. Въ то время какъ націонализмъ первыхъ, враждебный насилію и произволу, представляетъ собою борьбу за отнятыя блага—за равенство и свободу—и потому является факторомъ созидатель-

нымъ и прогрессивнымъ,—націонализмъ, выступающій отъ имени господствующей народности, которую никто не ограничиваетъ въ ея національныхъ правахъ, выражается въ подавленіи всякой иной національности, зиждется на правѣ сильного и окрашиваетъ собою проявленія общественной реакціи».

Мы вполне согласны съ «Украинскою Жизнью» въ вопросѣ о необходимости различать эти два вида націонализма: наступательный, агрессивный и оборонительный, защищающійся. Думаемъ, что и «Украинская Жизнь» согласится съ тѣми дополнительными замѣчаніями, которыя мы хотимъ сдѣлать.

Съ другой стороны, оборонительная позиція данной національности еще не очищаетъ сама по себѣ національнаго чувства отъ зоологическаго элемента, столь сильного на элементарной ступени его развитія. Поляки въ предѣлахъ Россіи представляютъ собою угнетенную національность, и польское коло въ Государственной Думѣ умѣло не разъ съ честью дать сраженіе черносотенному «наступательному націонализму». А между тѣмъ... а между тѣмъ въ вопросѣ о мѣстномъ самоуправленіи и положеніи въ немъ евреевъ ихъ «оборонительный націонализмъ» быстро выказалъ свою изнанку и показалъ, что подъ его сердцемъ бьется зародышъ націонализма вполне агрессивнаго,—дайте ему развернуться на свободѣ, и онъ покажетъ себя. Въ австрійской Галиціи тотъ же самый польскій бывшій оборонительный націонализмъ уже и успѣлъ «показать себя» русинамъ. Чехи, представляющіе во всей Австріи элементъ, еще не въ полной мѣрѣ добившійся признанія своихъ правъ, въ Богеміи уже успѣли перевернуть роли и заставить нѣмецкое меньшинство цѣлаго ряда округовъ перейти на положеніе «созидательнаго и прогрессивнаго»—о б о р о н я ю щ а г о с я націонализма. Бываетъ, конечно, здоровый, законный эгоизмъ, въ этомъ смыслѣ и національное чувство можетъ быть здоровымъ и законнымъ. Но для этого оно должно подняться въ высшую, сознательную ступень.

Съ другой стороны, въ дѣлѣ національнаго самосознанія возможна такая же абберрація, какъ и во всякой другой области: обращенія средства въ самоцѣль. Національно вѣдь не содержаніе положительныхъ идеаловъ, къ которымъ можно и должно стремиться человечество. Высшія культурныя и социальныя цѣнности общезначимы, онѣ законно претендуютъ на общечеловѣческое признаніе. Національнымъ можетъ быть путь развитія по направленію къ идеалу, ибо путь этотъ опредѣляется не только конечной цѣлью, а и отправнымъ пунктомъ; отправной же пунктъ для каждаго народа данъ въ видѣ его историческаго наслѣдства—интеллектуальнаго и культурно-бытового,—иными словами, въ видѣ его національнаго духовнаго капитала. Національная форма усвоенія общечеловѣческаго. Нельзя не дооцѣнивать формы; безъ формы нѣтъ и содержанія; развитіе содержанія предполагаетъ и параллельное развитіе формы. Однимъ изъ самыхъ основныхъ моментовъ въ опредѣленіи

національности является языкъ,—эта самая элементарная и всеобщая форма всякой духовной культуры. Развитие языка поэтому является однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ и стимуловъ общаго національнаго развитія. По мѣрѣ развитія своего языка становится совершеннѣе и нація. Развитие собственной аго языка и литературы не обособляетъ духовно національность, а, наоборотъ, дѣлаетъ ее болѣе способной приобщиться къ максимуму міровыхъ, всечеловѣческихъ духовныхъ цѣнностей.

И, наконецъ, необходимость защиты національныхъ требованій поневолѣ заставляетъ сомкнуться вокругъ нихъ внѣ классовыхъ различій, въ то самое время, когда цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ соціальному содержанию культуры, требуетъ, напротивъ, разъединенія. И здѣсь возникаетъ большая опасность пожертвованія ради формы содержаніемъ, затушеванія тѣхъ культурно-соціальныхъ разногласій, борьба изъ-за которыхъ движетъ человечество впередъ. И здѣсь есть опасность превращенія даже оборонительнаго націонализма изъ силы созидательной и прогрессивной въ консервативную.

И тѣмъ не менѣе для всѣхъ большихъ народностей, чья культура полузадавлена представителями господствующей національности, задачи національнаго возрожденія и развитія собственной національной культуры — неустранимы. Денаціонализировуются легко лишь культурныя «сливки общества»; чѣмъ ближе къ народнымъ низамъ, тѣмъ крѣпче, устойчивѣе, живучѣе черты національно-бытовые. Игнорировать задачи національнаго возрожденія для интеллигенціи было бы равносильнымъ сознательному рѣшенію оторваться отъ своего народа, ассимилироваться съ другимъ, свой же народъ оставить безъ интеллигенціи, бросить его на жертву прозябанію. А для всего государства это значило бы получить, въ видѣ этого прозябающаго народа, тяжелую гирию, висящую, подобно ядру каторжника, на ногахъ и затрудняющую всякое движеніе впередъ.

Задачи національнаго возрожденія чрезвычайно сложны и путь дѣятелей усѣянъ опасностями—не только внѣшними, но и внутренними, вытекающими изъ существа самаго національнаго дѣла. Но не идти нельзя. Упрощеніе задачъ не въ нашей власти. Трудность задачи—не основаніе для отказа отъ ея разрѣшенія. Всѣ великія историческія задачи сложны. Дѣятелямъ національнаго возрожденія украинцевъ, бѣлоруссовъ и т. п. необходимо работать надъ созданіемъ національной культуры и защитой національныхъ правъ, въ то же время особенно борясь: 1) противъ всего эгоистическаго и обособляющаго, связаннаго съ національнымъ чувствомъ въ его элементарныхъ, примитивныхъ формахъ; 2) противъ обращенія средства въ самоцѣль, противъ слабости ко всему національному только потому, что оно национально, и 3) противъ стремленій ради національной формы культуры жертвовать содержаніемъ, искусственно сплачивая и примиряя во имя національнаго сродства элементы, которымъ необходимо разойтись въ разныя стороны при рѣшеніи великихъ общечеловѣче-

скихъ вопросовъ, въ которыхъ «нѣтъ эллина и іудея, варвара и скиѡа», а есть люди труда и люди безтрудоваго дохода, борцы за полную демократію и сторонники привилегій, поборники полномвастія свободной мысли и защитники ея подчиненія вѣрѣ и авторитету. Это даже не три отдѣльныхъ задачи, это одна тріединая задача. Въ ея правильномъ разрѣшеніи мы желаемъ всякаго успѣха «Украинской Жизни» и украинской общественной мысли.

Мы сами принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые рады, что намъ, великоруссамъ, нечего думать о своемъ «національномъ лицѣ», можно забывать о немъ, какъ чемъ-то само собою разумѣющемся,—«какъ о дыханіи, какъ о біеніи сердца». Мы цѣнимъ эту свободу отъ заботы о «національномъ лицѣ». Этой свободы мы желали бы и всѣмъ другимъ національностямъ Россіи. Но мы знаемъ, что путь къ этому одинъ: фактическое достиженіе равноправія всѣхъ народностей и полноправія каждой; реальное исползованіе этого полноправія въ смыслѣ той полноты развитія національной культуры, когда голосъ потребностей въ ней умолкаетъ, какъ умолкаетъ насыщенный голодь, уступая слово другимъ, высшимъ интересамъ и потребностямъ индивидуума. А потому мало враждовать противъ грубой обрусительной политики, мало отрицать всякое насиліе, направленное противъ національнаго развитія. Нужно встрѣчать пониманіемъ и сочувствіемъ положительную работу дѣятелей всѣхъ національныхъ возрожденій, признать безъ оговорокъ ея исторической и моральной *raison d'être* и не пытаться заранѣе намѣчать какія-то границы, дальше которыхъ работа эта не должна идти.

Съ этой точки зрѣнія мы горячо привѣтствуемъ огромные успѣхи, сдѣланные за послѣднее время украинскимъ культурнымъ движеніемъ».

Вѣнскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.» г. П. Звѣздичъ время-сть-времени знакомить читателей этой газеты съ положеніемъ украинскихъ дѣлъ въ Австріи. Въ № отъ 18-го мая напечатана корреспонденція его о борьбѣ за русинскій (украинскій) университетъ въ Галиціи. Здѣсь выясняются причины замѣчаемаго въ послѣднее время благопріятнаго поворота въ пользу украинцевъ (русинъ) со стороны австрійскихъ правительственныхъ сферъ. Главную роль сыграла при этомъ русская политика относительно російской Украины. «Именно эта политика, которая заставляла украинцевъ обращать свои взоры на Галицію, гдѣ конституціонныя гарантіи если и не открывали широкаго поля дѣятельности, то все-же позволяли по крайней мѣрѣ бороться, открыла, наконецъ, глаза Австріи. Она увидѣла, что можетъ крѣпко привязать къ себѣ не только своихъ поляковъ, которые во всякомъ случаѣ чувствуютъ себя лучше въ Австріи, чѣмъ въ Россіи, но и русиновъ, если дать имъ возможность шире развивать свою культуру въ Австріи, чѣмъ въ Россіи.

Съ этого времени и начинается та эра уступокъ русинамъ, которая позволила имъ обзавестись національными низшими и средними школами, окрѣпить культурно и экономически, раз-

вить свою литературу, занять своими экономическими организациями видное мѣсто въ сельской и городской жизни, создать свою печать, свою крѣпкую политическую организацію, выдвинуть нѣсколько замѣтныхъ научныхъ учреждений и, наконецъ, выдвинуть даже свое право на національный университетъ, ссылаясь при этомъ не просто на свое пожеланіе, но имѣя возможность убѣдительно аргументировать ссылками на необходимость, цѣлесообразность такого «увѣнчанія зданія» созданной ими національной культуры.

Извѣстную роль въ уступчивости Вѣны сыграло и такъ-называемое «москвофильское» движеніе въ Галиціи. Къ нему начали пристраиваться любители политическихъ авантюръ, оно начало питаться «секретными фондами», было вогнуто въ русло официального русскаго націонализма, получило рѣзко-шовинистскую окраску и всѣмъ этимъ сильно себя дискредитировало. Противники «москвофильства» на неопровержимыхъ данныхъ показали демократической Галичинѣ, что «москвофилы» страннымъ образомъ оказываются въ тѣсномъ союзѣ съ самыми реакционными элементами въ Россіи, воздвигающими гоненія на живущихъ въ Россіи украинцевъ, отрицающими конституціонныя основы современнаго государства и т. п.

Когда Вѣна очутилась передъ этими обоими теченіями среди русинскаго населенія, она, наконецъ, поняла, какую ей нужно выбрать линію поведенія. Содѣйствіе національному и культурному развитію русинской народности въ Австро-Венгріи подсказывается не только съ точки зрѣнія принципа равноправія, но и съ точки зрѣнія государственныхъ соображеній».

Народныя бібліотеки на Полтавщинѣ. Въ прошломъ году московское общество грамотности предприняло обслѣдованіе бібліотечнаго дѣла въ пяти губерніяхъ Европейской Россіи путемъ разсылки опроснаго бланка завѣдующимъ народными бібліотеками.

Въ число обслѣдованныхъ губерній вошла одна губернія Украины—Полтавская, какъ одна изъ наиболѣе отсталыхъ въ развитіи народно-бібліотечнаго дѣла.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду выдѣлить тѣ данныя анкеты по Полтавской губерніи, которыя касаются вопроса, насколько народныя бібліотеки этой губерніи обставлены книгами на украинскомъ языкѣ и каковъ спросъ самого населенія на украинскую литературу.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія о 60 народныхъ бібліотекахъ по 11 уѣздамъ Полтавской губ., т.-е. немногимъ больше четверти общаго числа бібліотекъ (215). Само собою разумѣется, что полученные отвѣты не дадутъ исчерпывающей картины состоянія народно-бібліотечнаго дѣла въ Полтавской губерніи, тѣмъ не менѣе, число отвѣтовъ, съ нашей точки зрѣнія, достаточно для того, чтобы стронуть на нихъ нѣкоторые выводы по интересующему насъ вопросу.

Такъ какъ опросный бланкъ былъ общимъ для всѣхъ пяти губерній, подлежащихъ обследованію, то онъ не заключалъ въ себѣ спеціальнаго вопроса, въ какой мѣрѣ бібліотека обслуживаетъ населеніе украинской литературой и каковы запросы въ этомъ отношеніи со стороны взрослого населенія. Поэтому тѣмъ большую цѣнность приобрѣтаютъ указанія корреспондентовъ на необходимость комплектованія бібліотекъ книгами на украинскомъ языкѣ, такъ какъ эти указанія не были продиктованы программой опроснаго бланка, а явились плодомъ живого отклика на запросы читателей со стороны тѣхъ, кто ближе всего стоитъ къ этимъ послѣднимъ.

«Много запросовъ со стороны читателей бываетъ на книги на малорусскомъ языкѣ, которыхъ въ бібліотекѣ нѣтъ»,—пишетъ одинъ корреспондентъ. «Желательны книги на малорусскомъ языкѣ»,—читаемъ въ другомъ отвѣтѣ. «Существенный недостатокъ,—пишетъ одинъ бібліотекаръ,—отсутствіе книгъ на украинскомъ языкѣ. Этимъ объясняется равнодушіе къ книгѣ и газетѣ среди широкихъ массъ населенія».

Спросъ взрослого населенія на украинскую литературу служить лучшимъ показателемъ того, насколько основательны утверждения П. Б. Струве и публицистовъ извѣстнаго лагеря, будто бы національное движеніе на Украинѣ есть дѣло небольшой группы интеллигенціи. Лишь въ 12 бібліотекахъ изъ 60, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, содержатся книги на украинскомъ языкѣ, между тѣмъ въ тѣхъ бібліотекахъ, гдѣ имѣются книги на украинскомъ языкѣ, на первомъ мѣстѣ по читаемости авторовъ стоитъ Шевченко со своимъ безсмертнымъ «Кобзаремъ».

Въ указанныхъ 12 бібліотекахъ имѣется всего 280 книгъ и брошюръ на украинскомъ языкѣ, причемъ въ девяти бібліотекахъ число украинскихъ книжекъ не превышаетъ десятка, и лишь въ двухъ бібліотекахъ оно болѣе или менѣе значительно,—такъ, въ одной бібліотекѣ Зѣньковскаго уѣзда значитъ 92 украинскихъ книжки, въ другой бібліотекѣ, Хорольскаго уѣзда,—128. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ спискомъ книгъ и брошюръ на украинскомъ языкѣ, которыя имѣются въ извѣстныхъ намъ двѣнадцати бібліотекахъ Полтавской губ., и поэтому мы не можемъ судить, насколько является ихъ подборъ удачнымъ.

Слабое развитіе народно-бібліотечнаго дѣла въ Полтавской губерніи, съ одной стороны, и незначительная роль, отводимая украинской литературѣ при комплектованіи бібліотекъ, съ другой, находятся, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи со степенью грамотности самого населенія, которая, въ свою очередь, опредѣляется постановкой преподаванія въ начальной школѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, по переписи 1897 г., на 100 душъ населенія въ Полтавской губерніи приходится грамотныхъ 16,9, между тѣмъ какъ по Европейской Россіи на 100 душъ населенія грамотныхъ—22,9. Среди 34 земскихъ губерній Полтавская губернія, по даннымъ переписи 1897 г., занимаетъ 24-е мѣсто.

Если мы распредѣлимъ населеніе Полтавской губерніи по національностямъ, то окажется, что на 100 украинцевъ прихо-

дится 14,5 грамотныхъ, между тѣмъ какъ на 100 великороссовъ приходится 42 грамотныхъ.

Само собою разумѣется, что если среди украинскаго населенія, которое является преобладающимъ въ Полтавской губерніи, меньше грамотныхъ, чѣмъ среди населенія великорусскихъ губерній, то меньше и число библиотекъ, предназначенныхъ по самой своей цѣли для обслуживанія исключительно грамотнаго населенія.

Что же касается слабаго роста числа грамотныхъ въ Полтавской губерніи, то причина этого кроется, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и теоретическія положенія педагогики, и наблюденія педагоговъ-практиковъ, въ отсутствіи на Украинѣ національной школы.

И если школьное дѣло требуетъ для своего развитія скорѣйшаго проведенія въ жизнь принципа, установленнаго педагогикой,—«преподаваніе въ школѣ должно вестись на родномъ языкѣ населенія»,—то развитіе библиотечнаго дѣла въ Полтавской губ., какъ и вообще въ Украинѣ, тѣсно связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, въ какой мѣрѣ этотъ принципъ найдетъ примѣненіе въ жизни украинской школы при предстоящемъ пересмотрѣ въ законодательныхъ учрежденіяхъ «Положенія о начальныхъ училищахъ».

Когда и какъ будетъ разрѣшенъ крайне важный для Украины вопросъ объ языкѣ преподаванія въ начальной школѣ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ тѣ, кому дорого національное движеніе среди украинскаго народа, должны всѣми мѣрами содѣйствовать его развитію. Поэтому одной изъ очередныхъ задачъ въ народно-библиотечномъ дѣлѣ Украины является всяческое удовлетвореніе запросовъ населенія на украинскую литературу. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ корреспонденты по анкетѣ московскаго общества грамотности, ими же и намѣчается путь, по которому слѣдуетъ идти въ цѣляхъ удовлетворенія запросовъ населенія. Это—выработка списка книгъ при комплектованіи библиотекъ съ участіемъ самихъ читателей и библиотечарей.

Что это путь—единственно правильный, указываютъ намъ состоявшіеся послѣ нашей анкеты съѣзды по библиотечному дѣлу и общеземскій по народному образованію, признавшіе, что библиотеки должны комплектоваться соотвѣтственно запросамъ читателей разнаго возраста, подготовкѣ и національному составу населенія; что въ дѣлѣ комплектованія библиотекъ активная роль должна быть обезпечена какъ библиотечному персоналу, такъ и читателямъ библиотеки въ лицѣ ихъ выборныхъ представителей въ библиотечномъ совѣтѣ, а также въ лицѣ періодически-созываемаго при каждой библиотекѣ общаго собранія всѣхъ ея постоянныхъ читателей.

И если учредители библиотекъ въ дѣлѣ комплектованія ихъ будутъ чутко прислушиваться къ настоятельнымъ требова-

ніямъ жизни, то улучшение качественной стороны народно-библіотечнаго дѣла на Украинѣ будетъ обеспечено.

С. О. Сѣрополко.

Изъ украинской жизни въ Екатеринославщинѣ. Екатеринославская губернія по составу своего населенія является наиболѣе пестрой изъ всѣхъ украинскихъ губерній Россіи. Наряду съ автохтонами-украинцами здѣсь живутъ цѣлыми колоніями великоруссы, нѣмцы, греки, болгары, евреи, а въ послѣднее время, здѣсь стали появляться въ значительномъ числѣ (преимущественно въ городахъ и поселеніяхъ рудничныхъ районовъ) французы, англичане, поляки. Широкое развитіе индустріи наложило уже свой отпечатокъ на бытъ населенія, даже на его внѣшній обликъ, успѣвъ значительно стереть оригинальныя этнографическія черты, и развѣ только въ глухихъ деревняхъ, очень удаленныхъ отъ желѣзной дороги, сохранились и народные костюмы, и разныя мелочи бытового характера, отличающія еще и теперь сосѣднюю Полтавщину или Кіевщину.

Казалось бы, что Екатеринославщина представляетъ наименѣе удобную почву для привитія національнаго украинскаго самосознанія. А между тѣмъ, какъ это ни противорѣчитъ, на первый взглядъ, укоренившимся представленіямъ о томъ якобы неизбѣжномъ исчезновеніи національной фizioноміи и роднаго языка, которое несетъ съ собою фабрика, — Екатеринославщина, и какъ-разъ именно наиболѣе промышленные ея центры, даетъ интересное и поучительное свидѣтельство о противоположномъ: оказывается, что общее поднятіе культурнаго уровня украинскаго крестьянина-рабочаго, тѣсно соприкасающагося съ фабрикой, въ то же время наиболѣе способствуетъ его восприимчивости къ національной идеѣ, способствуетъ пробужденію въ немъ чувства любви къ родному языку и сознательнаго отношенія къ своей народности.

Если вся Екатеринославщина представляетъ собою пеструю смѣсь различныхъ народностей, то самъ Екатеринославъ въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ своей роли столицы интернаціональнаго края. По внѣшнему виду это совсѣмъ новый, европейскаго типа, промышленный городъ, очень отличающійся отъ другихъ губернскихъ городовъ на Украинѣ, — на примѣръ, Полтавы, Чернигова, даже Кіева. Но украинская подпочва чувствуется и въ Екатеринославѣ, несмотря на нивелирующее вліяніе пришлаго городского населенія и всей вообще обстановки торгово-промышленнаго центра. И здѣсь, среди мелкой служащей интеллигенціи, среди ремесленнаго и рабочаго люда, тяготѣніе къ украинству проявляется не только въ стихійномъ влеченіи къ украинскому театру, къ пѣснѣ, но и въ сознательномъ интересѣ къ украинской книжкѣ, прессѣ, къ украинскимъ культурно-просвѣтительнымъ начинаніямъ.

При всѣхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ украинское культурно-національное движеніе въ Екатеринославѣ и его окрестностяхъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Любопытно отмѣтить при этомъ, что многія культурныя начинанія среди украинскаго населенія здѣсь возникаютъ по инициативѣ самихъ рабочихъ или крестьянъ и находятъ поддержку только среди украинской же интеллигенціи, сравнительно слабой и малочисленной, со стороны же русскихъ организаций и частныхъ лицъ, даже опредѣленно прогрессивнаго направленія, встрѣчаютъ въ лучшемъ случаѣ холодное равнодушіе.

Екатеринославъ при его болѣе чѣмъ 200-тысячномъ населеніи очень бѣденъ культурно-просвѣтительными учрежденіями. Изъ таковыхъ имѣютъ здѣсь «Научное общество» (собственно говоря, не «научное» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а народно-просвѣтительное), «Просвѣтительное общество имени Голя» ; губернская ученая архивная коммиссія, устраивающая время-отъ-времени публичныя засѣданія съ рефератами, докладами и сообщеніями и популярныя лекціи; наконецъ—украинская «Просвіта».

Екатеринославская «Просвіта», основанная въ концѣ 1905 года, въ первые четыре года своего существованія проявила весьма интенсивную дѣятельность, устраивая въ собственномъ помѣщеніи популярныя чтенія, спектакли, концерты; были попытки изданія популярной газеты («Добра Порада», въ 1906 г., скоро закрывшаяся вслѣдствіе преслѣдованій администраціи); были основаны филиальныя отдѣленія въ нѣсколькихъ селахъ Екатеринославской губерніи. Но съ 1909 года дѣла «Просвіты» пошли плохо. Общій упадокъ общественной жизни и все усиливавшіяся придирки со стороны администраціи парализовали дѣятельность «Просвіты» почти на цѣлыхъ два года, и только съ осени минувшаго года, екатеринославская «Просвіта» нѣсколько оживилась, устроивъ два очень удачныхъ концерта съ украинскими рефератами. Но въ то время, какъ центральная «Просвіта» въ городѣ почти бездѣйствовала, проявило очень большую жизнеспособность филиальное ея отдѣленіе въ пригородномъ селѣ Мануйловкѣ, составляющемъ почти предмѣстье Екатеринослава, вблизи многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ, и населенномъ крестьянами, которые почти всѣ работаютъ на сосѣднихъ заводахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Украинское національное самосознаніе пустило крѣпкіе корни среди мануйловчанъ, въ особенности среди работающихъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ поселка Нижнеднѣпровска. Достаточно сказать, что ими выписывается ежегодно около 40 экземпляровъ украинской ежедневной «Рады» и почти всѣ украинскія періодическія изданія, даже изъ Галиціи. Образовавъ филию «Просвіты», мануйловчане построили собственное каменное зданіе съ заломъ-аудиторіей стоимостью около 5,000 рублей; нѣкоторая часть денегъ была собрана путемъ пожертвованій, но большую часть внесли сами мануйловцы, заложивъ для этого въ банкъ свои усадьбы. «Просвіта» въ Мануйловкѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова по-

строенная руками своихъ членовъ и торжественно освященная осенью 1910 года, сдѣлалась настоящимъ культурнымъ очагомъ для ряда смежныхъ поселковъ вмѣстѣ съ с. Мануйловкою. Здѣсь учреждена небольшая библіотека, производящая также книжную торговлю и комиссіонную выписку журналовъ; устраиваются спектакли, литературно-музыкальные вечера, посвящаемые памяти кого-либо изъ извѣстныхъ украинскихъ писателей, съ рефератами о нихъ; устраиваются семейные вечера и елки для дѣтей; при «Просвѣтѣ» открыта и потребительская лавка. Нечего и говорить, какое общественно-воспитательное и культурное значеніе имѣетъ эта «Просвіта» для своего околотка. Но она приобрѣтаетъ еще и болѣе широкое значеніе: увлеченные примѣромъ мануйловчанъ, крестьяне нѣсколькихъ ближайшихъ селъ также задумали открыть у себя «Просвіту», и съ осени 1911 года начали поступать въ екатеринославскую «Просвіту» объ этомъ заявленія изъ селъ Діевки, Перещепиной, Запорожья-Каменского. Администрація дала пока разрѣшеніе только для с. Перещепинаго Новомосковского уѣзда, и здѣсь въ концѣ марта текущаго года состоялось съ большой для деревни торжественностью, открытіе «Просвіты», въ которую сразу же записалось нѣсколько десятковъ членовъ, преимущественно мѣстныхъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, администрація не разрѣшаетъ мануйловской «Просвѣтѣ» популярныхъ лекцій не только по исторіи или по литературѣ, но и по сельскому хозяйству или коопераціи. Просвітяне, работающіе въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, сдѣлали попытку организовать лекціи у себя въ мастерскихъ, въ столовой для рабочихъ. Желѣзнодорожная администрація дала свое разрѣшеніе. Черезъ правленіе библіотеки служащихъ въ мастерскихъ рабочіе обратились въ екатеринославское «Научное общество» съ просьбой прислать лекторовъ. Но оттуда былъ полученъ отвѣтъ, что лекторы согласны читать при условіи, если аудиторія будетъ состоять не менѣе чѣмъ изъ 500 слушателей. Затрудняясь гарантировать такую аудиторію, правленіе обратилось въ екатеринославскую «Просвіту», лекторъ которой согласился читать безъ всякихъ условій и прочелъ рядъ лекцій (платныхъ) по мѣстной исторіи на украинскомъ языкѣ. На первую лекцію явилось 160 слушателей, на вторую—200, на третью—260. Большой интересъ встрѣтили со стороны аудиторіи и беллетристическія чтенія на украинскомъ языкѣ въ той же столовой желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Тамъ же въ 1911 г. былъ устроенъ Шевченковский вечеръ, чистый сборъ съ котораго — 70 руб.— былъ обращенъ на приобрѣтеніе большого портрета поэта, спеціально написаннаго однимъ мѣстнымъ художникомъ. Портретъ этотъ украшаетъ залу столовой рядомъ съ такимъ же портретомъ Л. Н. Толстого.

Заговоривъ о «Научномъ обществѣ», не можемъ не отмѣтить его вообще страннаго, если не сказать больше, отношенія къ мѣстнымъ особенностямъ населенія,—напримѣръ, къ украинскому языку. Общество, ставящее себѣ цѣлью народное просвѣщеніе, избѣгаетъ всего, что только связано съ мѣстнымъ краемъ,

его исторіей, языкомъ, литературой. Когда, весной 1911 года, въ комиссію народныхъ чтеній о-ва, было внесено одной дамой предложеніе устраивать чтенія на окраинахъ города по-украински, то оно вызвало цѣлую бурю. Члены комиссіи стали на «принципальную» точку зрѣнія, и большинствомъ голосовъ предложеніе было отвергнуто. Правда, когда этотъ неожиданный для многихъ инцидентъ былъ вынесенъ на страницы украинской печати, то правленію о-ва пришлось публично изъяснить нѣчто вродѣ сожалѣнія о случившемся и высказать свои симпатіи къ украинству; но эти симпатіи такъ и остались въ сферѣ платоническихъ чувствъ, ибо прошелъ съ того времени годъ, а Научное общество въ своей дѣятельности ничѣмъ не подтвердило этихъ симпатій. Даже въ такъ-называемыхъ «народныхъ концертахъ», устраиваемыхъ о-вомъ регулярно въ его собственномъ зданіи, на окраинѣ города; въ программу ни разу не было включено ни одного украинскаго номера музыки или пѣнія. И это въ городѣ, въ которомъ на каждомъ крупномъ заводѣ, гдѣ только существуютъ любительскіе драматическіе кружки изъ рабочихъ, исключительно ставятся украинскія пьесы, гдѣ украинская пѣсня и музыка находятъ себѣ мѣсто даже въ казенныхъ школахъ, гдѣ, наконецъ, черносотенное «просвѣтительное о-во имени Гоголя», допускаетъ украинскіе спектакли. Станнымъ кажется добровольная обрусительная миссія со стороны прогрессивнаго общества, существующаго на украинской территоріи, но не признающаго своей обязанностью считаться съ ея національными особенностями.

Даже официальная «архивная комиссія», въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ближе къ мѣстной жизни, такъ какъ ея доклады и лекціи посвящаются исключительно мѣстному краю и его коренному населенію. Въ своихъ изданіяхъ архивная комиссія печатаетъ матеріалы по исторіи Запорожья, народныя украинскія преданія и пѣсни, а въ 50-ю годовщину смерти Т. Г. Шевченка, въ февралѣ 1911 года, устроила торжественное засѣданіе съ цѣлымъ рядомъ докладовъ, посвященныхъ великому украинскому поэту.

Впрочемъ, не одно только екатеринославское «Научное общество» относится съ такимъ пренебреженіемъ къ мѣстному украинскому населенію, изображая изъ себя нѣкій аристократическій оазисъ среди моря украинскаго плебса. И кievскія, и харьковскія просвѣтительныя общества не безгрѣшны въ этомъ отношеніи. И печальнѣе всего то, что такимъ отношеніемъ къ украинству часто грѣшатъ люди, искренно желающіе прийти народу на помощь въ его темнотѣ, но не сознающіе или не желающіе понять, что просвѣщеніе скорѣе всего воспринимается тогда, когда его предлагаютъ въ наиболѣе близкой и понятной народу формѣ:—родной рѣчи.

М. Ж.

Изъ жизни петербургской украинской колоніи. Петербургскій украинецъ, читая въ газетахъ сообщенія о живой дѣятельности ближайшей къ Петербургу московской украинской колоніи, долженъ испытывать нѣкоторое чувство зависти.

Послѣ оживленія украинской жизни, имѣвшаго мѣсто въ 1906—1907 гг., въ петербургской украинской колоніи наступилъ длительный антрактъ. Истекшій сезонъ также не далъ никакихъ основаній думать, что этотъ антрактъ близокъ къ концу. Украинская жизнь носила въ немъ тотъ же характеръ—шла медленно и вяло. И петербургскому украинцу остается только завидовать другимъ счастливымъ мѣстамъ съ болѣе интенсивной жизнью.

Въ вялости жизни послѣдняго сезона немалую роль сыграли неизбѣжныя «независящія обстоятельства». Въ Петербургѣ, этомъ центрѣ теперешней травли на украинство со стороны Меншикова и К^о, «независящія обстоятельства» оказались болѣе интенсивными, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ ихъ тискахъ организація, объединяющая наиболѣе широкіе круги украинцевъ,—украинскій клубъ «Громада»—пребывала весь послѣдній сезонъ. Круглый годъ подѣ различными предлогами запрещалось «Громадѣ» устройство вечеровъ для своихъ членовъ—танцевальныхъ, музыкальныхъ, литературныхъ. Не имѣя собственнаго помѣщенія, лишенная возможности развивать свою дѣятельность въ сколько-нибудь значительномъ масштабѣ, «Громада» должна была свести свою работу къ минимуму.

При ней былъ наново организованъ хоръ, она же устроила традиціонный Шевченковскій вечеръ,—къ этому сводится почти вся дѣятельность «Громады» въ послѣднемъ сезонѣ.

Разумѣется, при большей активности мѣстныхъ украинскихъ круговъ «Громада» могла бы пережить тяжелыя времена, но при данномъ положеніи вещей независящія обстоятельства могутъ сыграть для нея,—мы боимся,—роковую роль.

Наиболѣе крупный фактъ въ дѣятельности «Громады» въ истекающемъ сезонѣ,—фактъ, о которомъ мы только-что упомянули,—это—устройство Шевченковскаго вечера. Устроенный едва ли не въ наибольшемъ залѣ въ Петербургѣ, этотъ вечеръ привлекъ много народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ сборъ былъ очень далекъ отъ полнаго и публика уходила съ вечера не вполне удовлетворенной. Едва ли не наибольшую роль сыгралъ въ этомъ случаѣ неудачный выборъ помѣщенія: концертъ былъ устроенъ въ громадномъ залѣ скетингъ-ринга, по своему устройству совершенно не приспособленномъ для вечеровъ.

Дѣятельность двухъ другихъ украинскихъ организацій въ Петербургѣ—издательскаго общества («Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ») и общества помощи учащимся уроженцамъ юга Россіи имени Т. Г. Шевченко—протекала внѣ особаго вниманія къ ней и поэтому носила болѣе нормальный характеръ. Въ дѣятельности издательскаго общества необходимо отмѣтить кстати изданіе цѣнной школьной хрестоматіи С. Черкасенка «Рідна школа».

Оба эти общества, въ силу своихъ специальныхъ задачъ, объединяя менѣе широкіе круги украинской петербургской колоніи, въ общей жизни ея играютъ сравнительно второстепенную роль.

Отдѣльно отъ жизни этихъ организацій, въ значительной степени самостоятельно и независимо протекала жизнь въ украинскихъ организаціяхъ молодежи. Истекающій сезонъ для нихъ былъ сравнительно благопріятенъ. Студенческими громадами было устроено нѣсколько украинскихъ вечеровъ, въ большинствѣ удачныхъ съ матеріальной стороны, и благодаря этому ряду «Громадъ» удалось наладить свой бюджетъ, пополнить библіотеки, оказать помощь неимущимъ товарищамъ. Къ сожалѣнію, это матеріальное укрѣпленіе громадъ не сопровождается или почти не сопровождается усиленіемъ культурной работы, которую также включаютъ громады въ число своихъ задачъ. Въ истекающемъ сезонѣ въ этой области для громадъ были характерны та же несистематичность, поверхностность и дилеттантизмъ, которые господствовали здѣсь и ранѣе.

Изъ предпріятій громадъ, представляющихъ болѣе широкій интересъ, необходимо отмѣтить выставку образцовъ украинской архитектуры, устроенную «Громадою» студентовъ института гражданскихъ инженеровъ. По отзыву специалистовъ, эта выставка была устроена тщательно и представляла значительный интересъ.

Нѣкоторое оживленіе было внесено въ жизнь петербургскихъ украинцевъ пріѣхавшей въ Петербургъ труппой Гайдамаки; правильнѣе сказать, не столько ею, сколько гастрольями въ ней М. К. Заньковецкой. Торжественное празднованіе 30-лѣтняго юбилея дѣятельности великой артистки, чтеніе ряда адресовъ отъ украинскихъ организацій, цвѣты и безконечныя оваціи—все это создало небывалый для Петербурга подъемъ.

При такомъ тонѣ украинской жизни въ Петербургѣ не удивительно, что чужіе и знаютъ, и пишутъ о насъ мало, а если и пишутъ, то очень часто такъ, что лучше бы и совсѣмъ не писали.

Какъ характерный образчикъ писаній послѣдняго рода можно привести одну изъ рецензій на украинскій вечеръ, посвященный Т. Г. Шевченку,—вечеръ, о которомъ изъ года въ годъ упоминаютъ почти всѣ петербургскія газеты. Въ этомъ году вечерняя «Биржевка» Прдоппера,—газета, которую читаетъ «весь Петербургъ»,—помѣстила рецензію на Шевченковскій вечеръ, принадлежащую бойкому перу ея постоянного рецензента... борьбы въ циркахъ. Рецензентъ, одинаково компетентный въ вопросахъ французской борьбы и украинской музыки, съ цирковой легкостью далъ оцѣнку «хохлацкаго» вечера. Кромѣ эстетическаго вкуса, онъ постарался проявить также и свои филологическія знанія и высказалъ рядъ остроумныхъ соображеній о томъ, какъ это смѣшно будетъ, если «русское» слово «Спортингъ-Палась» (залъ, гдѣ былъ вечеръ) сдѣлать украинскимъ.

Приводимъ эту мелочь какъ образчикъ того отношенія къ петербургскимъ украинцамъ, которое существуетъ при данномъ

размахъ мѣстной украинской жизни. Она характерна, такъ какъ въ ней выясняется тотъ средній петербуржецъ, который создаетъ общественное мнѣніе и которому усиленно потрафляетъ газета г. Проппера. вмѣстѣ съ тѣмъ она до извѣстной степени есть свидѣтельство посторонняго о темпѣ жизни въ петербургской украинской колоніи.

В. С.

Передъ выборами въ Одессѣ. Послѣ удаленія ген. Толмачева, который своими безусловными запрещеніями предвыборныхъ собраній и агитаци и преслѣдованіями за всякое проявленіе прогрессивной мысли, раздѣлилъ чрезвычайно просто все населеніе на патріотовъ и революціонеровъ, въ Одессѣ предвыборныя отношенія чрезвычайно усложнились. На общественную арену открыто выступили теперь со своими взглядами и требованіями сіонисты, безразличныя въ національномъ смыслѣ еврейскія группы, украинцы, народники и пр. Въ заявленіяхъ представителей національныхъ группъ, именно сіонистовъ и украинцевъ, и лѣвыхъ партій обращаетъ прежде всего на себя вниманіе рѣзко выраженное недовольство по поводу поведенія мѣстнаго комитета партіи к.-д. на предыдущихъ выборахъ (во 2-ю и 3-ю Думу). Нареканія направлены главнымъ образомъ на то, что кадетскій комитетъ, состоящій изъ незначительнаго и замкнутаго кружка лицъ, олигархически заправляетъ предвыборной агитаціей, не считается съ интересами другихъ безусловно прогрессивныхъ теченій, намѣчаетъ кандидатуры иногда далеко не популярныя лицъ, въ смыслѣ интеллектуальнаго ценза весьма безцвѣтныхъ и не всегда безукоризненныхъ въ отношеніи чистоты убѣжденій. Эти упреки относятся къ нынѣшнему депутату А. И. Никольскому только въ томъ смыслѣ, что его депутатская дѣятельность не считается достаточно яркой; кандидатуры же по первой куріи въ 3-ю Гос. Думу гг. Бродскаго и Чаушанскаго были прямо-таки неудовлетворительными: первый отказался отъ депутатскихъ полномочій, убоявшись черносотенной травли, второй потерпѣлъ неудачу по цѣлому ряду причинъ, и ген. Толмачеву собственно не слишкомъ пришлось и стараться, чтобы устроить провалъ непопулярному кандидату.

Въ начавшуюся нынѣ кампанію съ особенно рѣзкими заявленіями выступили украинцы, жалуясь на невозможность приступить къ какому бы то ни было переговорамъ вслѣдствіе неприступности той стѣны, которою оградилъ себя кадетскій комитетъ. Въ частности ими было заявлено, что если соглашеніе группъ не будетъ достигнуто и не будетъ основанъ внѣпартійный прогрессивный комитетъ, то украинцы выставятъ свои собственные кандидатуры по первой и второй куріямъ, не считаясь съ рѣшеніемъ кадетскаго комитета. При этомъ были названы и имена кандидатовъ.

Изъ двухъ большихъ одесскихъ газетъ одна, «Одесскія Новости», воздерживается пока отъ опредѣленной позиціи въ отно-

шеніи предвыборной агитаціи за тѣхъ или иныхъ кандидатовъ, но охотно помѣщаетъ замѣтки и бесѣды, поддерживающія идею основанія прогрессивнаго блока. Другая газета, «Одесскій Листокъ», давая мѣсто украинскимъ выступленіямъ, не оставляетъ ни одно изъ нихъ безъ полемическихъ прибавленій, изъ которыхъ ясно, что газета цѣликомъ раздѣляетъ взгляды мѣстнаго кадетскаго комитета и занимается апологіей дѣятельности его. Въ полемикѣ между украинскимъ кандидатомъ и сотрудникомъ «Од. Листка» г. Новымъ неприятно поражаетъ обиліе личныхъ выпадовъ и мелкихъ придирокъ, что, къ сожалѣнію, легко можетъ представить позицію украинцевъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Такъ, уже сдѣланъ некрасивый выпадъ по адресу «человѣка, размечтавшагося о депутатствѣ», между тѣмъ какъ дѣло здѣсь гораздо серьезнѣе, чѣмъ личные цѣли и виды.

Общее положеніе таково, что законъ 3-го іюня лишилъ украинцевъ собственного представительства въ Государственной Думѣ. Народная масса лишена возможности проводить дѣйствительныхъ защитниковъ своихъ интересовъ, а украинской интеллигенціи почти закрытъ доступъ къ крестьянству. При иномъ избирательномъ законѣ можно было бы быть менѣе настойчивымъ въ городскихъ выборахъ. Теперь же выборы по Кіеву и Одессѣ безусловно должны быть использованы украинцами: украинская интеллигенція либо должна провести отсюда въ Государственную Думу своихъ кандидатовъ, либо имѣть абсолютную гарантію, что кандидатъ другой партіи поведетъ въ Думѣ энергичную защиту украинскихъ интересовъ. До сего времени кадетская партія, на которую украинцами возлагались большія надежды, не слишкомъ громко и не очень горячо отстаивала случайные пункты законопроектовъ, касавшіеся Украины, и выступленія кадетскихъ лидеровъ никогда не могли порадовать знаніемъ украинскаго вопроса и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній. Въ частности, депутатъ отъ Одессы А. И. Никольскій своимъ послѣднимъ выступленіемъ по холмскому вопросу устранилъ пріемлемость для украинцевъ его кандидатуры, на которой, кстати сказать, кадетскій комитетъ уже остановился и для 4-й Думы. Непосредственно послужила созданію отрицательнаго отношенія украинцевъ къ деп. Никольскому статья О. Бѣлоусенка въ III кн. «Украинской Жизни» («Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ»), газета «Рада» въ № 77, а также д-ръ І. Луценко, въ письмѣ въ редакцію «Одесскаго Листка» указавшій, что г. Никольскій, во-первыхъ, подписалъ особое мнѣніе польскихъ членовъ думской комиссіи, весьма одностороннее, тенденціозное и несправедливое, поскольку въ немъ обойдены были интересы украинскаго народа, и, во-вторыхъ, испросивъ для своего свѣдѣнія мнѣніе проф. М. Грушевскаго по холмскому вопросу, прочиталъ затѣмъ его письмо въ Гос. Думѣ, причемъ назвалъ его фанатикомъ украинской идеи.

Грубая ошибка дѣятелей здѣшней кадетской партіи заключается въ томъ, что они считаютъ, будто бы украинцы—это вообще кадеты и только въ частности представители опредѣленной

національной идеи. Нужно признать, что въ этой ошибкѣ виноваты прежде всего тѣ gente-украинцы и nationé-«общероссы», которые пребываютъ въ рядахъ партіи к.-д. и не сознаютъ двойственности и ложности своего положенія. Если украинцы-кадеты не считаютъ возможнымъ примкнуть къ совершенно аналогичной украинской политической партіи (радикально-демократической), то ясно, что они являются прежде всего російскими дѣятелями, признающими самостоятельную украинскую культуру лишь по кадетскому рецепту, т. е. только «въ извѣстныхъ предѣлахъ», ихъ же не преjdeши.

Въ связи съ общимъ недовольствомъ дѣятельностью партіи к.-д. и въ виду непонятнаго упорства мѣстнаго к.-д. комитета въ вопросахъ демократизаціи предвыборной кампаніи, въ Одессѣ на-зрѣла мысль объ основаніи внѣпартійнаго комитета, и комитетъ этотъ уже основанъ. Въ него входитъ представитель украинскихъ дѣятелей, и мѣстные украинцы могутъ быть увѣрены, что украинскія требованія будутъ въ немъ правильно и опредѣленно поставлены, а украинская кандидатура будетъ объективно обсуждаться наравнѣ съ другими. Таковъ реальный результатъ самостоятельнаго выступленія украинскихъ избирателей.

Ан. Яр.

Перемѣны въ редакціи «Літературно-Наукового Вістника». Въ четвертой книжкѣ «Літературно-Наукового Вістника» напечатано слѣдующее письмо проф. Мих. Грушевскаго: «Пять лѣтъ назадъ, когда условія украинской жизни вызвали необходимость перевода изданія «Літературно-Наукового Вістника» въ Кіевъ, я долженъ былъ, по техническимъ причинамъ, взять на себя главное руководство журналомъ, не считая возможнымъ отказаться отъ этой работы въ виду требованій нашей жизни. Это было осенью 1906 г. За эти пять лѣтъ ту цѣль, изъ-за которой предпринята была упомянутая перемѣна, я считаю въ значительной степени достигнутой. Съ другой стороны, техника журнала наладилась: обезпечено постоянное участіе въ немъ цѣлаго ряда выдающихся сотрудниковъ, значительно расширился и усилился кругъ читателей по обѣ стороны границы. Я считаю, что теперь могу возвратиться снова въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ журнала, и дѣлаю это съ настоящей книжки его. Всѣмъ, кто оказывалъ помощь мнѣ и журналу за это время, приношу настоящимъ письмомъ искреннюю благодарность и надѣюсь, что они и дальше не откажутъ ему въ симпатіяхъ и поддержкѣ, чтобы общими усиліями можно было намъ удержать нашъ органъ на высотѣ требованій и задачъ современной украинской жизни. *М. Грушевскій*».

Перепечатывая письмо проф. М. Грушевскаго, мы не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу оставленія имъ главнаго руководства украинскаго журнала. Послѣдній благодаря инициативѣ, умѣнью, такту и личному литературному уча-

стію руководителя сдѣлался наиболѣе популярнымъ среди украинской читающей публики изданіемъ и оказалъ крупныя услуги въ дѣлѣ познанія украинской дѣйствительности, не говоря уже о той громадной роли, какую онъ сыгралъ въ національно-культурномъ творчествѣ украинцевъ. На страницахъ «Л.-Н. Вѣстника» были помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія украинскихъ писателей какъ въ сферѣ изящнаго искусства, такъ и въ различныхъ областяхъ украиновѣдѣнія и всякаго иного знанія. И если въ данное время нельзя представить болѣе или менѣе интеллигентнаго украинца, который бы не читалъ «Л.-Н. Вѣстника», то въ этомъ значительная часть заслуги принадлежитъ его идейному руководителю.

Будемъ надѣяться, что съ переходомъ редактированія журнала въ другія руки журналъ будетъ продолжать служить тѣмъ традиціямъ и сохранить то же направленіе, какъ и при прежнемъ руководителѣ его. Составъ ближайшихъ сотрудниковъ журнала, при новой редакціи намѣченъ слѣдующій: В. Винниченко, М. Галетеръ, М. Грушевскій, М. Евшанъ, О. Кобилянская, М. Коцюбинскій, В. Леонтовичъ, Леся Украинка, О. Олесь, Л. Старицкая-Черняхивская, Л. Цегельскій. Изданіе переходитъ въ руки Л. Старицкой-Черняхивской,—завѣдываніе журналомъ (въ кievскомъ его изданіи)—въ руки О. Олесь.

«Правда» гр. Бобринскаго о Галиціи. Если читатели ознакомились съ обзоромъ украинской жизни въ настоящей книжкѣ журнала, то они имѣютъ представленіе о тѣхъ средствахъ, которыя примѣняются гр. В. Бобринскимъ и иже съ нимъ для фабрикаціи москвофиловъ въ Галичинѣ. Но гр. В. Бобринскій этимъ не ограничивается. Ему удалось пробраться на страницы вліятельнѣйшей англійской газеты „Times“ съ облыжнымъ письмомъ о тягостномъ положеніи въ Галичинѣ имъ же самимъ измышленныхъ русскихъ.

Въ Галичинѣ живетъ 4 милліона украинцевъ, или русинъ, которые всѣ, за единичными исключеніями, принадлежатъ къ униатскому вѣроисповѣданію, и одинъ изъ нихъ въ письмѣ, которое напечатано въ томъ же «Times'ѣ» (отъ 29-го апрѣля) разоблачилъ гр. В. Бобринскаго передъ европейскою публикою. Приводимъ это письмо въ русскомъ переводѣ.

«М. Г. Позвольте мнѣ, какъ украинцу, сказать нѣсколько словъ по поводу письма гр. В. Бобринскаго, напечатаннаго въ вашей газетѣ отъ 10-го сего апрѣля подъ заглавіемъ «Религіозныя преслѣдованія въ Галиціи». Долженъ признаться, что я былъ крайне удивленъ, когда увидалъ это письмо на страницахъ вашей газеты.

Про какихъ «русскихъ» говоритъ гр. В. Бобринскій? Въ Галиціи нѣтъ никакихъ русскихъ. На какія преслѣдованія русскаго языка онъ жалуется? Здѣсь никто не говоритъ по-русски.

Гр. В. Бобринскій эксплуатируетъ сходство словъ «русинъ» (a Authenian) и „русскій“ (a Russian) и этимъ пытается затемнить глаза англійской публикѣ. Какъ смѣетъ онъ говорить

объ исторической церкви нашего народа въ Галиціи какъ объ интригѣ іезуитовъ? Какъ не колеблется онъ бросать публичное оскорбленіе по адресу нашего митрополита гр. Шептицкаго, челоуѣка высоко-патріотическаго, къ которому съ искреннимъ расположеніемъ относится все наше общество?

Въ этомъ письмѣ гр. В. Бобринскаго нѣтъ ни единой строчки, которая въ томъ или иномъ отношеніи не противорѣчила бы правдѣ. Ни одинъ изъ православныхъ священниковъ не сидитъ въ тюрьмѣ въ Галиціи за свои религіозныя убѣжденія. Да, собственно говоря, и православныхъ-то священниковъ тамъ всего нѣсколько. Не имѣли также мѣста у насъ за послѣднее время никакія вмѣшательства полиціи въ религіозныя дѣла, и если бы украинцы не страдали отъ гнета польскихъ магнатовъ, то у русскихъ не было бы никакого повода для ихъ выступленій въ пользу русиновъ, тѣмъ болѣе, что нашъ народъ страдаетъ еще больше на югѣ Россіи, на Украинѣ, гдѣ даже библія, изданная на нашемъ языкѣ Британскимъ библейскимъ обществомъ, была ожесточенно преслѣдуема товарищами гр. В. Бобринскаго.

Заканчивая это письмо, я выскажу тоже самое *pium desiderium*, какое высказывалъ гр. Бобринскій въ своемъ письмѣ: «Пусть кто-нибудь изъ англійскихъ писателей заглянетъ въ нашу Галицію и Восточную Угрію и пусть онъ увидитъ собственными глазами, что тамъ дѣлается. Тогда онъ убѣдится во очію, что греко-католическій украинскій народъ, «униатская» вѣра котораго есть его историческая вѣра, славно борется за улучшеніе своей судьбы и что онъ, этотъ народъ, требуетъ не того отношенія къ нему, какое пытается вызвать гр. В. Бобринскій въ британской прессѣ».

Къ исторіи цензурныхъ отношеній къ украинскому слову.
Если участь русскаго печатнаго слова при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни тяжела, то положеніе украинской печати вдвое несноснѣе.

О томъ, какой цензурный произволь господствуетъ по отношенію украинской печати, накопилось уже много пикантнаго матеріала. Но вотъ еще одинъ штрихъ.

Пишущій эти строки помѣстилъ въ № 17, отъ 21-го апрѣля, русско-украинскаго еженедѣльника «Огни», выходящаго въ Кіевѣ, статью «Борець лихоліття», посвященную памяти умершаго два года тому назадъ украинскаго писателя Б. Д. Гринченко; причѣмъ къ статьѣ этой былъ приложенъ автографъ письма покойнаго, — письма самаго невиннаго, какъ увидитъ читатель ниже.

Согласно дѣйствующихъ временныхъ правилъ о печати, для всякихъ рисунковъ, портретовъ и т. п., а также и для автографовъ сохранена предварительная цензура, и, прежде, чѣмъ напечатать тотъ или иной автографъ, надо получить отъ цензуры соотвѣтствующую разрѣшительную надпись на оттискѣ. Такого рода оттискъ съ клише, изображающаго письмо Б. Д. Гринченко, былъ посланъ въ кіевскій цензурный комитетъ, и этотъ послѣд-

ній продѣлалъ съ этимъ письмомъ такого рода манипуляцію: онъ оставилъ ровно четыре начальныхъ строки письма и подпись автора его съ датой, а все остальное содержаніе перекрестилъ краснымъ карандашемъ. Такимъ образомъ, въ журналѣ появились эти четыре строчки, ничего собой не выражающія, и пустое мѣсто между этими строчками и подписью въ $\frac{1}{4}$ аршина длины, т.-е. почти въ цѣлый столбецъ журнала.

— Что же это за крамольное письмо?—спросить читатель.

Мы имѣемъ полную возможность отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ пишущій эти строки предусмотрительно указываетъ въ своей статьѣ «Борець лихоліття», что переписка его съ покойнымъ писателемъ была напечатана полностью въ кievскомъ же педагогическомъ журналѣ «Сітло» въ книжкѣ за апрѣль 1911 года. Вотъ это письмо (приводимъ ту часть его, которая предназначалась для «Огней»):

«.....Питаєте мене,—що Ви можете робити для українського письменства. Певне Ви ліпше знаєте свої сили і можете рішити, до якої праці братися. Я ж можу тільки сказати Вамъ взнагалі де-що в цій справі. Пекуча тепер у нас потреба: дати народові приступну йому і ціною, і змістомъ, і формою літературу. Коли ми не дамо народові цієї літератури своєю мовою, то народ читатиме книжки, як і досі, мовою чужою, і буде й далі тягтися той ненормальний факт, що просвіта несе намъ темряву, бо—яко чужомовна—денационалізує, а чрез те й деморалізує наш народ. Отож і треба тепер яко мога більше виготувати й видати дешевих книжок науково-популярних, утилітарного змісту й красної словесности. Найпотрібніше тепер науково-популярного та утилітарного змісту..... *Щиропривітний до Вас Б. Грінченко*».

Подчеркнутыя здѣсь строки милостиво пропущены цензурой, а все остальное содержаніе письма, выражающаго взглядъ покойнаго писателя на необходимость просвѣщенія народныхъ массъ украинскихъ, признано опаснымъ для общественнаго порядка... если оно будетъ воспроизведено цинкографическимъ способомъ...

Гр. Гетьманецъ.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Не откажите въ ближайшей книжкѣ вашего уважаемаго журнала помѣстить слѣдующее мое разъясненіе по поводу воспоминаній Х. Д. Алчевской въ части, касающейся покойнаго моего мужа Б. Д. Гринченка.

Упомянувъ о томъ неодобреніи, какое проявляли «иные изъ узкихъ патріотовъ» по отношенію къ ея просвѣтительной

дѣятельности, г. Алчевская прибавляетъ: «Однако, бывали случаи, когда я расходилась во взглядахъ съ людьми, которыхъ глубоко уважала и которымъ горячо симпатизировала, какъ людямъ даровитымъ, фанатически любящимъ свой народъ. Таковъ былъ Б. Д. Гринченко... Когда мы купили имѣніе въ Екатеринославской губерніи, я первымъ долгомъ устроила тамъ народную школу и мечтала объ идейномъ учителѣ. Мнѣ указали на поэта Гринченко... Послѣ лестной характеристики послѣдняго г-жа Алчевская въ такомъ видѣ излагаетъ причины своего расхожденія съ нимъ: «Говорятъ, что у каждаго человѣка бываетъ свой пунктъ помѣшателства. Моимъ пунктомъ была мысль обучить какъ можно больше женщинъ грамотѣ. Мнѣ казалось всегда, что мужчины гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи. Что чувствовалось мною, конечно, и въ деревнѣ, при открытіи школы, и когда я уѣзжала на 3 мѣсяца за границу, въ ней было нѣсколько дѣвочекъ, «первыхъ ученыхъ женщинъ въ деревнѣ», какъ шутя называли мы ихъ... Возвращаюсь я изъ-за границы, вхожу въ школу и не вижу ни одной дѣвочки. Оказывается, что Б. Д. не сдѣлалъ новаго приѣма (?), находя, что не слѣдуетъ калѣчить украинскую женщину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ. Это было причиною того, что мы разстались съ нимъ, хотя отношенія наши до конца его жизни не переставали быть доброжелательными».

Очевидно, память нѣсколько измѣнила Х. Д. Алчевской, и потому приведенное ея сообщеніе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Среди бумагъ покойнаго сохранились письма г-жи Алчевской къ нему и черновыя многихъ отвѣтныхъ писемъ, и эта переписка даетъ отношеніямъ корреспондентовъ иное освѣщеніе. Не полагаясь исключительно на свою память, хотя я очень хорошо помню условія нашей съ покойнымъ мужемъ совмѣстной работы въ школѣ г-жи Алчевской, я свои возраженія буду обосновывать на упомянутой перепискѣ.

Прежде всего Б. Д. вовсе не былъ первымъ учителемъ въ основанной г-жей Алчевской школѣ. Въ сохранившемся среди бумагъ прошеніи г-жи Алчевской на имя инспектора народныхъ училищъ, помѣченномъ 10-го іюня 1890 г., находимъ просьбу о разрѣшеніи устроить школьный актъ «по случаю 10-лѣтія Алексѣевской школы». Б. Д. поступилъ учителемъ въ эту школу въ 1887 г., слѣдовательно, въ теченіе 7 лѣтъ школа находилась подъ руководствомъ иныхъ лицъ. Подтверженіе этого находимъ и въ письмахъ г-жи Алчевской. Вполнѣ соглашаясь съ Б. Д. насчетъ крайней запущенности школы и неудовлетворительной постановки школьнаго дѣла, въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ (7-го октября 1887 г.) г-жа Алчевская такъ отзывается о нашемъ предшественникѣ-учителѣ: «Я видѣла, что В. М. опускается съ каждымъ годомъ, почему и разсталась съ нимъ...; но что онъ упалъ такъ низко, этого, признаться, я не думала». «Вы пожинаете чужой посѣвъ»,—прибавляетъ она въ томъ же письмѣ, предлагая Б. Д. взять на годъ помощника въ виду

крайне неудовлетворительнаго состоянія школы и необходимости поэтому особенно энергичныхъ занятій.

Эта неточность въ воспоминаніяхъ г-жи Алчевской сама по себѣ не имѣла бы значенія, если бы не была соединена съ другою неточностью, противъ которой я вынуждена рѣшительно протестовать какъ набрасывающей тѣнь на доброе имя покойнаго украинскаго дѣятеля. Въ обрисовкѣ г-жей Алчевской онъ является чуть ли не противникомъ женскаго образованія на Украинѣ за отсутствіемъ національной школы,—во всякомъ случаѣ, человѣкомъ, способнымъ оставить за порогомъ школы желающихъ учиться только потому, что это были дѣвочки, которыхъ «не слѣдуетъ калѣчить» и т. д. Между тѣмъ, Б. Д., который вообще не дѣлалъ разницы между мужчиной и женщиной въ дѣлѣ образованія и одинаково находилъ, что «не слѣдуетъ калѣчить» ни тѣхъ, ни другихъ, всегда сочувствовалъ стремленію женщинъ къ свѣту и отстаивалъ право ихъ на образованіе ¹⁾). Уже въ силу одного этого, не говоря даже о физической невозможности для учителя не пускать желавшихъ учиться дѣвочекъ въ школу, Б. Д. не могъ совершить поступка, приписываемаго ему г-жей Алчевской.

На самомъ дѣлѣ ученицы въ Алексѣевской школѣ за все время нашихъ занятій тамъ не переводились, что опять-таки устанавливается письмами г-жи Алчевской. Въ письмѣ отъ 31-го августа 1890 года она между прочимъ пишетъ: «Какъ-то Марія Николаевна говорила мнѣ о своемъ желаніи приучать дѣвочекъ къ шитью. Если это состоится, не могла ли бы я дать имъ заказъ въ такомъ родѣ: вышить и сшить къ слѣдующему акту столько малорусскихъ сорочекъ, сколько учениковъ окончить курсъ?» «Очень рада,—читаемъ въ письмѣ отъ 25-го октября того же года,—что М. Н. начала уже свои занятія шитьемъ съ дѣтми». Ученицы, дѣйствительно, выполнили упомянутый выше заказъ, и мальчики выпускнаго класса получили при окончаніи школы сорочки, вышитыя товарками по школѣ. Наконецъ, въ реестрахъ вещей-подарковъ, присылавшихся г-жей Алчевской для школьной елки, неизмѣнно фигурируютъ: ленты, серьги, «намисто разное», «стрички» и т. п., предназначавшіяся, очевидно, не для мальчиковъ. Между тѣмъ въ передачѣ г-жи Алчевской выходитъ, что Б. Д. засталъ въ Алексѣевской школѣ «первыхъ ученыхъ женщинъ въ деревнѣ», а затѣмъ, воспользовавшись 3-мѣсячнымъ отсутствіемъ г-жи Алчевской, разогналъ ихъ, такъ что по возвращеніи ея изъ-за границы не оказалось «ни одной дѣвочки». Странно лишь, почему даже отдаленнаго намека на этотъ тягостный эпизодъ не находимъ въ письмѣ г-жи Алчевской, начинающемся буквально: «по пріѣздѣ изъ

¹⁾ Я позволю себѣ привести въ подтвержденіе этого одно мѣсто изъ сочиненій Б. Д., „Хорошей женой и хорошей матерью можетъ быть только та женщина, которая будетъ и хорошей гражданкой, а это невозможно въ наше время безъ образованія“,—писалъ, напр., онъ отмѣчая неприличную выходку одного галицкаго юмористическаго изданія насчетъ женщинъ, стремящихся къ просвѣщенію (см. „Л.-Н. Вістник“, 1901 г., кн. VII, Хроника, стр. 2)

Парижа» (16-го сентября 1889 г.). Еще болѣе странно, почему послѣ обнаружившагося въ такомъ кардинальномъ для г-жи Алчевской вопросѣ разногласія Б. Д. продолжалъ оставаться учителемъ въ Алексѣевской школѣ еще въ теченіе 4-хъ лѣтъ, до 1893 года, когда дѣйствительно вынужденъ былъ оставить любимое дѣло, вполне налаженную школу и сильно привязавшихся, какъ отмѣчаетъ и г-жа Алчевская, учениковъ...

Разногласія, конечно, были; расхожденіе во взглядахъ у Б. Д. съ г-жей Алчевской въ концѣ-концовъ дѣйствительно произошло полное. Причины его (онѣ вполне ясно обрисовываются въ перепискѣ и могутъ быть раскрыты по документамъ) не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ объясненіемъ, какое надъ могилой своего корреспондента даетъ теперь Х. Д. Алчевская...

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Марія Грінченко.

Кіевъ, 14. V. 1912.

Бібліографія.

Украинская педагогическая литература.

Украинская школа съ обученіемъ въ ней на материнскомъ языкѣ—вопросъ времени и только. Это понятно всѣмъ, кто внимательно слѣдилъ за эволюціей, которая совершается въ вопросахъ воспитанія и обученія. Міровая мысль ускореннымъ темпомъ и неуклонно идетъ къ удовлетворительному разрѣшенію назрѣвшихъ проблемъ воспитанія. Теперь уже мы видимъ, что теорія воспитанія и обученія перестала быть достояніемъ отдѣльныхъ лицъ и присяжныхъ педагоговъ. Жизнь проникла въ кабинеты ученыхъ и положила въ основу воспитанія природу ребенка. И если у насъ, въ Россіи, консервативные элементы оказываютъ всяческое сопротивленіе требованіямъ жизни, то это только временное, искусственное стремленіе повернуть назадъ колесо естественнаго развитія.

Жизнь націи находится въ прямой зависимости отъ нормальнаго воспитанія ребенка, а отсюда само собою вытекаетъ и серьезное значеніе, принадлежащее національной педагогической литературѣ.

Между тѣмъ русскіе педагоги и школьные дѣятели едва ли даже знаютъ о существованіи такого отдѣла украинской литературы, хотя для созданія его работали такіе корифеи, какъ Шевченко, Кулишъ, Гринченко и др. Начало этой работы относится къ 1857 г., когда впервые увидѣла свѣтъ «Грамматика» Кулиша. Продолжается она безостановочно и до сихъ поръ и будетъ, разумѣется, безостановочно идти далѣе, расширяясь и увеличиваясь качественно и количественно. Для такой увѣренности даетъ достаточныя основанія хотя бы бѣглый просмотръ того, что уже сдѣлано въ указанной области. Къ этому я и перехожу.

Обученіе грамотѣ. Мысль о возможности осуществленія у насъ народной украинской школы родилась въ концѣ 50-хъ годовъ. Политическая жизнь страны обѣщала тогда многое для Украины. Кулишъ, откликнувшись первымъ на тогдашнія вѣянія, издаетъ въ 1857 году свою «Грамматику»; за нимъ работаетъ надъ составленіемъ букваря Т. Шевченко. Букварь его увидѣлъ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1861 г., откуда пересылается въ Кіевъ и другіе города Украины. Въ 1861 же году былъ изданъ букварь Потебни, потомъ нѣсколькихъ другихъ авторовъ: Золотова, Шеймовскаго, Гатцука, Ященко. Но надежды украинцевъ не оправдались. Послѣдовавшія послѣ освободитель-

ныхъ дней репрессіи уничтожили всякую мысль о возможности родной школы на Украинѣ. Изданныя въ то время руководства утратили свою практическую цѣнность и остались только памятниками педагогической мысли, которая родилась тотчасъ, едва только возникъ намекъ на возможность работы, обнаруживая такимъ образомъ интеллектуальную потенцію націи.

Тяжелое положеніе украинской литературы, въ которое она поставлена была суровыми законами 1863—1876 г. отразилось и на педагогическомъ творчествѣ. Но съ 1905 г. благодаря относительной свободѣ печати и облегченнымъ цензурнымъ условіямъ мы снова встрѣчаемъ рядъ букварей довольно умѣло составленныхъ. Уже имена такихъ авторовъ, какъ: Гринченко, С. Русова, С. Черкасенко, достаточно говорятъ за безукоризненность ихъ съ художественно-литературной стороны. Что же касается педагогической обработки, то составители въ нихъ придерживались общепринятыхъ нынѣ правилъ звуковой системы. Кромѣ вышеприведенныхъ трехъ именъ, нынѣ имѣются въ продажѣ буквари Норца, Базилевича, Неводовскаго, которые уступаютъ первымъ кое-какими отступленіями отъ требованій методики, нѣкоторыми корректурными ошибками и относительной небрежностью въ выборѣ и подборѣ матеріала для чтенія.

За букварями идутъ книги для чтенія. Этого рода руководства меньше,—вѣроятно, потому, что изданіе ихъ стоитъ значительно дороже, а при отсутствіи обученія въ школахъ на украинскомъ языкѣ они не имѣютъ постоянного и достаточнаго сбыта и спроса. Тѣмъ не менѣе мы можемъ указать на только-что вышедшую «Першу-читанку—Рідна школа» С. Черкасенка. Это необыкновенно старательно и дѣльно составленная книга для чтенія въ первый годъ обученія въ начальныхъ школахъ. Видно, что составитель вложилъ много любви, знанія и труда, лишь бы сдѣлать ее украинскою, т.-е. близкою своему народу. И это ему удалось вполнѣ. По своему содержанію, по изложенію, по иллюстраціямъ, мы немного встрѣтимъ подобныхъ книгъ и въ русской педагогической литературѣ. Скоро должно выйти изъ печати еще «Рідне слово» Гринченка. Имѣемъ основаніе думать, что оно во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворитъ педагогическія требованія. Толково и тщательно составлена хрестоматія «Вінокъ» Бѣлоусенка, въ которой собрано много матеріала съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Книга эта уже и теперъ пользуется популярностью среди простого народа на Украинѣ. Несмотря на ея высокую цѣну (1 р. 20 к.). спросъ на нее растетъ съ каждымъ годомъ.

Указанныя книги безусловно займутъ въ будущей украинской школѣ видное мѣсто среди учебныхъ руководствъ. Рядомъ съ ними можно назвать также «Читанку» Хуторнаго.

Что касается изученія грамматики украинскаго языка, то для этого имѣется нѣсколько руководствъ. Наиболѣе подходящею для начальной школы является «Коротка грамматика» Г. Шерстюка. Этотъ опытъ изложенія грамматическихъ правилъ бли-

же всего стоитъ къ методу изложенія русскихъ руководствъ. Для всѣхъ правилъ имѣется въ немъ достаточно упражненій¹⁾).

По ариѳметикѣ мы имѣемъ нѣсколько руководствъ, близкихъ къ оригиналамъ россійскихъ педагоговъ. Особенность украинскихъ сборниковъ задачъ та, что они носятъ отпечатокъ демократизаціи, т.-е. отсутствія въ нихъ примѣровъ изъ жизни слоевъ и классовъ, отдаленныхъ отъ простаго народа. Лучшимъ руководствомъ по ариѳметикѣ надо считать сборники Степовика и «Ариѳметику» Конинскаго. Послѣдняя составлена въ 1863 году, но пригодна для школьнаго употребленія и теперъ.

По географіи на россійской Украинѣ мы имѣемъ всего одно руководство—С. Русовой «Початкова географія». Хотя въ начальной школѣ географія и необязательный предметъ, но какъ руководство для учителя при ознакомленіи дѣтей съ роднымъ краемъ книга С. Русовой даетъ весь необходимый матеріалъ. Для болѣе подробнаго изученія Украины могутъ служить руководства по географіи, изданныя въ Галиціи для австрійскихъ украинцевъ, а также книга С. Рудницкаго, профессора львовскаго университета, «Коротка географія Украины», изданная въ Кіевѣ.

То же самое мы можемъ сказать и объ исторіи Украины. Для изученія ея имѣется нѣсколько трудовъ, которые по своему содержанію являются выдающимися въ украинской педагогической литературѣ. Таковы: популярная «Історія України» проф. М. Грушевскаго и «Історія України-Русі» Н. Аркаса. Къ нимъ можетъ быть отнесенъ также прекрасный трудъ С. Ефремова «Історія українського письменства».

Почти всѣ названныя руководства составлены въ россійской Украинѣ и здѣсь же изданы. Этимъ еще разъ подтверждается, что стѣсненіями украинской печати нельзя удержать украинскую интеллигенцію отъ неустанной работы для несуществующей, но могущей быть украинской школы. Вѣра въ осуществленіе этой пока мечты живуча, какъ сама природа.

Мы нарочно не касались руководствъ, изданныхъ въ Галиціи, дабы показать, что намъ есть съ чѣмъ встрѣтить украинскую школу, даже не обращаясь за содѣйствіемъ и помощью къ сосѣдямъ. Мы терпѣливо ждемъ, что наши естественныя стремленія къ школѣ съ обученіемъ въ ней на родномъ нашимъ дѣтямъ языкѣ получатъ, наконецъ, удовлетвореніе. Тогда, безъ сомнѣнія, украинская педагогическая литература получитъ естественное дальнѣйшее развитіе, дастъ новые ростки. Въ настоящее время въ ней не имѣется методическихъ руководствъ, но этого, конечно, нельзя назвать упущеніемъ. Методъ возникаетъ при своемъ приложеніи; онъ создается въ моментъ преподаванія; и

¹⁾ Для болѣе основательнаго изученія и ознакомленія съ законами украинскаго литературнаго языка можемъ рекомендовать грамматику Залознаго и особенно Тимченка. Первый трудъ болѣе доступный, второй научный. Я. У.

если такого преподаванія нѣтъ на-лицо, то и рассчитывать на появленіе метода нельзя. Дайте школу, и появится методъ; создадутся системы, родственныя духу націи, ея индивидуальности. Впрочемъ, и здѣсь нѣтъ безусловно пустого мѣста. Въ 1910 году сталъ выходить ежемѣсячный педагогическій журналъ «Свѣтло». Идея національнаго воспитанія и обученія на родномъ языкѣ требовала появленія такого журнала. Появленіе его встрѣчено особенно радушно печатью.

На страницахъ новаго журнала мы находимъ рядъ цѣнныхъ статей широкаго принципиальнаго значенія. «Свѣтло» съ массой фактическихъ данныхъ въ рукахъ показало, что необходимость украинской школы не выдумка горсти «сепаратистовъ», а дѣйствительно естественная потребность народа,—такая же, какъ потребность дѣлать, говорить, двигаться и вообще жить. Журналъ «Свѣтло» вступилъ во второй годъ своего существованія, и въ этотъ короткій свой вѣкъ успѣлъ серьезно заинтересовать затронутыми вопросами нѣкоторые круги педагогическаго міра Украины. Надо думать, что съ появленіемъ у насъ родной школы почтенный журналъ обратится въ общеукраинскую педагогическую каедру.

Что касается дѣтской литературы, то хотя она находится въ первой фазѣ своего развитія, но обѣщаетъ дать для дѣтскаго чтенія много полезнаго и жизненнаго. Имѣющіяся въ продажѣ дѣтскія книжки представляютъ въ большинствѣ прекрасныя образцы того, какъ надо писать для дѣтей народа. Онѣ лишены того искусственно сантиментальнаго тона, той выдуманной среды, тѣхъ слащаво-добродѣтельныхъ персонажей, которыми такъ любятъ заполнять свои произведенія нѣмецкіе, польскіе, а отчасти и русскіе авторы. Кромѣ того, мы имѣемъ одинъ дѣтскій журналъ, посвященный «молодой Украинѣ»¹⁾. Издательницей его является извѣстная украинская писательница Олена Пчілка.

И это все?—быть можетъ, спроситъ читатель.

Да, это все; и это очень много для націи, которая не имѣетъ школы съ преподаваніемъ въ ней на материнскомъ языкѣ. Это очень много и потому, что имѣющійся матеріалъ по своей обработкѣ и по содержанію обладаетъ большою цѣнностью. А если принять во вниманіе, что онъ построенъ на одной только вѣрѣ въ будущее, которое то блеснетъ многообѣщающимъ миражемъ, то потемнѣетъ и покроется суровымъ мракомъ,—то работу эту надо будетъ признать необыкновенно продуктивной. Проснувшееся сознаніе и работающая мысль у возрождающейся націи творятъ повсюду, гдѣ находятъ или даже только предвидятъ выходъ своимъ накопившимся силамъ. Усиленно творить и ея педагогическая мысль.

Пусть дадутъ Украинѣ родную школу и тогда, говорятъ о нашей неподготовленности!

Я. Чепига. .

¹⁾ „Молода Україна“. Кіевъ. Благовѣщенская ул., 101. Цѣна 2 р.

Эпигоны Герцена.

Память Герцена, его бессмертный въ судьбахъ Россіи образъ дорогъ не только русскому обществу, но и всякому челоуѣку, кому близки и родственны идеи освобожденія челоуѣческой личности и предоставленія ей правъ и гарантій для свободнаго развитія. Уже въ силу одного этого образъ великаго изгнанника Россіи дорогъ и украинскому обществу. Но, какъ извѣстно, въ литературной дѣятельности Герцена имѣется страница, съ особой благодарностью и признаніемъ перечитываемая украинскимъ обществомъ. Содержаніе ея уже извѣстно читателямъ нашего журнала изъ статьи г. Хатченко, напечатанной въ четвертой книжкѣ «Украинской Жизни» (см. стр. 22—30). Вполнѣ понятнымъ представляется та признательность, съ какою вспомнило украинское общество знаменитаго великоросса, «друга Украины» въ столѣтнюю годовщину его рожденія. Изъ статей, посвященныхъ украинской прессой памяти Герцена, обращаетъ на себя вниманіе небольшая по размѣрамъ, но ярко написанная статья профессора М. Грушевскаго въ послѣдней книжкѣ (за апрѣль) журнала «Літературно-Науковий Вістникъ». Въ этой статьѣ украинецъ преклоняется передъ памятью великоросса, сумѣвшаго подняться до пониманія правъ украинскаго народа и смѣло, открыто, безъ всякихъ оговорокъ и зигзаговъ мысли возвысившаго свой авторитетный голосъ въ защиту этихъ правъ. Живыми штрихами обрисованъ авторомъ статьи привлекательный образъ Герцена, сжато передано содержаніе его важнѣйшихъ произведеній и особое вниманіе посвящено тѣмъ страницамъ «Колокола», гдѣ издатель его приглашалъ «развязать (украинцамъ) руки, развязать имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово». Цитируя въ концѣ своей статьи слѣдующее мѣсто изъ письма Н. Костомарова къ Герцену: «Вы проявили относительно Украины такой взглядъ, который мыслящая часть южно-русскаго народа издавна хранитъ какъ драгоценную святыню сердца»,—профессоръ М. Грушевскій говоритъ: «И эту «драгоценную святыню» украинское современное общество должно помянуть, вспоминая Герцена».

«Но къ этимъ благодарственнымъ, полнымъ пѣтизма воспоминаніямъ, въ данный моментъ само собой примѣшивается сожальніе. Такихъ рѣшительныхъ и свободныхъ отъ всякихъ «постороннихъ соображеній» взглядовъ на украинскій вопросъ, какіе рѣшался высказать Герценъ, украинское общество не слыхало не только до него, но и послѣ него,—по крайней мѣрѣ изъ устъ хотя приблизительно такихъ же авторитетныхъ, какъ Герценъ.

«Среди тѣхъ людей, которые считаютъ себя эпигонами Герцена, преемниками его идейныхъ завѣтовъ, мы напрасно искали бы людей съ такими же ясно выраженными взглядами на необходимость пересозданія Россіи на основахъ широкой децентрализаціи, въ интересахъ свободнаго и несвязаннаго развитія ея на-

родовъ. Его народолюбивые, прогрессивные, свободолюбивые идеалы нашли преемниковъ, которые развили его идейное наслѣдіе и пошли даже значительно дальше въ своихъ требованіяхъ; но наслѣдіе Герцена-федералиста, его пониманіе свободнаго самоопредѣленія народностей и областей остались выморочнымъ наслѣдствомъ среди признанныхъ руководителей современной прогрессивной Россіи. Этимъ руководителямъ еще и теперь, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ украинское движеніе такъ неизмѣримо выросло, а политическая фізіономія украинства стала несравненно выразительнѣе, еще и теперь приходится, часто съ большимъ трудомъ, доказывать то, что было вполне понятнымъ для Герцена 1860 г.: необходимость народной школы на украинскомъ языкѣ, народнаго языка въ судахъ, церкви и управленіи. А развѣ мы не были свидѣтелями, какъ еще недавно русскіе прогрессисты вмѣстѣ съ націоналистами дѣлили Холмщину, забывая о нуждахъ и интересахъ мѣстнаго украинскаго населенія?».

«И теперь при чтеніи газетъ съ описаніемъ манифестацій и рѣчей по поводу юбилея Герцена въ Россіи и за границей, когда передъ нами длинными рядами проходятъ болѣе или менѣе популярныя и извѣстныя имена, мы не услышали въ этихъ словословіяхъ Герцена той ноты, которая менѣе всего является отжившей изъ идейнаго его наслѣдства и больше всего даетъ для программы будущности Россіи,—тѣхъ соображеній, о которыхъ я говорилъ выше. Эпигоны Герцена за эту половину столѣтія въ нѣкоторыхъ вопросахъ пошли дальше Герцена, но здѣсь они не доросли до него. И въ ихъ юбилейныхъ похвалахъ что-то не зазвучало ни одного разу тѣ слова, которыя заставляли биться сердца украинцевъ 60-хъ годовъ въ униссонъ съ сердцемъ великаго «рыцаря духа». О піэтизмѣ этихъ украинцевъ къ Герцену они вспоминали; не забыли упомянуть и о томъ, съ какимъ чувствомъ цѣловалъ Шевченко страницы «Колокола», впервые получивши ихъ въ свои руки. Но что бы могъ поцѣловать современный украинецъ изъ произведеній современныхъ эпигоновъ Герцена?».

«Герценъ не призывалъ современныхъ ему украинцевъ къ совмѣстной дѣятельности, да это и не требовалось при томъ опредѣленномъ положеніи, какое онъ занялъ по отношенію къ негосударственнымъ народностямъ вообще и по отношенію къ украинцамъ въ отдѣльности. Послѣдніе признавали его единомышленникомъ и выразителемъ своихъ національныхъ интересовъ, и потому они и не нуждались въ призывахъ къ солидарности съ единомышленниками Герцена. Современные украинцы, наоборотъ, слышатъ непрестанно эти призывы или укоры въ томъ, что они избѣгаютъ совмѣстной дѣятельности. Но эти призывы не производятъ надлежащаго впечатлѣнія и, очевидно, не производятъ, несмотря даже на всѣ усилія самыхъ искреннихъ сторонниковъ украинско-великорусскаго контакта, пока въ этихъ призывахъ съ великорусской стороны не зазвучатъ ноты искренняго

и непредубѣжденного, смѣлаго и послѣдовательнаго признанія правъ народовъ, подобнаго тѣмъ, какія звучали въ огненныхъ словахъ великаго изгнанника Россіи».

Къ высказанному проф. М. Грушевскимъ едва ли можно что-либо прибавить по существу. Быть-можетъ, излишнимъ было бы конкретными примѣрами иллюстрировать позицію, занимаемую «эпигонами Герцена» въ украинскомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что и иллюстрацій такихъ накопилось немало со времени смерти Герцена.

Нѣкоторыя изъ этихъ иллюстрацій новѣйшаго происхожденія читатель найдетъ въ этомъ же № журнала въ статьяхъ нашихъ сотрудниковъ гг. Дм. Донцова и В. Садовскаго, къ которымъ мы его и отсылаемъ.

С. П—ра.

А. В. Стороженко. Происхождение и сущность украинофильства. Изд. клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ. Стр. 58 in 8^о. Кіевъ. 1912. Цѣна 30 коп.

Изданіе кіевскаго клуба русскихъ націоналистовъ принадлежитъ къ той смрадной литературѣ, отъ которой тошнить всякаго брезгливаго въ общественномъ смыслѣ человѣка. Область національныхъ отношеній, какъ извѣстно, въ особенности привлекаетъ всевозможныхъ патріотическихъ писателей, такъ какъ именно въ этой области имѣется полный просторъ для ихъ безудержной фантазіи и столь же безграничнаго человѣконенавистничества. Украинцы, поляки, евреи, бѣлорусы, грузины и др. «инородцы» при господствѣ націоналистическаго курса являются тѣми козлами отпущенія, на которыхъ упражняютъ силу своихъ мышцъ мимо идущіе гуляки, походя сквернословящіе, извращающіе на каждомъ шагу истину, въ карманъ за словомъ не лаящіе. Появилась даже своеобразная спеціализація, разграниченіе инородческихъ вопросовъ между отдѣльными лицами. Спеціалисты отдѣльныхъ отраслей дѣятельно разрабатываютъ каждый соотвѣтственную область, доставляя матеріалъ для легкой, такъ сказать, кавалеріи націоналистическаго войска,—всѣхъ этихъ Меньшиковыхъ, Савенокъ и т. п.,—которая на основаніи показаній «спеціалистовъ «категоряетъ усю систему» цѣликомъ, производя соотвѣтственные публицистическіе выводы. Своеобразное раздѣленіе труда проникло, какъ видимъ, даже въ среду націоналистическихъ наѣздниковъ печатнаго слова.

Г. Стороженко, такой именно спеціалистъ въ области украинскаго вопроса, стоявшій некогда въ извѣстной близости къ нѣкоторымъ украинскимъ теченіямъ, всего какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ помѣщавшій свои работы въ «Кіевской Старинѣ»,—г. Стороженко, несомнѣнно, кое-какія знанія въ области указаннаго вопроса имѣетъ. Этимъ онъ выгодно отличается отъ такихъ безусловно невѣжественныхъ субъектовъ, какъ г. Савенко, наглою развязностью замѣняющихъ фактическую подготовку. Но приемы пользованія матеріаломъ сближаютъ г. Стороженко съ названными невѣжественными субъектами до

того, что въ результатахъ ихъ работы всякая разница между ними стирается безслѣдно. Тамъ умолчаніе, здѣсь преувеличеніе, передержка въ одномъ мѣстѣ, подтасовка въ другомъ, извращеніе одного факта, собственное измышленіе вмѣсто другого,—и въ концѣ-концовъ получается типическое произведеніе той литературы, —отъ которой стошнить можетъ даже невзыскательнаго, но чистоплотнаго читателя.

По указанному рецепту приготовлена стряпня г. Стороженко, представляющая собой докладъ, прочитанный на собраніи членовъ націоналистическаго клуба осенью прошлаго года. Было бы скучнымъ и неблагодарнымъ занятіемъ вылавливать изъ лежащей предъ нами брошюры всѣ ея націоналистическіе перлы, въ видѣ извращенія, произвольныхъ утвержденій, фантастическихъ выдумокъ и пр., составляющихъ необходимѣйшій багажъ всякаго произведенія, выдержаннаго въ истинно-русскомъ духѣ. Брошюра г. Стороженка этимъ багажемъ, можно сказать, перегружена даже сверхъ всякой мѣры и потребности для его же собственныхъ надобностей, просто изъ любви къ искусству. Два—три замѣчанія покажутъ намъ это.

Украинское движеніе или, по официальной истинно-русской терминологіи г. Стороженка, украинофильство обязано своимъ возникновеніемъ, ну, разумѣется, польской интригѣ. Именно такъ-называемая украинская школа польской литературы, нѣкоторые представители которой получали въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія образованіе въ уманскомъ базилианскомъ училищѣ, вызвала къ жизни и „укаинофильскія лжеученія». Г. Стороженко какъ съ писаной торбой носится со своимъ изобрѣтеніемъ и серьезно считаетъ Умань колыбелью украинства. О томъ, что до появленія украинской школы въ польской литературѣ существовали уже украинскіе писатели, что самое возрожденіе украинской литературы произошло на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ брошюрѣ г. Стороженка не упоминается ни однимъ словомъ. Невозможно предположить, чтобы онъ не слыхалъ, напр., о Котляревскомъ и всей харьковско-полтавской группѣ украинскихъ писателей, хронологически выступившихъ раньше названной школы въ польской литературѣ, но... простое упоминаніе объ этомъ фактѣ разрушило бы изобрѣтенную г. Стороженкомъ заманчивую легенду о значеніи уманскаго училища, и потому онъ предпочитаетъ весьма краснорѣчивую для посвященныхъ въ тайны его творчества фигуру умолчанія. А уже разъ найдя искомую интригу, г. Стороженко выводитъ на ней такіе узоры, которые по своей фантастической изысканности и меньшекиково-савенковскимъ не уступятъ. Оказывается, что уставъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства былъ лишь сколкомъ съ идей польскихъ республиканцевъ, что подъ вліяніемъ той же интриги находились и дѣятели «Основы», и Драгомановъ, и украинскія «Громады»,—однимъ словомъ, всѣ и все, вплоть до самаго послѣдняго времени... Не забыты г. Стороженкомъ даже пресловутыя разоблаченія шпіона Раковскаго, по какой-то непомятой застѣнчивости, впрочемъ, не названнаго по имени. Особенно ненавистной для г. Стороженка фигурой являет-

ся проф. М. С. Грушевский, и на поражение послѣдняго онъ трагитъ—увы, бесплодно!—много націоналистическихъ патроновъ...

Всей украинской литературѣ г. Стороженко посвящаетъ только слѣдующія «прочувствованныя» строки: «Испаренія сатанинской злобы, ненависти и отчаянія (?!), поднимающіяся отъ никому ненужныхъ писаній господъ и госпожъ, какъ бы выползшихъ изъ какихъ-то подполій ада, прямо душатъ свѣжаго человѣка. Не скрываются ли подъ нѣкоторыми «украинскими» псевдонимами злобные сыны Іуды?» (стр. 51).

Приведенная выдержка дастъ читателю между прочимъ нѣкоторое представленіе и о благоуханномъ стилѣ г. Стороженка. А вѣдь стиль—это самъ человѣкъ... Хорошо долженъ быть г. Стороженко!

С. Ефремовъ.

„Націоналистъ“. Ежемесячный литературный и общественный иллюстрированный журналъ. Львовъ, 1912, №№ 1, 2, 3—4.

Ни одна нація не можетъ похвалиться такимъ громаднымъ числомъ ренегатовъ, какъ украинская. Характерныя черты всякаго ренегата—это страстная ненависть къ тому, что еще вчера было «своимъ», и доходящее до хамства раболѣпіе передъ новыми богами. Всѣми этими чертами въ высокой степени отличается новый органъ «русскихъ» націоналистовъ въ Галиціи. Органъ посвященъ,—какъ значитъ въ передовой статьѣ № 1,—«русской молодежи, всѣми чувствами желающей засвидѣтельствовать свою гордость по поводу (!) принадлежности къ героическому, могучему, русскому народу».

Главною цѣлью журнала является «воспитаніе русской молодежи въ духѣ истинныхъ русскихъ началъ» и приобщеніе ея къ русской культурѣ. О томъ, къ какой русской культурѣ сѣютъ гг. москвофилы любовь въ «русской» молодежи, видно уже изъ № 1-го. Въ этомъ номерѣ одинъ изъ «писателей» выступаетъ въ оборону русской культуры отъ... революціи, которую называетъ «бунтомъ, руководимымъ челоѣконенавистническими, богомъ отверженными, презрѣнными жидами».

Тутъ же находимъ статью о Л. Буренинѣ, который «всегда стоялъ на-стражѣ лучшихъ завѣтовъ русской литературы».

Кромѣ того, имѣются нѣсколько бездарныхъ рассказовъ съ патриотической тенденціей и еще болѣе бездарныхъ «стихотвореній» галицко-«русскихъ» гениевъ. Находимъ тамъ же стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи». Навѣрно, по ошибкѣ лишь редакція не помѣстила «разсужденіе» Карамзина «О любви къ отечеству и народной гордости». Въ послѣдней книжкѣ помѣщенъ горячій привѣтъ русскимъ академистамъ. По поводу сѣзда этой почтенной корпораціи журналъ выражаетъ надежду, что «несомнѣнно, близко уже время, когда ряды знательнаго русскаго студенчества раздавятъ передовыхъ хулигановъ, какъ въ свое время русское простонародье раздавило революціонную гидру». Отношеніе передовыхъ борцовъ за рус-

скую культуру въ Галиціи къ украинству, конечно, самое отрицательное.

По мнѣнію «Националиста», Шевченко можно сравнить развѣ съ разъяреннымъ животнымъ, устраняющимъ съ пути безъ разбору все, что попадаетъ подъ его когти». У этого автора націоналисты не находятъ «ни одной возвышенной мысли». И не можетъ ея, разумѣется, быть у чловѣка, который является «олицетвореніемъ злобы, ненависти, зависти, проповѣдникомъ анархическихъ идей, разврата и безвѣрія». Даже если бы и заранее не зналъ, чьему перу принадлежитъ послѣдняя цитата, можно бы было объ этомъ догадаться: такъ энергично выражаются только ренегаты. Если къ приведенному матеріалу прибавить нѣсколько дѣтско-наивныхъ сантиментально-напыщенныхъ «разсужденій» о патріотизмѣ, націонализмѣ и проч. высокихъ матеріяхъ, то содержаніе трехъ тощихъ книжечекъ «Националиста» будетъ исчерпано.

Рускіе безъ кovyчкxъ могутъ быть довольны «русскими» въ кovyчкaxъ: работаютъ старательно.

Съ «Националистомъ» и вообще съ «русской» литературой въ Галиціи особенно рекомендовалъ бы познакомиться тѣмъ опекунамъ москвофиловъ, которые причисляютъ себя къ либеральному лагерю.

Дм. Донцовъ.

Павель Игнатьевичъ Житецкій (1836—1911). *Отпускъ изъ Ежегодника Коллегіи Павла Галагана. Стр. 33. Кіевъ, 1912.*

Годъ съ небольшимъ тому назадъ скончался выдающійся украинскій ученый, авторъ многихъ замѣчательныхъ трудовъ по исторіи украинскаго языка и литературы, П. И. Житецкій. Покойный никогда не замыкался въ тѣсную сферу чисто кабинетныхъ изысканій; выдающійся ученый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и живымъ, отзывчивымъ гражданиномъ своей родины, болѣвший ея болями, чутко откликавшимся на ея запросы и нужды, на своей личности испытывавшимъ до нѣкоторой степени ея горькую судьбу. Какъ бы созданный для профессорской каѳедры, Житецкій тѣмъ не менѣ всю свою жизнь оставался, по его собственному выраженію, «пѣпомъ безъ парафіи» (безприходнымъ попомъ) благодаря его украинскому происхожденію и убѣжденіямъ. Въ молодости вмѣсто научной работы при университетѣ Житецкій долженъ былъ довольствоваться тяжелымъ и мало продуктивнымъ въ научномъ смыслѣ трудомъ преподавателя средней школы, ибо ему дано было понять, что профессоромъ литературы въ кіевскомъ университетѣ «можетъ быть только великороссъ и притомъ москвичъ». Когда, впоследствии, Житецкій все-таки попытался занять каѳедру, уже какъ извѣстный ученый, то кіевскій университетъ попросту забаллотировалъ его. И только незадолго до смерти Житецкаго тотъ же университетъ призналъ его достойнымъ докторской степени *honoris causa*, — но уже было поздно: силы ушли на борьбу съ житейскими невзгодами...

Такимъ образомъ, какъ крупная научная величина, Житецкій почти не былъ использованъ, и его научная работа протекала въ условіяхъ, не благоприятствующихъ такой дѣятельности. Но зато онъ развернулъ во всю ширь свой воспитательный талантъ, сдѣлавшись «учителемъ учителей», какъ преподаватель многихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ извѣстной коллегіи Павла Галагана. Черезъ руки Житецкаго прошли многія поколѣнія молодежи, не одинъ изъ его учениковъ занимаетъ теперь видное мѣсто въ ученomъ мѣрѣ, интересомъ къ научной работѣ будучи обязанъ въ значительной степени урокамъ покойнаго. Неудивительно поэтому, что среди бывшихъ учениковъ Житецкаго хранится память о немъ, какъ о свѣтломъ «учителѣ жизни», заложившемъ первые ростки сознательнаго отношенія къ наукѣ и жизни. Неудивительно, что имя покойнаго среди его учениковъ окружено особымъ пѣтизмомъ, носящимъ характеръ интимной близости.

Выраженіемъ такого пѣтизма является и настоящій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго, составленный однимъ изъ его учениковъ и напечатанный въ органѣ той школы, украшеніемъ которой былъ Житецкій во время долготѣней своей преподавательской дѣятельности. Несмотря на свой небольшой объемъ и вполнѣ понятные пробѣлы, очеркъ даетъ представленіе о жизни и дѣятельности Житецкаго, являясь однимъ изъ первыхъ опытовъ его біографіи. Нужно надѣяться, что ученики и почитатели покойнаго не ограничатся первыми, уже по одному этому далекими отъ совершенства опытами, а постараются дать болѣе или менѣе полную біографію, характеристику и оцѣнку научной дѣятельности своего учителя. Личность его, взгляды и дѣятельность заслуживаютъ самой широкой извѣстности.

С. Е.

Сидоровъ. *Инородческій вопросъ и идея федерализма въ Россіи.* Изданіе Моск. Отдѣла Всероссійскаго Національнаго Союза. Москва. 1912. Ц. 25 к.

Въ началѣ своей брошюры г. Сидоровъ пытается говорить спокойнымъ тономъ и указываетъ на два возможные пути рѣшенія инородческаго вопроса въ Россіи: путь первый—все растушая централизація и «распространеніе на окраинахъ русской культуры»; путь второй — «предоставленіе инородческимъ окраинамъ національныхъ автономій, а затѣмъ превращеніе Россіи въ федеративное государство» (стр. 5). Въ дальнѣйшемъ онъ пытается прослѣдить развитие федеративной идеи въ Россіи, причемъ обвиненіе въ стремленіи насадить федерализмъ въ Россію предьявляется самому Александру І. По мысли автора, всѣ современные проекты кадетовъ, трудовиковъ, с.-д., с.-р. и др. въ вопросахъ объ областномъ раздѣленіи Россіи и объ инородцахъ очень близки къ проектамъ Новосильцева и декабристовъ (стр. 45). Въ общей цѣпи федеративныхъ попытокъ пересозданія Россіи не послѣднее звено, согласно утверженію г. Сидо-

рова, займають и украинці—прежде всего въ федеративныхъ идеяхъ Кирилло-Меодіевскаго братства, затѣмъ въ лицѣ Драгоманова во времена «Земскаго Союза», а позже уже въ формѣ современнаго украинства. Г. Сидоровъ, цитируя проф. М. Грушевскаго, утверждаетъ, что «многіе современные украинофилы идутъ дальше г. Грушевскаго и прямо говорятъ о «самостійной» республиканской Украинѣ отъ Карпата до Чернаго моря и Кавказа, съ социалистическимъ строемъ жизни» (стр. 50).

Приходится предположить одно изъ двухъ: либо въ представленіяхъ г. Сидорова объ украинскомъ національномъ движеніи царить изрядная путаница, либо сгущеніе имъ красокъ производится въ специальныхъ цѣляхъ: смотрите, молъ, сколь крамольны эти украинцы со своимъ социалистическимъ строемъ и республикою.

Вся аргументація автора въ пользу самобытныхъ русскихъ началъ подавленія инородцевъ сводится къ указанію на то, что начало федеративное является для Россіи не созидательнымъ, а разрушительнымъ, и если бы было осуществлено «самоопредѣленіе» національностей, то ничего, кромѣ раздора и анархіи, не получилось бы.

Конецъ брошюры г. Сидорова уже переходитъ въ обычный тонъ русскихъ націоналистовъ: инородцы работаютъ, конечно, на пользу иностранцевъ, еврейское засилье повсюду одолеваетъ и т. д., и т. д. Одно полезное дѣло можетъ, однако, совершить брошюра г. Сидорова, хотя и вопреки его собственнымъ видамъ: она, думается намъ, способна возбудить интересъ къ вопросу о федерализмѣ и объ его судьбахъ въ Россіи. Идея централизма еще слишкомъ глубоко сидитъ не въ однихъ только принципахъ управленія, какъ полагаетъ г. Сидоровъ, а и среди широкихъ прогрессивныхъ русскихъ круговъ, какъ объ этомъ еще ярко писалъ въ свое время Драгомановъ. Между тѣмъ, раньше или позже, вопросъ объ урегулированіи сложныхъ національныхъ отношеній въ Россіи, вопросъ объ обезпеченіи правъ національныхъ меньшинствъ предстанетъ во всемъ своемъ значеніи, и напоминать объ этихъ вопросахъ, подвергать ихъ всестороннему обсужденію какъ-разъ въ пору. Брошюра г. Сидорова какъ-никакъ все-же представляетъ поводъ для такого обсужденія.

И. Л.

С. Ф. Русова. *Одно слово правди за євреїв (Судові ритуальні єврейські справи)*. Видання В. Яковенка. 1912 року. 32 сторинки. Ціна 6 коп.

Первымъ христіанамъ пришлось перенести немало гоненій вслѣдствіе обвиненія ихъ въ употребленіи челоуѣческой крови. Въ настоящее время двуногіе звѣри, облыжно присваивающіе себѣ имя христіанъ, предъявляютъ такія же обвиненія къ євреямъ и воздвигаютъ на нихъ не менѣ жестокія гоненія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю самоотверженныхъ послѣдователей галилейскаго Учителя. Здѣсь, впрочемъ, имѣется и существенное стличіе: гоненія на євреевъ со всѣми ужасами и дикостью погро-

мовъ и ритуальнихъ процессовъ происходятъ не на зарѣ христіанской эры, а почти черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ созданія религіи любви. Позорное первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи, въ которой въ непродолжительномъ времени снова предстоитъ процессъ, возникшій изъ жестокаго, антихристіанскаго извѣта на евреевъ, совершившихъ будто бы въ Кіевѣ ритуальное убійство христіанскаго мальчика Ющинскаго.

Мы можемъ только привѣтствовать появленіе при такихъ условіяхъ брошюры С. Ф. Русовой, заглавіе которой приведено выше. И не только привѣтствуемъ мы ее, но и рекомендуемъ всякому интеллигентному читателю дѣятельно распространять эту грустную, но крайне необходимую по нынѣшнимъ временамъ книжку въ средѣ малосознательнаго населенія, особенно въ городахъ. Брошюра составлена прекрасно и содержитъ массу яркихъ и живо изложенныхъ фактовъ, которые убѣдительнѣе всякихъ словъ. Авторъ, впрочемъ, не оставляетъ безъ вниманія и догматической стороны вопроса, выясняя совершенную недопустимость для евреевъ, въ силу свято исполняемыхъ ими библейскихъ и талмудическихъ требованій, употребленія въ пищу какой бы то ни было крови. На русскомъ языкѣ такой удачно составленной книжки для народа о ритуальныхъ легендахъ мы не знаемъ, и намъ думается, что перевести ее для русскаго народа было бы очень своевременно.

А. С.

СОДЕРЖАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Українська Хата» (За мартъ и апрѣль). Гр. Чупринка. З циклю «Контрасти».—М. Філянський. Ad majorem Dei gloriam.—Я. Мамонтов. В той час.—Творчій огонь.—В. Будай. Вони (ескіз).—М. Чернявський. Дала мені природа. О. Неприцький-Грановський. Таємна постать.—Мак. Рильський, З циклю «Відпочинок».—М. Сріблянський. Боротьба за індивідуальність.—Гр. Коваленко. Про український стиль і українську хату.—Олена Журлива. N. N.—Ан. Товкачевський. Поцілунок Іуди укр. народів.—Яків Вассерман. Літерат. перек. з ним М. Евшана.—Вас. Алешко. Я не з вами.—Ан. Товкачевський. Будинок на піску, або «Собираніє Руси» Петром Струве.—Лист до громадянства.—Бібліографія.

«Світло». Кн. 8. С. Ефремов. Живий пам'ятник. Памяти Б. Грінченко.—С. Черкасенко. Народний учитель. З нагоди 2-х роковин смерті Б. Грінченка.—Д. З. Бір. Апперцепція й ридна мова в школі.—С. Сірополко. Первий шлях.—С. Русова. 60-літні роковини «Хатини Дядька Тома».—Гр. Наш. Де які згадки екзаматора.—З біжучого життя.—Шкільна хроніка.—Критика—й біографія.

«Літературно-Науковий Вістник» (За апрѣль). Від Редакції.—Мих. Коцюбинський. Подарунок на іменини.—М. Грушевський. В столітні роковини Герцена.—О. «Олесь». Кричи, паяце.—О. Кобилянська. Через кладку, повість (далі). — Synopticus.

Холмська дебата в Думі.—М. Чернявський. Поезії.—М. Матвіїв. Промисловість на російській Україні у 1910 р.—Макс. Рильський. Сільський сонет.—Наталка Полтавка. Трагічний малюнок.—Остап Трищай. Із нашої драмачної літератури.—О. Слісаренко. З циклю. «Весняні сні».—В. Садовський. Нове земство і його перспективи.—Фр. Містраль. Спогади та оповидання (перек. Г. Чикаленко).—М. Гехтер. Українське життя в 1911 р.—Л. Цегельський. В зачарованім колесі австрійського парламенту.—
Бібліографія.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Мих. Грушевський. Про українську мову і українську школу. Київ. 1912. Ціна 10 к.

С. Русова. «Одно слово правди за євреїв. Судові ригуальні єврейські справи. Київ. 1912. Ц. 6 к.

Отчетъ о дѣятельности Украинскаго Агрономическаго Кружка за 1910 и 1911 гг. Отдѣльный оттискъ изъ отчета Московскаго сельскохозяйственнаго института за 1911 г. Москва. 1912.

М. Комаров. До «Української драматургії». Збірка бібліографичного знадібку до історії укр. драми і театра за 1906—1912 рік. Одесса. 1912. Ц. 90 к.

Г. Коваленко-Коломацький (Гр. Сьогобочний). З часів поривів і надій. Київ. 1911. Ціна 40 к.

Земскій Сборникъ Черниговской губерні. Апрѣль. 1912.

С. Подолянин. Українець за кордоном і мандрівка в минуле. Видавництво «Дзвін». Київ. 1912. Ц. 6 к.

С. Тодсієнко. Розмова про школу. В—во «Дзвін». Київ. 1912. Ц. 4 к.

Про лихі пошести, та як боротися з ними. Ц. 10 к.

Хр. Алчевська. Вишневий цвіт. Харьків. 1912. Ц. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ,
общедоступную, безпартійную, дешевую газету:
„Сумской Вѣстникъ“.

(Выходитъ съ 15 февраля 1912 г.).

Ставя своею задачею обслуживаніе интересовъ мѣстнаго края, обладая всѣми отдѣлами большихъ газетъ, „Сумской Вѣстникъ“ внимательно слѣдитъ за ходомъ событій всего міра, ежедневно знакомя своихъ читателей со всѣмъ тѣмъ, что заслуживаетъ общаго вниманія.

Ежедневно телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ.

„Отдѣлъ мѣстной жизни“ ежедневно сообщаетъ читателямъ свѣдѣнія о томъ, что произошло въ Сумахъ и его окрестностяхъ.

Отражать правдиво на своихъ страницахъ жизнь всей Россіи и всего міра—съ одной стороны; привлекать вниманіе всей печати къ явленіямъ мѣстной жизни—съ другой стороны; въ этомъ вся цѣль посильной работы „Сумск. Вѣстн.“ на пользу роднаго края.

Какъ по простотѣ языка и ясности изложенія статей, такъ и по дешевизнѣ „Сумской Вѣстникъ“ является доступнымъ для самыхъ широкихъ слоевъ грамотнаго населенія края.

Подписная цѣна газеты: на 12 мѣс.—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс. 60 к. Цѣна отдѣльнаго номера 3 к.

Адресъ Редакціи: г. Сумы, Безсмертный пер., домъ № 2. Телефонъ № 173.

Редакторъ-Издатель **И. Г. Ильченко.**

1-го Січня 1912 року почала виходити єдина українська часопись на Слобідській Україні

„С Н І П“

яка мистить в собі статті в справах політичних та громадських; огляди критичні; з поля літератури та мистецтва; фельетони, оповідання, вірші; галерею сучасних діячів; хроніку подій, дописи, ілюстрації то-що.

Виходить раз на тиждень. Услови предплати: на рік 3 руб., пів року 1 руб. 75 коп., 3 місяці 1 руб., окреме число 5 коп. За кордон на рік 4 руб., пів року 2 руб.

АДРЕСЬ: *Харьків, Конторська, 21.*

Александръ Закржевскій.

„КАРАМАЗОВЩИНА“.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ:

Достоевскій, Валерій Брюсовъ, В. В. Розановъ, М. Арцыбашевъ.

Изданіе журнала „ИСКУССТВО“.

Кіевъ 1912 г.—Цѣна 1 рубль.

Магазинъ **Л. ИДЗИКОВСКАГО** (Кіевъ, Крещатиць, 29).